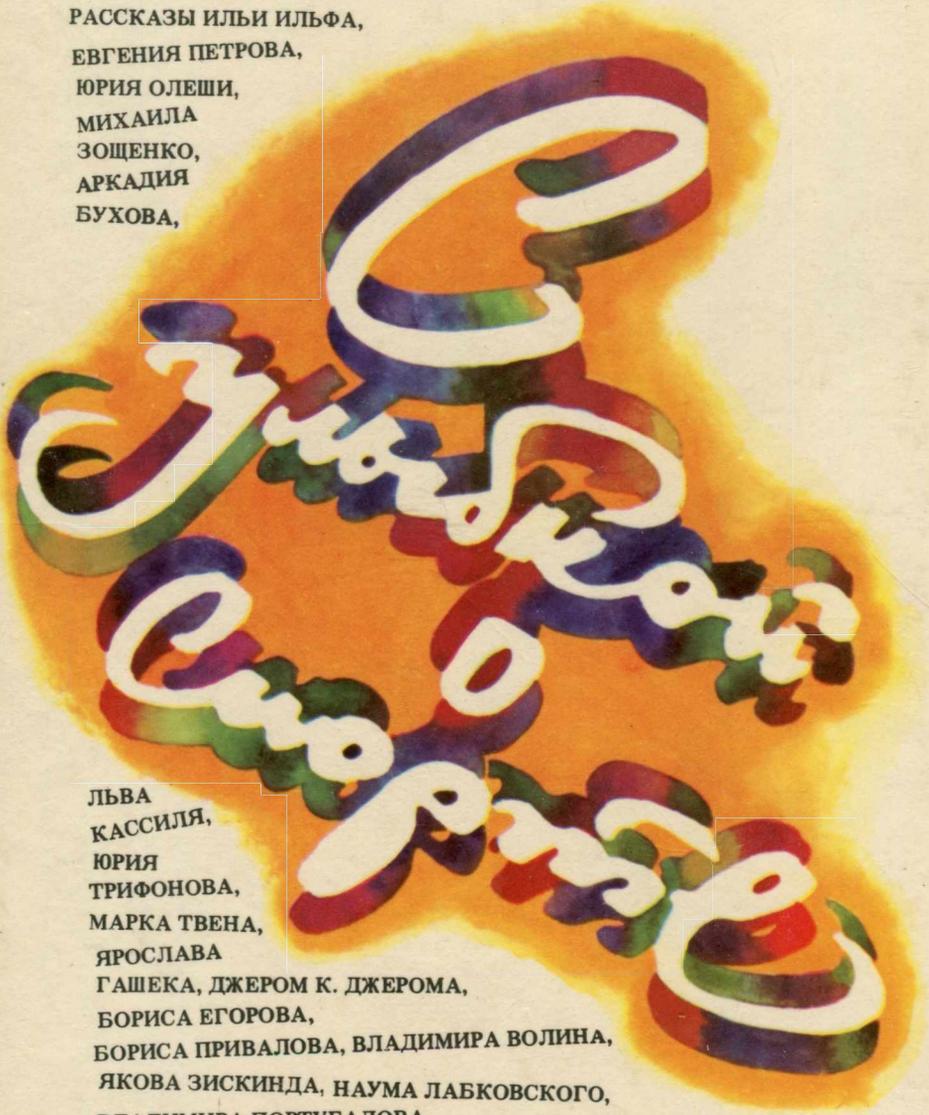

ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ САТИРЫ И ЮМОРА
АТАКУЮТ СПОРТИВНУЮ ТЕМУ
СОВЕТСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ.
В СБОРНИК ВОШЛИ:
СТИХИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО.
РАССКАЗЫ ИЛЬИ ИЛЬФА,
ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА,
ЮРИЯ ОЛЕШИ,
МИХАИЛА
ЗОЩЕНКО,
АРКАДИЯ
БУХОВА,

ЛЬВА
КАССИЛЯ,
ЮРИЯ
ТРИФОНОВА,
МАРКА ТВЕНА,
ЯРОСЛАВА
ГАШЕКА, ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМА,
БОРИСА ЕГОРОВА,
БОРИСА ПРИВАЛОВА, ВЛАДИМИРА ВОЛИНА,
ЯКОВА ЗИСКИНДА, НАУМА ЛАБКОВСКОГО,
ВЛАДИМИРА ПОРТУГАЛОВА.
ПОВЕСТЬ НИКОЛАЯ ЕЛИНА, ВЛАДИМИРА КАШАЕВА.
ПОДРАЖАНИЯ КОРНЕЮ ЧУКОВСКОМУ,
АГНИИ БАРТО, АЛЕКСАНДРУ ТВАРДОВСКОМУ,
ЕВГЕНИЮ ЕВТУШЕНКО, БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ,
БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ, НОВЕЛЛЕ МАТВЕЕВОЙ,
РОБЕРТУ РОЖДЕСТВЕНСКОМУ.

С
Знаменитый
Спортсмен
Д

Москва
«Физкультура и спорт»
1983

С улыбкой о спорте: Сборник/Сост. Н. Л. Елин;
С11 Худож. Б. И. Жутовский.—М.: Физкультура и спорт, 1983.—168 с., ил.

Сборник веселых, остроумных рассказов, новелл, шуток, карикатур, дружеских шаржей и эпиграмм на темы спорта.

Дружеские шаржи художника И. Соколова. Юмористические рисунки К. Неулера, М. Ушаца, Е. Шабельника, И. Сычева, О. Теслера, С. Тюнина, Н. Львова, В. Владова, А. Скотаренко, Г. Каравасовой, Г. Иорш, Г. Андрианова, А. Крылова.

С 4700000000-064 13-83
009(01)-83

ББК 84Р7
Р2

С УЛЫБКОЙ О СПОРТЕ

Составитель Николай Львович Елин

Заведующий редакцией В. Л. Штейнбах. Редактор Н. Я. Сулова. Художник Б. И. Жутовский. Художественный редактор Е. С. Пермяков. Технический редактор Н. А. Суровцова. Корректор Л. В. Чернова. ИБ № 1579. Сдано в набор 06.08.82. Подписано к печати 18.05.83. А03105. Формат 60×90/16. Бумага офс. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. п. л. 10,50. Усл. кр.-отг. 43,76. Уч.-изд. л. 14,81. Тираж 50 000 экз. Издат. № 6685. Зак. 1510. Цена 1 р. 70 к. Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421. Москва, Каляевская ул., 27. Набрано ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографией имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, пр. Ленина, 5.

© Издательство «Физкультура и спорт», 1983 г.

Составитель
Н. Л. ЕЛИН

Художник
Б. И. ЖУТОВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ**
5 Мы любим спорт
- ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ**
9 Товарищи, поспорьте о красном спорте!
- ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ**
10 Любители футбола
- ЮРИЙ ОЛЕША**
13 Ни дня без строчки
- МИХАИЛ ЗОЩЕНКО**
17 Страдания молодого Вертера
- АРКАДИЙ БУХОВ**
20 Парус
- БОРИС ЛАСКИН**
23 Туман над Темзой
- ЛЕВ КАССИЛЬ**
26 Пекины бутсы
- ЮРИЙ ТРИФОНОВ**
31 Небывалые страдания болельщиков
- ЛЕОНИД ЛЕНЧ**
36 Скользкая тема
- АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ**
38 Голос из партера
- АЛЕКСАНДР РАСКИН**
40 Забавные истории
- КЛАССИКИ ШУТЯТ**
- МАРК ТВЕН**
45 Укрощение велосипеда. Перевел с английского Н. Дарузес
- ЯРОСЛАВ ГАШЕК**
51 Дружеский матч. Перевела с чешского Е. Аникст
- 57 Марафонский бег. Перевела с чешского Р. Разумова
- ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ**
63 Следует ли женатому человеку играть в гольф? Перевел с английского В. Хинкис
- ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ**
68 Шахматист. Перевел с еврейского А. Нусинов
- НА СТАРТЕ ЮМОР**
- БОРИС ЕГОРОВ**
77 По азимуту
- БОРИС ПРИВАЛОВ**
80 Знаток системы
- АЛЕКСЕЙ ХОДАНОВ**
82 Без номера
- ВАДИМ ЛЕЙБОВСКИЙ**
84 Вперед по волнам эфира!
- ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН**
92 К любви — через борьбу
- ЗИНОВИЙ ПАПЕРНЫЙ**
96 Я бью по воротам
- ВЛАДИМИР ВОЛИН**
97 Опасное движение головой
- МАРК ВИЛЕНСКИЙ**
98 Только после, а не до

- ГЕРБЕРТ КЕМОКЛИДЗЕ
100 Пенальти на чужом поле
ВЛАДИМИР ДВОРЦОВ
102 Анна унд Марта баден
ГЕННАДИЙ СЕМАР
103 Легкий человек
ТАТЬЯНА ШАБАШОВА
105 Бег
ЮРИЙ ПРОКОПЕНКО
106 Позвольте заметить. Перевел с украинского Я. Островский
ИЛЬЯ МИЛАНИН
107 Золото
ФРИДРИХ МАЛКИН
108 Последняя тренировка
СЕМЕН КОМИССАРЕНКО
110 Шахматы по переписке
111 Как чуть не завалили Канарейки-на
ЖОЗЕФ МОНЛУИ
112 Самозванец № 17. Перевела с французского Т. Руденко
ВЛАДИМИР СВИРИДОВ
114 Солидные должности
ЛЕВ КОРСУНСКИЙ
115 Марафон
115 Темной ночью
МИХАИЛ КАЗОВСКИЙ
116 Тройной тулуп
ВЛАДИМИР ПОРТУГАЛОВ
117 Знаменитость
САВЕЛИЙ ЦЫПИН
118 Фигурное катание
ЮРИЙ ЗОЛОТАРЕВ
118 Непонятливый
119 Разошлись во взглядах
ВЛАДИМИР ПАНКОВ
119 Специалистка по футбольным эмоциям
СЕРГЕЙ ДИК
120 Матч века
ПАУПИКО
122 Почему я стал болельщиком. Перевела с испанского А. Нееми

- ВЛАДИМИР СЛУЦКИЙ
123 Не спортивно!
ЛАСЛО ТАБИ
124 Выдержал! Перевела с венгерского Е. Тумаркина
НАУМ ЛАБКОВСКИЙ
124 Полиглоты на поле
БОРИС РЯБИКИН
126 Ключка
АПОСТОЛ КАРАМАНОВ
127 Крылатая новость. Сокращенный перевод с болгарского Н. Лабковского
ЯКОВ ЗИСКИНД
128 Штрафной удар
ВЛАДИМИР ПРУТЦКОВ
130 Дебют согласия
НИКОЛАЙ ЕЛИН. ВЛАДИМИР КАШАЕВ
131 Жертва Бермудского треугольника. Сатирико-фантастическая повесть

КАЛЕЙДОСКОП

- ЕВГЕНИЙ ВЕРБИН
162 Бакуриани
ЮРИЙ БЛАГОВ
162 Один и пятеро
МИХАИЛ РАСКАТОВ
162 Не для меня
АЛЕКСАНДР ИВАНОВ
163 Баллада о левом полузащитнике
163 Март простодушный
БОРИС ЮДИН
164 На стадионе
164 Нельзя
165 Международвстреча
165 У Вовы праздник
ЯКОВ КОСТЮКОВСКИЙ
166 Неоконченная сказка
167 Спортивные новости из стенгазеты «Клуба 12 стульев» «Литгазеты» «Рога и копыта», журнала «Крокодил», газеты «Советский спорт» и др.

Отгремели стартовые выстрелы Московской олимпиады. Грандиозный спортивный форум Олимпиада-80 прошел с большим успехом. Высокий спортивный уровень и отличная организация Игр получили высокую оценку у нас в стране и за рубежом, а все попытки некоторых «любителей спорта» сорвать Олимпийские игры в Москве, как известно, потерпели крах. Иного и не могло быть.

Поутихли олимпийские страсти, но спортивная жизнь продолжается: физкультурой и спортом занимаются в нашей стране миллионы людей. О высоком уровне нашего спорта говорят достижения спортсменов Страны Советов на международной арене: на олимпийских играх, мировых и европейских чемпионатах, на крупнейших международных соревнованиях. Эти победы вызывают в нас чувство радости и гордости за нашу молодежь, за наш спорт.

В своем докладе на XXVI съезде партии товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Забота о здоровье людей неотделима от развития физической культуры и спорта. Московская олимпиада наглядно показала замечательные достижения советских спортсменов. Однако нас всегда интересовали не только спортивные вершины, а прежде всего массовость физкультуры и спорта. Успехи в этом деле очевидны. Но все же для большинства людей спорт остается пока лишь зрелищем. Такое положение надо исправлять. Физическая культура должна входить в повседневную жизнь широких слоев населения и особенно детей». Как точно и своевременно это сказано, поэтому задача всех, кто любит спорт, в том числе и сатириков,— дать бой всему, что мешает нашему физкультурному движению.

Издательство «Физкультура и спорт», продолжая хорошую традицию, предлагает читателям очередной веселый сборник «С улыбкой о спорте», и это естественно, поскольку спорт и юмор олицетворяют бодрость и оптимизм, а значит, улыбку и шутку.

В сборнике много смешного, но он вызывает и серьезные чувства. И прежде всего учит любить спорт и его героев. К сожалению, есть в сложном мире спорта и недостатки. Встречаются еще спортсмены, для которых честь команды, чувство ответственности перед товарищами не являются обязательными; бывает, что отсутствие настоящего мастерства подменяется откровенной грубостью на стадионах и спортивных площадках и неуважением к огромной армии любителей спорта. Да и болельщики не всегда бывают на высоте, иные так «подогревают» свой энтузиазм, что присутствие на страницах сатирического киножурнала «Фитиль» было бы для них, пожалуй, более подходящим, чем на трибунах стадиона.

Есть еще элементы зазнайства у некоторых молодых спортсменов, а околоспортивные «меценаты» подчас способствуют этому нездоровому явлению.

Все это не типично для нашего спорта, но работа для юмористов и сатириков еще есть.

Автор этих строк пишет предисловие уже к четвертому выпуску юмористического сборника на спортивную тему и твердо уверен, что в бескомпромиссной

борьбе с отрицательными явлениями в спорте очень пригодится такое проверенное на практике оружие, как сатира.

В настоящем сборнике сатира и юмор представлены в самых различных жанрах веселого многоборья: повесть, рассказы, юморески, стихи, карикатуры, дружеские шаржи, эпиграммы. В сборнике использованы произведения писателей нескольких поколений. Это делает книгу разнообразной по содержанию и по форме подачи материала. На мой взгляд, верно поступил составитель сборника, объединив в главе «Это было недавно, это было давно» писателей старшего поколения. Произведения прошлых лет о спорте, несомненно, заинтересуют читателей, и в первую очередь молодежь. Достаточно назвать такие имена, как В. Маяковский, И. Ильф и Е. Петров, Ю. Олеша, Шолом-Алейхем, Л. Кассиль, М. Зощенко, Ю. Трифонов, Л. Ленч, Б. Ласкин. Среди иностранных авторов — Марк Твен, Я. Гашек, Джером К. Джером и другие широкоизвестные писатели. В главе «На старте — юмор» собраны рассказы популярных советских сатириков. Среди них: Б. Егоров, Е. Дубровин, Б. Привалов, Ю. Золотарев, а также большая группа молодых юмористов.

В сатирико-фантастической повести Н. Елина и В. Кашаева «Тайна Бермудского треугольника» авторы в остро гротесковой форме дают понять, что у нас не все благополучно на футбольном поле.

Авторы сборника хорошо знают, что сатира не только разит, но и лечит. Такие книги, критически освещая теневые стороны спортивной жизни, помогают исправить недостатки — и это главное.

Мне довелось побывать на зимних Играх в Кортина д'Ампеццо, в Инсбруке и на Олимпиаде в Риме. Я горжусь победами наших спортсменов, хотя сам могу подкрепить их рекорды лишь утренней зарядкой в домашних условиях. И еще, может быть, этой небольшой статьей, которой хочу подчеркнуть, что писатели и художники — верные поклонники нашего спорта. Одно из доказательств этого — новая, на мой взгляд, интересная книга, авторы которой заставляют не только смеяться, но и пропагандируют спорт, призывая нас еще шире внедрять физическую культуру в повседневную жизнь народа.

*Сергей Михалков,
Герой Социалистического Труда*

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

ЮРИЙ ОЛЕША

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

АРКАДИЙ БУХОВ

БОРИС ЛАСКИН

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЮРИЙ ТРИФОНОВ

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ

АЛЕКСАНДР РАСКИН

ПАРЕНЬ,
БИЦЕПСОМ
НЕ ОЧЕНЬ-ТО
ГОРДИСЬ!
В СПОРТ
ПОКА
НЕ ВНЕСЕНО
ОСОБЫХ
МЕН.

НАМ
НЕОБХОДИМ
НЕ БЕЗГОЛОВЫЙ
РЕКОРДИСТ -

НУЖЕН
МАССУ
ПОДЫМАЮЩИЙ
СПОРТСМЕН.

ТОВАРИЩИ,
ПОСПОРЬТЕ
О КРАСНОМ СПОРТЕ!

Подымая гири и гантели.
обливаясь сто десятым потом,
нагоняя мускулы на теле,
все двуногие заувлекатись спортом.
Упражняются. мрачны и одиноки.
Если парня, скажем, осенил футбол,
до того у парня мускулятся ноги,
что идет, подламывая пол.
Если парень боксами увлекся,
он — рукой — канат.
а шесей — вол;
дальше своего расквашенного носа
не мерещится парнишке ничего.
Постепенно забывает все на свете.
Только мяч отбей да в морду ухай, —
и свистит, засвистывает ветер.
справа в левое засвистывает ухо.
За такими. как за шерстью золотой овцы,
конкуренту мозоль отдавливая давкой,

клубные гоняются дельцы,
соблазняя сверхразрядной ставкой.
И растет приобретенный чемпион
безмятежней и пышнее,
чем пион...
Чтобы жил привольно,
побеждая и кроша,
чуть не в пролетарии произведут
из торгаша.
У такого в политграмоте
неважненькая сйлища,
от стыда и хохота катись под стол:
назовст товарища Калинина
«Давид Василичем»,
величает Рыкова «Заведующий СТО».
Но зато — пивцы!
Хоть бочку с пивом выставь!
То ли в Харькове, а то ль в Уфе
говорят, что двое футболистов
на вокзале вылакали
весь буфет.
И хотя они к политучебе вялы,
но зато сильны в другом
изящном спорте:
могут зря (как выражаются провинциалы)
всех девиц в округе перепорить!
Парень, бицепсом не очень-то гордись!
В спорт пока не внесено особых мен.
Нам необходим не безголовый рекордист —
нужен массу подымающий спортсмен.

ЛЮБИТЕЛИ ФУТБОЛА

щекам ревнителей или слезы восторга перед классной игрой.

Несколько раз в году бывают светлые и удивительные, почти что противоестественные, дни, когда в Москве не происходит ни одного заседания. Не звенят в эти дни председательские колокольчики, никто не просит слова к порядку ведения собрания, не слышны замогильные голоса докладчиков.

Все ушли. Ушли на стадион «Динамо» смотреть футбол.

Для всех граждан лето кончилось. Граждане уже ходят в калошах, покорно ожидают гриппа, часто подходят к трубам центрального отопления и ласкают их холодными пальцами. А для ревнителей футбола лето еще в самом разгаре. Тесно сидят они на стадионе, накрыв газетами головы, и по их щекам стекают толстые капли. И неизвестно, дождь ли бежит по

Со всех сторон на Страстную площадь стекаются любители футбольной игры, юные и пожилые ревнители физкультуры. Отсюда на стадион «Динамо» ведет прямая дорога. Отсюда многотысячные толпы идут напролом.

Именно здесь, на этой прямой, образованной из Тверской улицы, Ленинградского шоссе и «показательного километра», произошел первый и

пока единственный в мире случай, когда пешеходы задавили автомобиль.

Повторяем. Не автомобиль задавил пешехода, а пешеходы задавили автомобиль.

Драма разыгралась на «показательном километре». Нетерпеливые ревнители футбола, завидев шероховатые серые бастионы «Динамо», просвечивающие сквозь кущи Петровского парка, развили недозволенную скорость и мгновенно смяли мирно пересекавший дорогу «фордик», модель «А». «Форд» визжал, как зайчик. Но было поздно. По нему прошло пятьдесят тысяч человек, после чего потерпевший, естественно, был сдан в утиль.

На этой же прямой некая старушонка, прибывшая из Можайска в день матча, безрезультатно простояла в трамвайной очереди восемь часов кряду и, так ничего и не поняв, уехала обратно в Можайск.

Положение обыкновенных граждан в такой день ужасно. Все пути сообщения заняты любителями. Размахивая руками и громко делаясь догадками насчет предстоящей игры, они захватывают вагоны, мостовые, тротуары, окружают одиночные такси и с молящими лицами просят шофера отвезти их на стадион, просят, как нищие, со слезами на глазах.

В общем, так или иначе, счастливые обладатели билетов (обычно это организованные через завкомы зрители) подбираются к стадиону. Здесь их ожидают еще большие толпы. Это неорганизованные зрители, которые билетов не достали и не достанут. Пришли они в надежде на чудо.

Расчет простой: у кого-нибудь из пятидесяти тысяч заболит жена или приятель. «Бывают же такие случаи», — мечтает неорганизованный зритель. И этот «кто-нибудь» продает свой билет. Или вдруг какой-нибудь полусумасшедший индивидуум, пробившись к самым воротам Северной трибуны, раздумает; вдруг кто-то не захочет идти на матч. И тоже продаст свой билет.

Но напрасно неорганизованный зритель умильно заглядывает в глаза зрителю организованного и шепчет:

— Нет у вас лишнего билетика?

Все напрасно. Жены и приятели в такой день не болеют, а полусумасшедших индивидуумов и вовсе нет.

Утверждают, впрочем, что какой-то оригинал предложил свободный билет на круглую трибуну. Едва он сообщил об этом, как утонул в толпе неорганизованных зрителей. Минуты две продолжалось тяжелое топтанье и возня, а когда все разошлись с раскрасневшимися лицами, на месте происшествия были найдены только две пиджачные пуговицы и кучка пепла. И никто до сих пор не знает, куда девался опрометчивый собственник билета.

За полчаса до начала матча, когда зритель идет косяком, как сельдь, а машины, собравшиеся со всей Москвы, выстраиваются в длинную веселую ленту, кинофабрика высылает съемочную группу, которая быстро накручивает кадры, изображающие уличное движение в Нью-Йорке. Это необходимо для картины «Акула капитала».

Бетонные откосы стадиона заняты сплошь. На Северной трибуне зрители разворачивают пакетики и, волнуясь, закусывают (они не успели пообедать). На Южной, солнечной, трибуне устраивают из газет дурачки смешные треугольники и фунтики и напяливают их на головы.

Наконец звучит четырехтонный судейский гудочек. Все невольно вздыхают. Курящие заранее закуривают, чтобы потом не отвлекаться, а некурящие кладут в рот мятное драже «пектус» и нервно цокают языками.

Матч проходит с возмущающей душу любителя быстротой. Хотя игра длится полтора часа, но любителю чудится, что его обманули, что играли только две минуты. И даже в эти две минуты судья был явно пристрастен к одной из сторон. Любителю всегда кажется, что судья кривит душой и неверно судит, что нападающая пятер-

ка недостаточно быстро бегают, а левый край вообще ни к черту, размагнитился окончательно, и гол дали с офсайда, и вообще, будь он, любитель, на поле, все было бы гораздо интересней, правильней и лучше.

Но все же любитель футбола — хороший и настоящий человек. Он молод. Он волнуется, кипит, болеет душой, высоко ценит дружную игру команды, точную передачу мяча и верный удар по воротам. Он не любит мазунов и так называемых индивидуалов, которые «заматываются», играют сами за себя и портят всю чудесную музыку футбола.

Ни одно зрелищное предприятие не может похвалиться такой обширной рабочей аудиторией, как стадион в день большого международного матча. «Рабочая полоса» занимает здесь девять десятых всех мест.

Конец второго тайма проходит в сумерках. Над полем пролетает тяжелый почтовый самолет. Он еще освещен солнцем, а на трибунах уже ясно видны спичечные вспышки. В эту тихую минуту, когда для того, чтобы отыграться, остается только несколько драгоценных мгновений и игра достигает предельного напряжения, с места поднимается первый пижон в белой замшевой кепке и, ступая по ногам, устремляется к выходу. Его увлекает мечта попасть в пустой вагон трамвая. Сейчас же вслед за этим событием определяется число пижонов, присутствующих на матче. Их примерно три тысячи человек. Они срываются с места и, обезумев, бегут к выходу. Это жалкие люди, которым трамвай дороже футбола. Их презируют как штрейкбрехеров.

В то время как они с визгом, кусая друг друга, борются за местечко на конечной остановке трамвая, весь массив зрителей переживает последние неповторимые комбинации футбольного боя.

И еще минуту спустя после финального свистка все сидит неподвижно, встают без суеты и чинно выходят на шоссе, поднимая облака пыли. Тут,

на «показательном километре», обсуждается игра и выносятся окончательные суждения о том или ином игроке.

Здесь плохо приходится одиночке. Хочется поделиться, а поделиться не с кем. С жалобной улыбкой подбегает одиночка к группам и заговаривает с ними. Но все занята спором, и появление нового собеседника встречается холодно. Плохо одиночке!

На последнем большом матче приключилась беда с великим любителем футбола. Он был на стадионе в большой компании, но при выходе растерял приятелей в толпе. И случилось для него самое ужасное: не с кем было поделиться впечатлениями.

Он метался среди чужих, равнодушных спин, не зная, что делать. Впечатления распылились. И, не будучи в силах сдержать чувства, он решил послать кому-нибудь телеграмму. Но кому?

Результатом всего этого явилось следующее происшествие: в городе Сызрани, ночью, почтальон разбудил мирного служащего, дядю указанного любителя, и вручил ему телеграмму. Долго стоял захолустный дядя, переступая босыми ногами по холодному полу и сляясь разобрать непонятную депешу:

«Поздравляю счетом три два пользу сборной тчк Турции выделился левый край Ребии зпт большим тактом судил Кемаль Рифат зпт обрадуй гетю».

Дядя не спал всю ночь. Тетя плакала и тоже ничего не понимала.

можно было увидеть и вырезной балкон и откуда-то свисающую розу.

Пыль, солнце склоняется к западу, воскресенье... В середине переулка толпа, давка. Там широкие деревянные ворота, которые вот-вот вдавятся внутрь, лопнут под натиском желающих проникнуть на... на стадион? Нет, тогда еще не употреблялось это слово. Просто — на матч!

Могу сказать, что видел зарю футбола. Мы, гимназисты, шли по Французскому бульвару и сворачивали в переулок, где виднелась воздвигнутая с целью рекламы гигантская бутылка шампанского... Пусть не подумает читатель, что путь этот проходил среди урбанистических красот,—так может подумать читатель в связи с названием бульвара и этой рекламной бутылкой; нет, наоборот, Французский бульвар — это скорее в пригороде Одессы, гигантская же бутылка стояла за серым забором среди лопухов, бурьяна и рекламировала не саму продажу шампанского, а просто указывала, что поблизости его склад.

А может быть, ее привез торговец шампанским из Франции и потом просто не знал, куда ее поставить... Поставили в переулке — о, даже просто в проезде, пыльном, узком, между заборами, но, как кажется мне, все же прелестном, поэтическом, поскольку это было на берегу моря и по сторонам переулка, на высоте его,

Посредине поля стояла полуразвалившаяся стена, я шел вдоль нее среди бурьяна, чертополоха... Стена метров в тридцать длиной, так что я успевал побывать в тени, в которой так полно, такими чашами розовели чертополохи. Где-то на высоте в стене были дыры в тех местах, где до разрушения были окна. Эти дыры в некоторых случаях были огромными, сливавшимися с небом, иногда, наоборот, они зарастали чем-то шатающимся под ветром... Я редко смотрел вверх, поскольку рядом со мной вились ленты разговора о футболе, о футболистах.

Мы шли на поле Спортивной-клуба, чтобы посмотреть на очередной матч.

— А кто беки? — слышал я рядом.

— Борька Мизерский и...

Кто еще, кроме Борьки Мизерского, я не успел услышать, так как те двое обогнали меня. Но я и сам знал, что второй бек — Тихонюк.

В те годы, на заре футбола, беками назывались двое игроков защиты

(тогда игроков защиты было два). Впрочем, название это держалось довольно долго — уже в советском футболе. Беки; полузащита (трое в линию) — хавбеки; нападающие — форварды. Вратарь называется голкипером. По всей вероятности, я не сообщая ничего нового знатокам футбола.

Футбол только начинался. Считалось, что это детская забава. Взрослые не посещали матчей. Только изредка можно было увидеть какого-нибудь господина с зонтиком, и без того уже известного всему городу оригинала.

Трибун не было. Какие там трибуны! Само поле не было оборудованным, могло оказаться горбатым, проросшим среди травы полевыми цветами.

По бокам стояли скамьи без спинок, просто обыкновенные деревянные плоские скамьи. Большинство зрителей стояли или, особенно по ту сторону ворот, сидели. И что за зрители! Повторяю, мальчишки, подростки.

Тем не менее команды выступали в цветах своих клубов, тем не менее разыгрывался календарь игр, тем не менее выпускались иногда даже афиши.

Мои взрослые не понимали, что это, собственно, такое — этот футбол, на который я уходил каждую субботу и каждое воскресенье. Играют в мяч... Ногами? Как это — ногами? Игра эта представлялась зрителям неэстетической, почти хули-

ганством: мало ли что придет в голову плохим ученикам, уличным мальчишкам! Напрасно мы пускаем Юру на футбол. Где это происходит? На поле Спортинг-клуба, отвечал я. Где? На поле Спортинг-клуба. Что это? Ничего не понимаю, говорил отец, какое поле?

— Спортинг-клуба,— ответил я со всей твердостью новой культуры.

...Я ни на что не хочу жаловаться!

Я хочу только вспомнить, как стоял Гриша Богемский в белой одежде «Спортинга», позировав Перепелицину для фотографии перед матчем. Он стоял поближе к грелке, если смотреть со стороны теннисных площадок, на том участке по дороге к грелке, который примыкает к забору, но весь в траве, весь ровно зеленый, хоть и в тени, хоть и под забором. Гриша Богемский, повторяю, был в белой одежде «Спортинга». Так ли это? «Спортинга»? Просто в белой одежде. Если бы «Спортинга» — на груди у него виднелся бы синий знак клуба, этот небольшой синий с белым щиток. Это, во-первых, щиток, а во-вторых, вряд ли разрешили бы ему на гимназические состязания прийти в клубной форме... Он и сам не пришел бы! Итак, просто белая одежда — белая, тонкая-тонкая нитяная рубашка и белые трусы. Тогда то, что теперь называют майкой, футболкой, называли просто рубашкой, хотя это была та же майка, фут-

болка, обтягивающая туловище, а сейчас на Богемском кажущаяся мне прямо-таки гипсовой... На ногах у него черные чулки, завернутые на краях неким бубликом и оставляющие колени голыми, а также и боты — старые, сильно разбитые, скрепленные, как скрепляют бочки, в обхват подвешены кожаными завязками. Самое удивительное — это всегда меня удивляет, когда я вижу Богемского или о нем думаю, — это то, что он не смуглый, не твердощекий, а, наоборот, скорее рыхловатой наружности, во всяком случае, он розовый, с кольцами желтоватых волос на лбу, с трудно замечаемыми глазами. Иногда на них даже блестят два кружочка пенсне! И подумать только: этот человек с неспортивной наружностью — такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой. И не только в Одессе — в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, бег, во-вторых, удар, в-третьих, умение водить. Гораздо позже я узнал, что это умение водить называлось дриблингом. О, это было одним из самых захватывающих зрелищ моего детства, кричавшего вместе со всеми в эту минуту, вскакивавшего, аплодирующего... Лучшее всех водил Богемский! Не то что

лучше всех, а это был выход поистине чемпиона!

И странно, пока Петя наводит на него коробочку своего аппарата, он стоит с видом просто какого-нибудь репетитора... Нет! Нет-нет, приглядишься, дурак! Что же, разве ты не видишь необыкновенного изящества его облика, его легкости, еще—секунда!—и он сейчас побежит, и все поле побежит за ним, публика, флаги, облака, жизнь!

Такой игры я впоследствии не видел. Я не говорю о качестве, о результативности—я говорю о стиле. Это был, говоря парадоксально, не бегущий форвард, а стелющийся. В самом деле, если смотреть на поле как на картину, а не как на действие, то мы видим бегущих футболистов, фигурки в основном с прямыми торсами—именно так: при быстром движении ног, при некоей колесообразности этого движения торс футболиста остается выпрямленным. Богемский бежал лежа. Может быть, этот стиль в свое время повторил единственно Григорий Федотов, столь поразивший своих первых зрителей.

Я собирал деньги на приобретение бутс. Нужно было внести пять рублей—в этот миг я уже получил бы их. Затем следовало бы внести еще три рубля.

Магазин этот помещался на углу Садовой и Дерибасовской. Хозяин был

маленький стройный еврей—столбик, который не мог не нравиться и тем, что допускал кредит, и тем, что он был хозяином бутс.

Вот с пятью рублями я вхожу в магазин. Столбик вырастает за прилавком. Он помнит, что я уже приходил к нему, да-да, ну как же, помнит; да-да, даю в рассрочку, совершенно верно, если внести пять рублей сейчас, то получите бутсы.

— Вот, пожалуйста. Пять рублей.

Я протягиваю руку, которая держит пятерку. Пятерка царского времени—синяя, довольно широкая, от подержанности ставшая атласной кредиткой. Как я мог собрать столько! Не успеваю я протянуть пятерку, как вспыхивает ослепительной белизной полукруг—о, из мира по ту сторону прилавка ко мне! Бутсы! Это хозяин достал бутсы!

Вы знаете, что такое бутсы?

Нет, вы не знаете, что такое бутсы!

...Я не научился плавать, бегать на коньках. Однако я был хорошим футболистом, хорошим легкоатлетом, в частности, и в прыжках и в беге на сто метров. Прыгал также с шестом, что страшно, фантастично—в ином мире физики.

Почему удача в одном виде спорта и неудача в другом? Все-таки трудность: плавать надо над глубиной, которая может

поглотить, бегать на коньках — можно упасть и разбить голову, можно сломать голову.

А футбол? Ведь такой же опасный бой!

Все это неважно, важно, что спорт пахнул травой. Буть благословен, горький запах! Буть благословен, сладкий цвет! Будьте благословенны, стебли, желтые венчики, будь благословен, мир!

Площадка, пожалуй, уже начинала свежо зеленеть. Да-да, уже, безусловно, появлялась новая трава!

Бутсы удивительно белели на этой зелени. Их можно было видеть главным образом быстро перемещающимися: посередине поля, по краям, в углах. Белые, быстро перемещающиеся башмаки.

У нас уже это были дни весны! Они пахли горьким запахом травы. О, подождите! Подождите! Сейчас я услышу этот запах, сейчас услышу!

Во время Олимпийских игр Одесского учебного округа состоялся также и финальный матч на первенство футбольных гимназических команд, в котором принял участие и я, как один из одиннадцати вышедших в финал одесской Ришельевской гимназии. Я играл крайнего правого. Я загнал гол — один из шести, вбитых нами одесской 4-й гимназии, также вышедшей в финал.

После матча меня начали качать выбежавшие на поле гимназисты раз-

ных гимназий. Как видно, моя игра понравилась зрителям. Я был в белом — белые трусы, белая майка. Также и бутсы были белые, и черные с зеленым бубликом вокруг икр чулки.

Однако инспектор учебного округа Марданов, царской красоты армянин из воска и черной пакли, обратил внимание на то, что этот маленький футболист, то есть я, несколько бледен. Не вредно ли для здоровья играть ему в футбол?

Через несколько дней в грелке на футбольной площадке меня выслушивал врач. Он сказал, что у меня невроз сердца и играть в футбол нельзя. Я сразу как бы почувствовал себя тяжелобольным. Почувствовал, как бьется сердце, как ни с того ни с сего хочется сесть, посидеть.

Этот Марданов сыграл в моей жизни роковую роль, так как из-за него я почувствовал впервые, что есть невозможность, запрет. Трудно себе представить, что все это было со мной. Как много было впереди — даже та сцена, когда... Мало ли какая сцена была впереди!

Мы возвращались уже среди сумерек. Цветы уже все казались белыми, и они были очень неподвижными, эти маленькие белые кресты, кресты сумерек.

Наши ноги в футбольных бутсах ступали по ним. Мы просто не видели их. Это теперь, вдруг ог-

лянувшись, я увидел целый плац цветов — белый, упавший в траву рыцарский плац.

Ехал я однажды на велосипеде.

У меня довольно хороший велосипед. Приличный велосипед, на котором я иногда совершаю прогулки для успокоения нервов и для душевного равновесия.

И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде.

Каменноостровский проспект. Бульвар. Сворачиваю на боковую аллею вдоль бульвара и еду себе.

Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая трава. Грядки с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. Белесое небо надо мной.

Птички щебечут. Ворона клюет мусор. Серенькая собачка лает у ворот.

Я гляжу на эту осеннюю картину, и вдруг сердце у меня смягчается, и мне неохота думать о плохом. Рисуеться замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. Мягкость нравов. Любовь к близким. Отсутствие брани и грубости.

И вдруг от таких мыслей мне захотелось всех объять, захотелось сказать что-нибудь хорошее. Захотелось крикнуть: «Братцы, главные трудности позади! Скоро мы заживем как фон-бароны!»

Но вдруг раздается свисток.

«Кто-нибудь про штрафился,— говорю я сам себе,—кто-нибудь, наверное, не так улицу перешел. В дальнейшем, вероятно, этого не будет! Не будем так часто слышать этих резких свистков, напоминающих о проступках, штрафах и правонарушениях».

Снова недалеко от меня раздается тревожный свисток, и какие-то окрики, и грубая брань.

«Так грубо, вероятно, и кричать не будут. Ну, кричать-то, может быть, будут, но не будет этой тяжелой, оскорбительной брани».

Кто-то, слышу, бежит позади меня. И кричит осипшим голосом:

— Ты чего ж эта, сука, удираешь, черт твою двадцать! Остановись сию минуту.

«За кем-то гонятся»,— говорю я сам себе и тихо, но бодро еду.

— Лешка,— кричит кто-то,— забегай, сволочь, слева. Не выпускай его из виду!

Вижу—слева бежит парнишка. Он машет палкой и грозит кулаком. Но я еще не вижу, к кому относятся его угрозы.

Я оборачиваюсь назад. Седоватый почтенный сторож бежит по дороге и орет что есть мочи:

— Хватай его, братцы, держи! Лешка, не выпускай из виду!

Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда.

Тогда я начинаю понимать, что дело касается меня. Я соскакиваю с велосипеда и стою в ожидании.

Вот подбегает сторож. Хрип раздается из его груди. Дыхание с шумом вырывается наружу.

— Держите его!— кричит он.

Человек десять доброхотов подбегают ко мне и начинают хватать меня за руки.

Я говорю:

— Братцы, да что вы, обалдели!? Что вы, с ума спятили совместно с этим постаревшим болваном?

Сторож говорит:

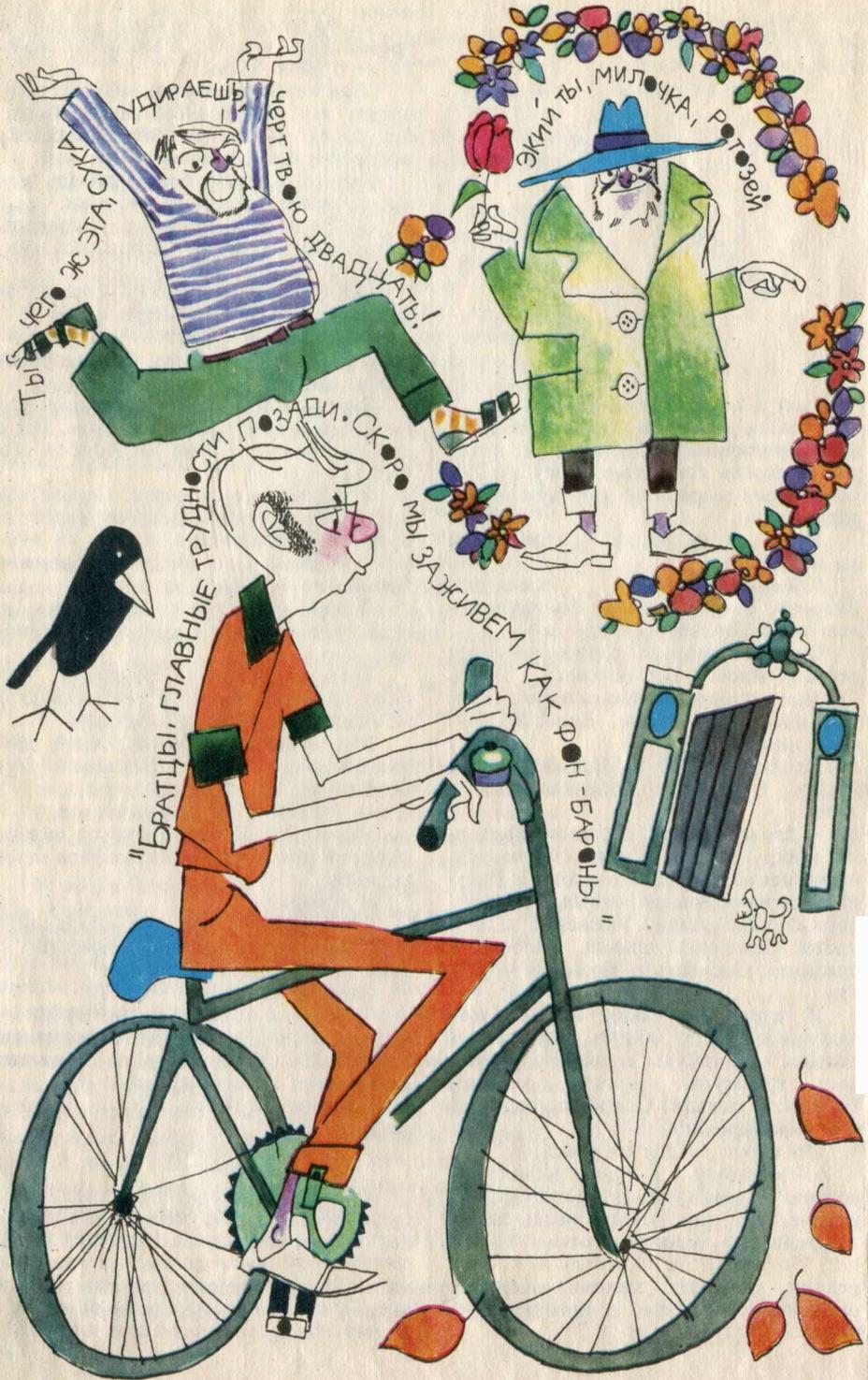
— Как я тебе ахну по зубам— будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держите его крепче... Не выпускайте его...

Собирается толпа. Кто-то спрашивает:

— А что он сделал?

Сторож говорит:

— Мне пятьдесят три года—он, сука, прямо загнал меня. Он едет не по той дороге. Он едет по дорожке, по которой на велосипедах проезду нет... И висит, между прочим, вывеска. А он, как ненормальный, едет... Я ему свищу. А он ногами кружит...

ТЫ СЕГ• ЖЕ ЭТА 'СКА' УДИРАЕШЬ ЧЕРТ• ТВОЮ ДВАДЦАТЬ!

ЭКИ• ТЫ, МИЛОЧКА, РОЗЕЙ

БРАТЦЫ, ГЛАВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПОЗАДИ. СКОРО МЫ ЗАЖИВЕМ КАК ФОН-БАРОНЫ!

Хорошо, мой помощник успел остановить его.

Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит:

— Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать.

— Братцы,—говорю я,—я не знал, что здесь нельзя ехать. Я не хотел удирать.

Сторож, задыхаясь, восклицает:

— Он не хотел удирать! Вы видели наглые речи! Ведите его в милицию. Держите его крепче. Такие у меня завсегда убегают.

Я говорю:

— Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь. Не вертите мне руки.

Кто-то говорит:

— Пушай предъявит документы и возьмется с него штраф. Чего его зря волочить в милицию? Провинность у него не так крупная.

Сторожу и нескольким добровольцам охота волочить меня в милицию, но под давлением остальной публики сторож, страшно ругаясь, берет с меня штраф и с видимым сожалением отпускает меня восвояси.

Я иду со своим велосипедом, покачиваюсь. У меня шумит в голове, и в глазах мелькают круги и точки. Я бреду с развороченной душой.

Я по дороге сгоряча произношу фразу: «Боже мой». Я массирую себе руки и говорю в пространство: «Фу!»

Я выхожу на набережную и снова сажусь на свою машину, говоря:

— Ну, ладно, чего там. Подумаешь, нашелся фон-барон—руки ему не верти.

Я тихо еду по набережной. Я позабываю грубоватую сцену. Мне рисуются прелестные сценки из недалекого будущего.

Вот я, предположим, еду на велосипеде. Вот я сворачиваю на эту злосчастную аллею. Чей-то смех раздаётся. Я вижу—сторож идет: в мягкой шляпе, в суконных брюках. В руках у него цветочек—незабудка или там осенний тюльпан. Он вертит цветочком и, смеясь, говорит:

— Ну куда ты заехал, дружок? Чего это ты сдуру не туда сунулся? Экий ты, милочка, ротозей. А ну валяй обратно, а то я тебя оштрафую—не дам цветка.

Тут, тихо смеясь, он подает мне незабудку. И мы, полюбовавшись друг другом, растаемся.

Эта тихая сценка услаждает мое страдание. Я бодро еду на велосипеде. Я верчу ногами. Я говорю себе: «Ничего. Душа не разорвется. Я молод. Я согласен ждать».

Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова хочется сказать что-нибудь хорошее или крикнуть: «Товарищи, мы строим новую жизнь, мы победили, мы перешагнули через громадные трудности—давайте уважать друг друга!»

Человек, который хочет накопить, никогда не приходит к вам с каким-нибудь открытием, ясно сформулированным предложением.

Наоборот, те из близких людей, в чьем ехидно работающем сознании гадости зарождаются самостоятельно, всегда подходят к вам с тонко замаскированным и не поддающимся сразу для распознавания планом.

Одна из таких весело улыбающихся ехидин в серых брюках и белой толстовке пришла ко мне и ласково заявила:

— Сегодня чудесный день.

— Вижу без тебя.

— Сегодня прямо изумительно на реке.

— Смотря по тому, что делать. Если, например, тонуть, то и сегодняшней день я не назвал бы особенно удачным.

— Слушай, у меня есть предложение...

— Зная тебя, вряд ли я предьявлю какой-либо спрос на твои предложения.

— Слушай,— вкрадчиво сказал он,— поедem кататься с парусом. Ты любишь кататься с парусом?

— По железной дороге. Чтобы я сидел в отдельном купе мягкого вагона, а парус лежал бы в одном из товарных.

— У меня есть прекрасная лодка. Изумительный парус. Белый с синими полосками.

— Сшей из него себе осеннее пальто или чехол для пианино.

— Мы совершили бы прекрасную прогулку. Солнце, вода... Тихий ветерок.

Вы, может быть, заметили, что большинство из нас чрезвычайно трудно убедить совершить какой-нибудь умный поступок, например сбросить со стола какие-то ненужные старые газеты, которые уже полтора месяца закрывают письменный прибор и заставляют во время работы локоть висеть в воздухе, но подбить нас на какой угодно идиотский шаг, совершенно не соответствующий ни возрасту, ни мировоззрению, ни нашим наклонностям, чрезвычайно легко. Короче: я поехал.

Единственный проблеск здравого смысла вылился у меня в осторожной фразе:

— А ты умеешь управлять этим парусом?

— Я?!

В глазах приятеля мелькнул иронически-успокаивающий взгляд морского капитана, которого наивный сероглазый ребенок спросил, знает ли он, капитан, что такое якорь.

Первая часть поездки была похожа скорее на торопливый доклад без оппонентов, но с наглядными, показательными иллюстрациями.

Темой служил парус, сшитый из чего-то напоминающего простыню, а аудиторией — я.

— В ненадutom состоянии,— захлебываясь говорил мой собеседник,— парус представляет собой совершенно ненужное явление...

— Я бы сказал, даже несколько отрицательное,— вставил я.— Дело в том, что уже полчаса я гребу против течения, на руках у меня уже небогатая, но хорошо подобранная коллекция мозолей, а твоя проклятая простыня хлещет меня по лицу. Через пять минут я брошу гребсти — можешь садиться сам.

— А кто же будет управлять парусом? — удивленно спросил он.

— Если все управление состоит в том, чтобы сидеть против этой тряпки, курить и говорить глупости,— я могу с успехом заменить тебя...

— Подожди,— обещающе кинул он,— будет ветер, ты увидишь.

Очевидно, на этот счет у него были несколько неточные сведения. В последовательном порядке природа до ветра выпустила сначала легкий дождик, после чего более основательный, а затем вполне достаточный и для

более требовательных людей, чем я.

Наш парус висел как мокрые матросские штаны на рее, проявляя признаки жизни лишь тогда, когда ему хотелось шутивно сбить мне шляпу или слить на меня запас дождевой воды.

— Нужно было повесить другой парус,— задумчиво и уныло констатировал мой собеседник.

— Я предпочел бы видеть повешенным тебя самого,— хмуро предложил я.— Это зрелище более соответствовало бы моему настроению.

— Погоди. Будет ветер.

Когда небо покрыто тучами, очень нетрудно предсказать такое примитивное атмосферное явление, как ветер. Действительно, ровно через семнадцать минут (по моим, уже подмоченным, часам) наша простыня вздулась так неожиданно, что приятель оказался в лежачем положении под носовой лавочкой, а лодка, описав упрямый полукруг, в срочном порядке потянулась к берегу. Я грустно посмотрел на весло, выскользнувшее из моих рук и заигравшее на поверхности реки, как молодая рыбка.

— Лови весло!— истерически крикнул он.

— Брось. Меня с детства не учили ходить по воде. Попробуй пригнать его обратно обещанием на чай...

— Держи веревку от паруса. Неужели ты ничего не видишь?

— Я вижу только, что лодка совершенно отделилась от нашей компании...

Действительно, стоило только этому проклятому парусу надуться, как части нашей лодки зажили совершенно самостоятельной жизнью: нос совершенно зарылся в воду, как бы желая внимательно рассмотреть речное дно; парус сдвинулся влево, настаивая на том, чтобы мы опрокинулись именно на этом самом месте, а не на другом; оставшееся весло вывернуло среднюю скамейку, а сама лодка наивно и безыдейно закрутилась штопором на середине реки. Что касается живого состава, то он вел себя соответственно характеру, наклонностям и воспитанию: я сидел по колено в воде и медленно раздевался, предпочитая плыть в более удобном костюме, а приятель с веревками в руках жутко

обнимал парус, пытаясь, очевидно, овладеть этим сложным и ехидным аппаратом.

— Мы сейчас вывернемся,— сквозь веревку прохрипел он.— Идиотский парус...

— Это твое первое умное слово за всю поездку,— мрачно констатировал я,— только нельзя ли вывернуться около берега? Там как-то уютнее.

— А что я могу сделать...— безнадежно хрипел он.

— Попробуй с ним сговориться на условиях взаимности. Скажи, что ты его снова сделаешь простыней, пусть только сейчас даст возможность выбраться.

Увы, парус оказался самой беспринципной и наглой простыней. Внезапно надувшись другим боком, парус повернул лодку против течения, и набежавшая новая туча могла сверху убедиться в том, что дно нашей лодки только недавно было аккуратно перекрашено. Мы плыли рядом с ней. Не знаю, как отнеслась лодка к этому соседству, но мне оно решительно не нравилось.

На берегу роль докладчика перешла ко мне. Аудитория в мокрых кальсонах и с безысходной грустью в глазах возражала плохо и мутно, тоскуя о папиресе.

— Разбрасывать по незнакомым рекам пиджаки и брюки чрезвычайно глупо,— уныло сказал я.— Теперь они, наверное, плывут по течению, даже забыв об именах своих недавних владельцев.

— А у меня в брюках был кошелек...

— Если бы там был даже не кошелек, а живая собака, положения это не меняло бы нисколько. Теперь нам придется в голом виде возвращаться в город. Я к этому не привык: для моего возраста это очень игриво.

— Ну что же я могу сделать?— виновато спросил он.

— Что хочешь, черт бы тебя взял. Можешь взять меня на руки и нести до квартиры, уверяя, что я ребенок, ненормально выросший благодаря неурядицам в семье... Сбежать за извозчиком...

— Извозчики по рекам не ездят.

— В этом ты прав. Особенно с простынями вместо паруса, которыми еще к тому же не умеют управлять.

Короче: поздно вечером нас привезли на грузовике, сердобольно захватившем нас домой. Ехали мы на дровах и без особого комфорта.

С приятелем моим мы теперь выдимся с перерывами не менее чем в полугодие. Я знаю только одно: он теперь не только не катается с парусом, но, когда при нем начинают застилать постель и он видит простыню, ему делается нехорошо, и легкая краска покрывает его смуглые небритые щеки.

Что же касается меня, то на предположение покататься с парусом я отвечаю веселым и корректным поклоном и быстро выхожу из комнаты.

В час, когда над Лондоном опустился туман и машины с зажженными фарами двинулись на стадион, Мазуркин созвал у себя в кабинете совещание по вопросу о ходе ремонта бочковой тары.

Все приглашенные на совещание заняли свои места, и тут Мазуркин схватился за голову. Он совершенно упустил из виду, что именно в эти часы на лондонском стадионе начиналась весьма ответственная игра.

С того момента, как наши футболисты улетели в Лондон, Мазуркин лишился покоя. Болельщик с двадцатилетним стажем, завсегдатай стадиона, авторитетный знаток футбола, Мазуркин начал терять в весе.

Игра с «Челси», особенно ее первая половина, когда в наши ворота были забиты два гола, настолько расшатала нервную систему Мазуркина, что сотрудники в эти страшные минуты старались вовсе не попадаться ему на глаза.

Всю ночь накануне игры Мазуркин взвешивал шансы «Динамо». Узнав о том, что «Челси» приобрел знаменитого центра нападения Томми Лаутона, Мазуркин окончательно загрустил и, выйдя утром на работу, в одном из служебных распоряжений написал: «Произвести капитальный ремонт полуторалаутонки».

После игры, которая, как известно, закончилась ничьей, Мазуркин несколько оправился и стал мужественно готовиться к встрече с «Кардиффом». За день перед матчем Мазуркин ходил сам не свой. Явившись на работу, он рассеянно козырнул вахтеру и приказал не пропускать посторонних в сетку ворот.

Бурно отпраздновав победу динамовцев, Мазуркин пришел к врачу за сердечными каплями. Врач, тоже оказавшийся поклонником футбола, написал в истории болезни, что здесь «имеет место легкий миокардифф».

Итак, начался долгожданный матч с «Арсеналом». Сотрудники заполнили кабинет, Мазуркин посмотрел на часы и позвонил. Секретарша, войдя, остановилась у

стола начальника, ожидая распоряжений.

— Нина, — тихо сказал Мазуркин, — свяжитесь по телефону с моей квартирой. Там слушают трансляцию из Лондона. Обо всех голах докладывайте лично мне. Идите.

Нина вышла, и Мазуркин начал совещание.

— Товарищи, — сказал он, — начнем, как говорится, с центра поля. Ни для кого не секрет, что на нашем складе не все благополучно по линии тары. Сейчас мы заслушаем доклад товарища Соловьева, который давно получил указание заняться ремонтом, но, насколько мне известно, ничего толком не сделал. Если это подтвердится, мы, товарищ Соловьев, не постесняемся и крепко дадим за это дело по рукам!..

В кабинет быстро вошла Нина, положила перед Мазуркиным записку и ушла. Мазуркин прочел записку и, потирая руки, сказал:

— Но мы все же, как говорится, не звери. Так что не робейте, товарищ Соловьев! Тем более что сейчас ваш тезка — Соловьев Сергей дал на выход Боброву, и тот, будьте любезны, — раз!.. Один — ноль в нашу пользу... Пожалуйста, товарищ Соловьев, присядьте, то есть это... говорите. Мы вас слушаем.

Соловьев начал свой доклад. Он говорил без особого подъема, не замечая того, что большая часть сотрудников смотрит на дверь, а начальник нетерпеливо барабанит по столу пальцами, не сводя с докладчика отсутствующего взгляда.

Примерно через четверть часа появилась Нина и, положив перед начальником листок бумаги, быстро вышла. Мазуркин пробежал глазами записку, крякнул и перебил докладчика:

— Вы, уважаемый товарищ, общими словами не отделяйтесь. Вы конкретно говорите, по существу.

Мазуркин строго оглянулся по сторонам.

— Счет один — один. Продолжайте.

Мазуркин встал и, теснимый душевными муками, подошел к окну. Он старался отвлечься от тревожных мыслей и время от времени бросал быстрые взгляды на дверь. В тот момент, когда Соловьев уныло читал какую-то сводку, вошла Нина. По выражению ее лица Мазуркин понял, что дела плохи. Записка была короткой: «Два — один в пользу «Арсенала».

Мазуркин нервно закурил.

— Нечего прятаться за цифры, товарищ Соловьев! Читали мы эти сводки! Знаем. Слава богу, не маленькие!

Оробевший Соловьев попытался было оправдаться, но в этот момент снова появилась Нина. Не рискуя подойти к начальнику, она остановилась на пороге, сокрушенно подняла три пальца и вышла.

● чем свидетельствует этот счет/
четыре = три? Он свидетельствует,
товарищи, о том

что весь
коллектив
нашего
продоволь

ственного склада может

мобилизовать

участке!

свою волю и победить на любом

Мазуркин всплеснул руками. «Арсенал» вел со счетом три—один. Это было страшно.

— Безобразие!— крикнул Мазуркин.— Такой у вас небольшой участок и разобрататься не можете. А почему так происходит? Потому что на себя мало надеетесь. Вы вроде «Арсенала». Основным составом не решили играть, пригласил игроков из всех клубов, они и отдуваются. А надо лично заниматься ремонтом тары, повседневно руководить. Чувствую я, что греть вас надо! И крепко греть!

Мазуркин тяжело опустился в кресло и посмотрел на дверь, которая тут же открылась. Вбежавшая Нина положила на стол записку: «Несмотря на сильный туман, наши жмут: счет три--два».

Мазуркин улыбнулся и примирительно сказал Соловьеву:

— Ну, чего растерялись? Все в порядке. Говорите. Я вас слушаю.

— Целый ряд объективных причин.— продолжал осмелевший Соловьев.— мешал мне...

— Объективные причины?— перебил докладчика Мазуркин. И тут же пояснил:— Объективные причины— пустое дело. В Лондоне сейчас, знаете, какой туман? В двух шагах ничего не видно. Однако, как говорится, в труднопроходимых условиях туманной местности наши все же жмут! Мы уже имеем три—два. Так что не теряйтесь, дорогой товарищ!

Первым после Соловьева выступил Кузьменко. Среди всех сотрудников он более чем кто-либо сочувствовал Мазуркину и разделял его давнишнюю футбольную страсть.

Однако Кузьменко не успел развить свою мысль, так как в кабинете появилась торжествующая Нина и заявила прямо к порога:

— Три—три, товарищ начальник!

— Порядок!— весело сказал Мазуркин.— Давайте, Ниночка, слушайте дальше.

Следующие двадцать минут совещания протекали нормально. После Кузьменко выступили еще два оратора. Все обвиняли Соловьева в том, что он проявил недостаточно энергии. Дело пахло выговором. Мазуркин уже набрасывал тезисы своей речи, каковая должна была быть строгой и отчасти даже бичующей.

Когда Мазуркин встал и откашлялся, на пороге возникла Нина.

— Четыре—три, товарищ начальник!

— В чью пользу?— хватаясь за сердце, спросил Мазуркин.

— В нашу, товарищ начальник!— ликуя, сообщила Нина и исчезла так же быстро, как появилась.

Соловьев с надеждой посмотрел на Мазуркина. Лицо начальника неожиданно просветлело и стало огечески добрым.

— Товарищи!— вдохновенно начал Мазуркин.— О чем свидетельствует этот счет четыре—три? Он свидетельствует, товарищи, о том, что весь коллектив нашего продовольственного склада может мобилизовать свою волю и победить на любом участке!

Да, товарищи, безусловно, в работе товарища Соловьева были ошибки и промахи. Но кто, товарищи, не «мажет»? Я вспоминаю ошибку Соловьева, когда в игре с «Торпедо» он не сумел воспользоваться подачей Бескова и забить гол. Но в дальнейшем он исправил свою ошибку.

Я думаю, что и наш Соловьев учтет замечания товарищей и в короткий срок увеличит счет отремонтированной бочковой тары!..

Мазуркин говорил долго и взволнованно. А когда Нина возвестила о конце игры, Мазуркин закончил свою речь, подошел к Соловьеву и пожал ему руку.

— Поздравляю вас, товарищ Соловьев, с победой над сборной английской командой. Всех вас поздравляю, друзья! Надеюсь, товарищ Соловьев, что вы будете достойны своего однофамильца Сергея Соловьева! Все, товарищи, я кончил!..

Когда над Темзой сгустились сумерки и за автобусом с московскими футболистами бежала восторженная толпа англичан, Соловьев бодро шел домой и улыбался.

Дойдя до перекрестка, Соловьев вспомнил бочковую тару и неожиданно для самого себя громко сказал:

— Да, товарищи, что ни говорите, а футбол, конечно, великая сила!

Пека Дементьев знаменит и поныне. А долгие годы он слыл одним из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов Советского Союза. Где бы ни играли — в Москве, в Ленинграде, в Киеве или в Турции, — как только выходит, бывало, на зеленое поле сборная команда СССР, все сейчас же принимаются кричать:

— Вон он! Вон Дементьев! Курносый такой, с вихром на лбу... Вон самый маленький! Ах, молодец Пека!

Узнать его было очень легко: самый маленький игрок сборной СССР. Он едва до плеча всем доставал. Его и в команде никто не звал по фамилии — Дементьев или по имени — Петр. Его все ласково звали Пекой. Пека — и все. А в Турции его прозвали «товарищ Тонтон». Тонтон — это значит по-турецки маленький. И как только выкатывался с мячом на поле Пека, сейчас же зрители начинали кричать:

— А, товарищ Тонтон! Bravo, товарищ Тонтон! Чок гюзель — очень хорошо, товарищ Тонтон!

Так о Пеке и в турецких газетах писали: «Товарищ Тонтон забил отличный гол».

А если поставить товарища Тонтона рядом с турецким великаном Неждетом, которому он вбил в ворота мяч, Пека ему до пояса только доставнет.

На поле во время игры Пека оказывался самым резвым и быстрым. Бегаёт, бывало, прыгает, обводит, удирает, догоняет — живчик. Мяч вертится в его ногах, бежит за ним, как собачка, юлит, кружится. Никак не отнимешь мяча у Пеки. Никому не

угнаться за Пекой. Недаром считался он любимцем команды и зрителей.

— Давай, давай, Пека! Рви, Пека!

— Bravo, товарищ Тонтон!

А дома, в вагоне, на корабле, в гостинице Пека был самым тихоньким. Сидит обычно, молчит или спит. Мог двенадцать часов проспать, а потом двенадцать часов промолчать. Даже снов своих никому не рассказывал, как ни просили. Очень серьезным человеком прослыл наш Пека.

С бутсами ему только не повезло.

Когда Пека поехал с нами в 1935 году в Турцию, в его чемодане аккуратно было сложено все футбольное хозяйство: белые трусики, толстые полосатые чулки, шитки для ног (чтобы не так больно было, если стукнут), потом красная почетная майка сборной команды СССР с золотым нашитым гербом Советского Союза и, наконец, хорошие бутсы. Бутсы были боевые, испытанные. Ими Пека забил уже пятьдесят два мяча — гола. Они были ни велики, ни малы — в самый раз. Нога в них была как у себя дома.

Но футбольные поля Турции оказались жесткими, как камень, без травы. Пеке прежде всего пришлось срезать шипы на подошвах. Здесь с шипами играть было невозможно. А потом на первой же игре Пека истоптал, разбил, размочалил свои бутсы на каменистой почве. Да тут еще один турецкий футболист так ударил Пеку по ноге, что бутса разлетелась пополам. Пека привязал подошву веревочкой и кое-как доиграл матч. Он даже ухитрился все-таки вбить туркам один гол. Турецкий вратарь кинулся, прыгнул, но поймал только оторвавшуюся Пекину подошву. А мяч был уже в сетке.

После матча Пека пошел, хромая, покупать новые бутсы. Мы хотели проводить его, но он строго сказал, что обойдется без нас и сам купит.

Он ходил по магазину очень долго, но нигде не мог найти бутс по своей маленькой ноге. Все были ему велики.

Через два часа он, наконец, вернулся в нашу гостиницу. Он был очень серьезный, наш маленький Пека. В руках у него была большая коробка. Футболисты обступили его.

— Ну-ка, Пека, покажи обновку.

Пека с важным видом распаковал коробку, и все так и присели. В коробке лежали невиданные, красные с желтым, и такие огромные ботсы, что в каждой из них уместились бы сразу обе ноги Пеки, и левая и правая.

— Ты что это, на рост купил, что ли? — спросили мы у Пеки.

— Они в магазине меньше были, — заявил нам серьезно Пека. — Правда... и смеяться тут не с чего. Что я не вырасту, что ли? А зато ботсы заграничные.

— Ну, будь здоров, расти большой в заграничных ботсах, — сказали футболисты и так захохотали, что у дверей отеля стал собираться народ. Скоро хохотали все: смеялся мальчик в лифте, хихикала коридорная горничная, улыбались официанты в ресторане, кричал толстый повар отеля, визжали повара, хмыкал швейцар, заливались бои-рассыльные, усмеялся сам хозяин отеля. Только один человек не смеялся. Это был сам Пека. Он аккуратно завернул новые ботсы в бумагу и лег спать, хотя на дворе был еще день.

Наутро Пека явился в ресторан завтракать в новых цветистых ботсах. «Разносить хочу, — спокойно заявил нам Пека, — а то левый жмет маленько».

— Ого, растешь ты у нас, Пека, не по дням, а по часам, — сказали ему. — Смотри-ка, за одну ночь ботинки малы стали. Ай да Пека! Этак, пожалуй, когда из Турции уезжать будем, так ботсы уже совсем тесны станут...

Пека, не обращая внимания на шутки, уплетал молча вторую порцию завтрака.

Как мы ни смеялись над Пекиными ботсами, он украдкой напихивал в них бумагу, чтобы нога не болталась, и выходил на футбольное поле. Он даже гол в них забил.

Ботсы здорово натерли ему ногу, но Пека из гордости не хромал и очень хвалил свою покупку. На насмешки он не обращал никакого внимания.

Когда наша команда сыграла последнюю игру в турецком городе Измире, мы стали укладываться в дорогу. Вечером мы уезжали обратно в Стамбул, а оттуда на корабле домой.

И тут оказалось, что огромные ботсы не лезут в чемодан. Чемодан был набит изюмом, рахат-лукумом и другими турецкими сластями. Их нам подарили гостеприимные турки. И Пеке пришлось бы нести при всех знаменитые ботсы отдельно в руках, но они ему самому так надоели, что Пека решил отделаться от них. Он незаметно засунул их за шкаф в своей комнате, сдал в багаж чемодан с изюмом и поехал на вокзал.

На вокзале мы сели в вагоны. Вот пробил звонок, паровоз загудел и шаркнул паром. Поезд торнул. Как вдруг на перрон выбежал запыхавшийся мальчик из нашего отеля.

— Месье Дементьев, господин Дементьев! Товарищ Тонтон! — кричал он, размахивая чем-то пестрым. — Вы забыли в номере свои ботинки... Пожалуйста.

И знаменитые Пекины ботсы влетели в окно вагона, где молча и сердито их взял серьезный наш Пека.

Когда ночью в поезде все заснуло, Пека тихонько встал и выбросил ботсы за окно. Поезд шел полным ходом, за окном неслась турецкая ночь. Теперь уже Пека твердо знал, что он отделался от своих ботс. Но едва мы приехали в город Анкару, как на вокзале нас спросили:

— Скажите, ни у кого из вас не выпали из окна вагона футбольные ботинки? Мы получили телеграмму, что из скорого поезда на сорок третьем перегоне вылетели ботсы. Вы не беспокойтесь. Их завтра доставят сюда поездом.

Так ботсы второй раз догнали Пеку. Больше он уже не пытался отделаться от них.

В Стамбуле мы сели на пароход «Чичерин». Пека спрятал свои злополучные ботсы под корабельную койку, и все о них забыли.

К ночи в Черном море начался шторм. Корабль стало качать. Сперва качало с носа на корму, с кормы на нос, с носа на корму. Потом стало шатать с боку на бок, с боку на бок, с боку на бок. В столовой суп выливался из тарелок, из буфета выпрыгивали стаканы. Занавеска на дверях каюты поднималась к потолку, как будто ее сквозняком притянуло. Все качалось, все шаталось, всех тошнило.

УСМЕХАЕТСЯ САМ ХОЗЯИН
ОТЕЛЯ

СМЕЯЕТСЯ
МАЛЫШ
В УЛИФТЕ

НУ, БУДЕЬ ОДНОВ, РАСТИ БОЛЬШОЙ В ЗАГРАНИЧНЫХ БУТСАХ

ХИЖИКАЛА КОРИДОРНАЯ ГОРНИЦА

ХМЫКАЛА ШВЕЙЦАР

ВИЗЖАЛИ ПОВАРЯТА

УВЯКАЛА СТОЛЫ ПОВАР ОТЕЛЯ

Пека заболел морской болезнью. Ему было очень плохо. Он лежал и молчал. Только иногда вставал и спокойно говорил:

— Минуты через две меня опять стошнит.

Он выходил на прыгающую палубу, держался за перила и снова возвращался, снова ложился на койку. Все его очень жалели. Но всех тоже тошнило.

Три дня ревел и трепал нас шторм. Страшные валы величиной с трехэтажный дом швыряли наш пароход, били его, скидывали, шлепали. Чемоданы с изюмом кувыркались, как клоуны, двери хлопали: все съехало со своего места, все скрипело и гремело. Четыре года не было такого шторма на Черном море.

Маленький Пека ездил на своей койке взад и вперед. Он не доставал ногами до прутьев койки, и его то стучало об одну стену головой, закинув вверх ногами, то, наклонив обратно, било пятками в другую. Пека терпеливо сносил все. Над ним никто уже не смеялся.

Но вдруг все мы увидели замечательную картину: из дверей Пекиной каюты важно вышли большие футбольные бутсы. Ботинки шествовали самостоятельно. Сначала вышел правый, потом левый. Левый споткнулся о порог, но легко перескочил и толкнул правый. По коридору парохода «Чичерин», покинув хозяина, шагали Пекины ботинки. Тут из каюты выскочил сам Пека. Теперь уже не бутсы догоняли Пеку, а Пека сам пустился за удиравшими ботинками. Дело в том, что от сильной качки бутсы выкатились из-под койки. Сперва их швыряло по каюте, а потом выбросило в коридор.

— Караул, у Пеки бутсы сбежали! — закричали футболисты и повалились на пол — не то от хохота, не то от качки.

Пека мрачно догнал свои бутсы и водворил их в каюте на место.

Скоро на пароходе все спали.

В двенадцать часов двадцать минут ночи раздался страшный удар. Весь корабль задрожал. Все разом вскочили. Всех перестало тошнить.

— Погибаем! — кричал кто-то. — На мель села! Разобьет теперь нас...

— Одеться всем теплее, всем наверх! — скомандовал капитан. — Может быть, на шлюпках придется, — добавил он тихо.

В полминуты одевшись, подняв воротники пальто, выбежали мы наверх. Ночь и море бушевали вокруг. Вода, вздуваясь черной горой, мчалась на нас. Севший на мель корабль дрожал от тяжелых ударов. Нас било о дно. Нас могло разбить, опрокинуть. Куда тут на шлюпках! Сейчас же захлестнет. Молча смотрели мы на черную эту погибель. И вдруг все заулыбались, все повеселели. На палубу вышел Пека. Он второпях надел вместо ботинок свои большущие бутсы.

— О, — засмеялись спортсмены, — в таких вездеступах и по морю пешком пройти можно. Смотри только не зачерпни.

— Пека, одолжи левый — тебе и правого хватит, уместись.

Пека серьезно и деловито спросил:

— Ну как, скоро тонуть?

— Куда ты торопишься? Рыбы подождут.

— Нет, я переобуться хотел, — сказал Пека.

Пеку обступили. Над Пекой шутили. А он сопел как ни в чем не бывало. Это всех смешило и успокаивало. Не хотелось думать об опасности. Команда держалась молодцом.

— Ну, Пека, в твоих водолазных бутсах самый раз матч играть со сборной дельфиньей командой. Вместо мяча кита надует. Тебе, Пека, орден морской звезды дадут.

— Здесь киты и не водятся, — ответил Пека.

Через два часа капитан закончил осмотр судна. Мы сидели на песке. Подводных камней не было. До утра мы могли продержаться, а утром из Одессы должен был прийти вызванный по радио спасательный пароход «Торос».

— Ну, я пойду переобуюсь, — сказал Пека, ушел в каюту, снял бутсы, разделся, подумал, лег и через минуту заснул.

Мы прожили три дня на наклонившемся, застрявшем в море пароходе. Иностранцы суда предлагали помощь, но они требовали очень дорогой платы за спасение, а мы хотели сбе-

речь народные деньги и решили отказаться от чужой помощи.

Последнее топливо кончалось на пароходе. Подходили к концу запасы еды. Невесело было сидеть впроголодь на остывшем корабле среди неприветливого моря. Но и тут Пекины злосчастные бутсы помогли. Шутки на этот счет не прекращались.

— Ничего,— смеялись спортсмены,— как запасы все съедим, за бутсы примемся. Одних Пекиных на два месяца хватит.

Когда кто-нибудь, не выдержав ожидания, начинал ныть, что мы зря отказались от иностранной помощи, ему тотчас кричали:

— Брось ты, сядь в калашу и бутсой Пекиной прикройся, чтобы нам тебя не видно было...

Кто-то даже песенку сочинил, не очень складную, но привязчивую. Пели ее на два голоса. Первый запевал:

— Вам не жмут ли, Пека, бутсы? Не пора ль переобуться?

А второй отвечал за Пеку:

— До Одессы доплыву

Не такие оторву...

— И как у вас у самих мозолей на языке нет?— ворчал Пека.

Через три дня нас на шлюпках перевезли на советский спасательный корабль «Торос».

Тут Пека снова попытался забыть свои бутсы на «Чичерине», но матросы привезли их на последней шлюпке вместе с багажом.

— Это чьи такие будут?— спросил веселый матрос, стоя на взлетающей шлюпке и размахивая бутсами. Пека делал вид, что не замечает.

— Это Пекины, Пекины!— закричала вся команда.— Не отрекайся, Пека!

И Пеке торжественно вручили в собственные руки его бутсы.

Ночью Пека пробрался в багаж, схватил ненавистные бутсы и, оглядываясь, вылез на палубу.

— Ну,— сказал Пека,— посмотрим, как вы теперь вернетесь, дряни полосатые!

И Пека выбросил бутсы в море. Волны слабо плеснули. Море съело бутсы, даже не разжевав.

Утром, когда мы подъезжали к Одессе, в багажном отделении начался скандал. Наш самый высокий фут-

болист, по прозвищу Михей, никак не мог найти своих бутс.

— Они вот тут вечером лежали!— кричал он.— Я их вот сюда переложил. Куда же они подевались?

Все стояли вокруг. Все молчали. Пека продрался вперед и ахнул: знаменитые Пекины бутсы, красные с желтым, как ни в чем не бывало лежали на чемодане. Пека сообразил:

— Слушай, Михей,— сказал он,— на, бери мои. Носи их. Как раз по твоей ноге. И заграничные все-таки.

— А сам ты что же?— спросил Михей.

— Малы стали, вырос,— солидно ответил Пека.

Игры завершились, и в этом наше спасение! Еще немного, и мы протянули бы ноги от усталости и недоедания. В самом деле, ведь мы, болельщики, вели каторжную жизнь. Мы здорово осунулись, к вечеру у нас болели ноги и ломило в пояснице, а в глазах не угасал жадный, лихорадочный блеск. Питались мы мороженым и вафлями. Было бы безумием тратить время на обед, когда на баскетбольной площадке болгарки и польки разыгрывали право на выход в финал, а на ринге должен выступать олимпийский чемпион Вольфганг Берендт, а на теннисном корте играет «летающий австриец» Хубер, а в плавательном бассейне... Словом, вам ясно, почему мы питались вафлями. Мы задыхались от впечатлений и гибли от собственной ненасытности.

Для примера я расскажу об одном рядовом дне. Вероятно, я ошибусь в перечислении событий, какие-то встречи были раньше, другие — позже, ибо впечатления десяти дней переплелись слишком густо, сумбурно, а на дневники и записи нас не хватало так же, как на обед. Но я попытаюсь передать то запойное, праздничное возбуждение, которое заставляло нас метаться с одного конца города на другой, жариться на солнце-пече, мокнуть под дождем и забывать обо всем, кроме очков, голов, секунд, сантиметров...

Наш день начинается с волейбола. Несмотря на ранний час, солнце печет вовсю, и трибуны стадиона «Динамо» напаломнают пляж: молодые парни сидят без рубашек, сверкая медными, загорелыми спинами, повсюду белеют

бумажные козырьки, обвязанные носовыми платками головы и самодельные треуголки из газет. Идет четвертая партия во встрече волейболистов Болгарии и Румынии. Счет в партиях 2:1 в пользу румын.

Решающие минуты!

Каждый успех румынской команды сопровождается воплем восторга со стороны сидящих на трибуне румын-болельщиков. Они дружно скандируют:

— Хайда, хайда, ре-пе-ре!

Болгар на трибунах меньше. Но одна худенькая черноволосяя болгарка в синем спортивном костюме отважно борется с целым румынским хором. Голос у нее необычайно пронзительный и не смолкает ни на секунду. Когда болгары выигрывают мяч, она радостно кричит: «Хай, Болгария!»—и, вскочив на скамейку, отплясывает нечто вроде канкана, а когда выигрывают румыны, она осуждающе, но не менее пронзительно кричит: «Хай, романешти!»

— Балето, балето!—весело поддразнивает ее молодой парень-румын. Он нарочно подсел к ней ближе, чтобы поддразнить, а заодно и познакомиться с хорошенькой болельщицей.

Но юная болгарка не видит ничего, кроме игры. Она оборачивается к москвичам и жестами предлагает им кричать вместе с ней: «Бол-гария!» И московские мальчишки приходят к ней на помощь.

Однако счет 12:10 в пользу румын. Болгары играют небрежно и как-то вяло, обреченно. Отчаянная болельщица в синем костюме никак не может заразить их своим энтузиазмом. Они непростительно теряют три подачи подряд и проигрывают. Румыны ликуют, и русоволосый насмешник румын подсакивает к огорченной плясунье и предлагает ей потанцевать вдвоем.

— Балето, Болгария! Балето!

Все жарче раскаляется полуденное небо. Продавщицы мороженого — нарасхват. Вот маленький толстый тренер египтян покупает сразу десяток стаканчиков и, прижав их обеими руками к груди, прибирается через ряд к своим питомцам в лимонно-желтых костюмах. Египтяне очень любят наше мороженое. Едва успела

начаться игра мужских команд СССР и Польши, как один из египтян вновь протискивается через ряд за следующей порцией мороженого. На этот раз он покупает десятка два стаканчиков и начинает кидать их через головы зрителей. Египтяне ловят эти сливочные снаряды с поразительной ловкостью и даже вызывают аплодисменты зрителей, забывающих на минуту об игре.

А на площадке тем временем поляки отнимают у наших очко за очком. Что случилось? Неточно бьет могучий Унгурс, ошибаются в защите Андреев и Гайковой. Несколько дней назад наша команда, где дружно играют два ленинградца, два одессита и два москвича, сокрушительно разгромила болгар, но сейчас ребят не узнать. Игра явно не ладится, и трудно сказать, почему.

На трибунах потихоньку начинается свист. Счет 9:3 в пользу поляков. Неужели мы проиграем эту первую финальную игру, а вместе с ней и надежды на первое место? Ребята, надо браться, очнитесь! Ведь вы же можете! Мы-то знаем, что вы можете, черт возьми!

Так бывает в спорте: какая-то странная, необъяснимая помеха тормозит действия недавно слаженного коллектива. Игра «не идет», она ковыляет, спотыкается, еле влачится. Непонятная растерянность, подобно молниеносной заразе, охватывает одного за другим всю команду. Все ошибаются, все играют плохо. И это состояние тем губительней, чем дольше оно затягивается.

Когда уже казалось, что первая партия безнадежно потеряна, все идет шаляй-валяй и на площадке царит полная безответственность, кто-то из наших игроков принимает пас так «удачно», что мяч отлетает далеко в сторону, на край гаревой дорожки, и его уже готовятся поймать сидящие в первом ряду зрители. Мяч явно погиб. Это всем очевидно, так же как и то, что сегодняшняя игра «не идет».

Но вдруг мы видим, как к погибшему мячу устремляется Семен Щербаков. Он успевает догнать мяч у самой земли и — безумный человек! — пытается поднять его ударом кулака да еще перебросить через сетку. И, ко всеобщему изумлению, ему это удает-

ся! Мяч спасен! Он поднимается высокой свечой и под очень острым углом перелетает сетку.

На трибунах — радостное движение, кто-то аплодирует. Но подождите, подождите! Поляки хладнокровно разыгрывают на три паса и вновь проводят сильнейший удар. Наш защитник принимает мяч столь же «ловко», как и полминуты назад. Мяч отлетает в сторону Белорусского вокзала. Ах, как обидно проигрывать этот чудом спасенный мяч! Но опять же тот же осененный вдохновением Щербаков бросается за мячом вдогонку — так очертя голову бросаются спасать утопающего, в то время как другие стоят на берегу и оцепенело наблюдают...

Щербаков «вытаскивает» и этот мяч. Он совершает фантастическое. Он делает значительно большее, чем просто спасает мяч, — он заражает всех своим вдохновением.

Стадион ревет восторженно, изумленно. А команда, словно по сигналу, пробуждается вдруг от спячки. Все начинают играть запальчиво, зло. У всех все получается. Закржевскому удаются его хитрые обманные удары. Фасахов безошибочно бьет левой, а Унгурс сокрушает поляков пушечными подачами.

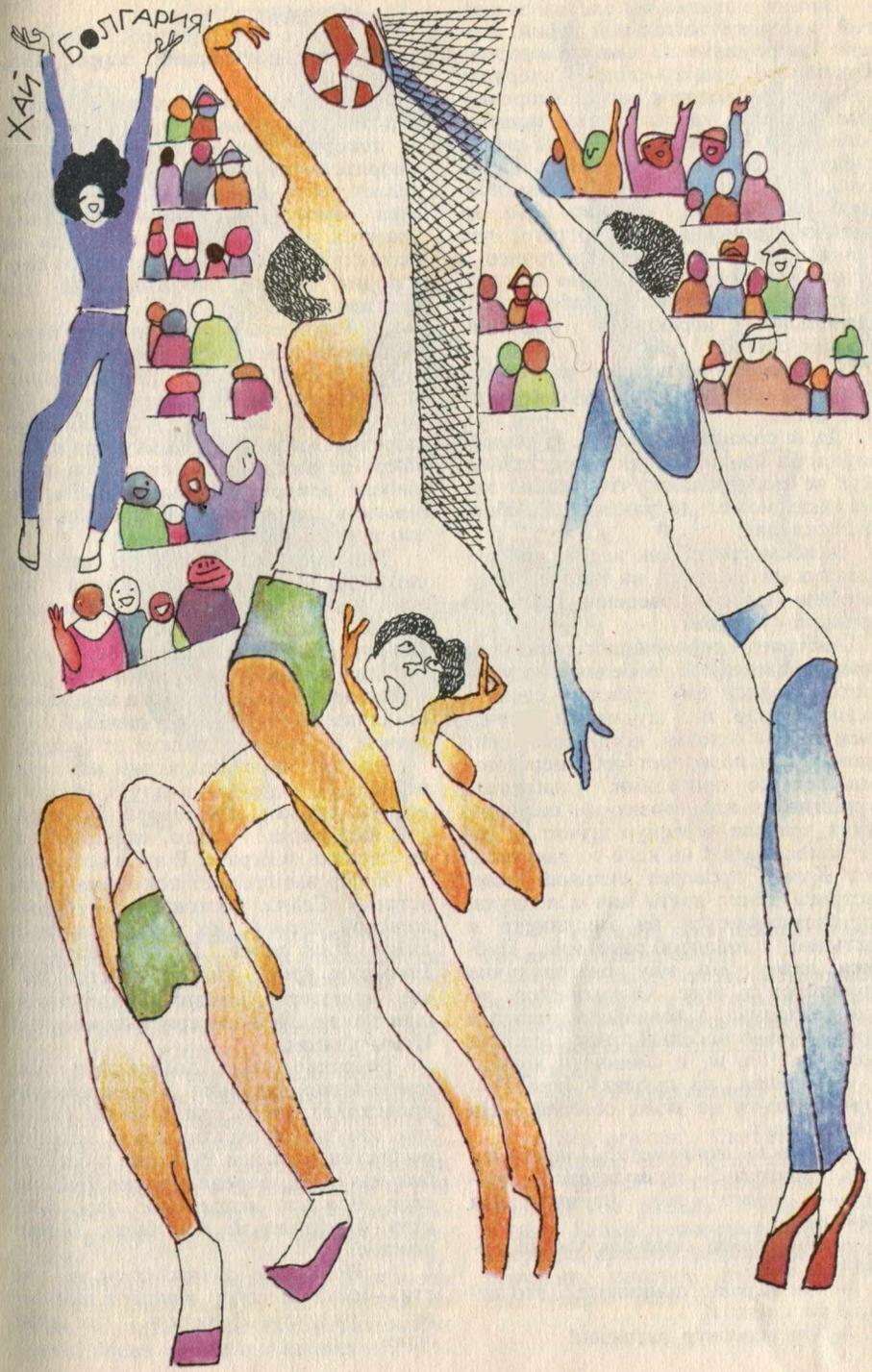
Игра «понеслась».

Первая партия выиграна в тяжелой борьбе, зато вторая несется на спринтерских скоростях. Третью партию уже неинтересно смотреть.

Со спокойной совестью мы оставляем наших волейболистов довершать разгром и отправляемся в Лужники. Наскоро пообедав вафлями, бежим в метро.

...На кортах возле Москвы-реки соревнуются спортсмены пяти континентов. Теннисная публика мечется от одной площадки к другой: везде интересно! Здесь играет Австралия с Сирией, там — Куба с Москвой, а там — Ростов-на-Дону с Венесуэлой. Турнира такого масштаба в Москве не было никогда. Впрочем, и такого прекрасного теннисного городка Москва никогда не имела.

На трибунах первой площадки особенно многолюдно. Здесь играют чемпион Австрии Хубер и очень сильный индиец Кумар.

Затаив дыхание мы следим за резкой, головокружительной игрой, полной остроумия и неожиданностей. Три-четыре удара— очко! Соперники то и дело выходят к сетке. Укороченные, резаные удары с лёта, мощные «смешки» и ювелирные мячи на линию следуют один за другим. Нельзя сказать, что теннисисты не ошибаются. Они ошибаются, конечно. Но их ошибки происходят не оттого, что теннисисты не могут играть точнее, а оттого, что они непрерывно идут на обострение, рискуют, комбинируют, непрерывно играют— в истинном смысле слова.

— Совсем не похоже на теннис. Какая-то другая игра!— усмехается мой сосед.

Да, к сожалению, мы не привыкли видеть на наших кортах такой теннис. Мы не подозревали, что теннис как зрелище может доставлять подобное наслаждение.

А посмотрите, как ведет себя рыжеволосый австриец на корте. В первые минуты его поведение нас с непривычки коробит.

Австриец сопровождает свою игру комичной мимикой, победоносно улыбается, когда ему удастся сделать сильный удар, и с шутивным огорчением трясет головой, когда совершает промах. Он позволяет себе переговариваться со зрителями, улыбается, подмигивает или грозит им пальцем, когда зрители чересчур шумят, и даже замахивается на кого-то ракеткой. Вот Кумар проводит сильный удар, австриец хочет взять мяч с воздуха, но промахивается на миллиметр и застывает с поднятой ракеткой... Публика ахает. Но мяч благополучно опускается в ауле. Оказывается, то был не промах, а тончайший расчет и одновременно веселый трюк. Зрители смеются. Что ж, и смешно и ловко!

— Ерунда, на публику играет!— ворчит кто-то из моих соседей.— На эффект бьет...

— Что вы понимаете! Попробуйте этак поиграть!— возмущается другой.— У него же изумительная реакция!

— Все равно слишком уж на эффект...

— Он играет, понимаете? Это игра, а не служба!

— Он чересчур развязен!

— Он обаятелен!

— Какое-то клоуновство... Цирк...

— Это настоящий спорт! Это прекрасно!

Споры на трибунах не утихают. Однако неумолимый Хубер постепенно покоряет всех своей виртуозной и уморительной игрой. Во всем, что он делает, есть два великодушных качества: юмор и мастерство. Блестяще удаются ему удары слева, когда он держит ракетку двумя руками и производит резкий, неожиданный для противника удар.

Находясь у сетки, он часто перехватывает ракетку из правой руки в левую и бьет ею столь же уверенно. И вдобавок он не жалеет себя. От бесконечных падений и акробатических прыжков (недаром Хубера называют «летающим человеком») он перепачкан землей, а руки и ноги его покрыты синяками и ссадинами. Да, это игра, а не служба!

Вдруг, разозлившись на себя за ошибку, Хубер бросает ракетку на землю и ногой отшвыривает ее с площадки. Таких номеров мы еще не видели! Но затем австриец берет подряд два невероятных мяча— оба раза он падает плашмя на корт и мгновенно вскакивает, точно подброшенный пружиной. И трибуны дрожат от оваций.

Ах, как часто мы видим на корте не игру, а службу— нудную, однообразную службу, без азарта, без страсти, без риска! А надо, оказывается, не служить, а играть. В этом все дело.

Хубер выигрывает полуфинальную встречу. Сейчас состоится полуфинал женской парной, но наш теннисный лимит уже истек. Пора бежать на Большую арену, где начинается легкая атлетика. Сегодня— интереснейшие забеги! Нельзя терять ни минуты! И мы бежим...

Вечерние часы доставляют нам наибольшие терзания. Одновременно происходят такие грандиозные события, как полуфинал боксеров, встреча регбистов Уэльса и Румынии и баскетбольная игра, определяющая финалистов. Все это непременно надо увидеть. Предприятие как будто безнадежное.

— Не будем разрываться на части,— каждый вечер внушает нам голос разума.— Выберем что-либо одно...

И, однако, каждый вечер мы разрываемся на части. Как это делается, нам и самим не вполне понятно. Это уж нечто мистическое. Но факт остается фактом — мы успеваем посмотреть и то, и другое, и третье.

С крутого склона Малой арены мы наблюдаем за фейерверком баскетбольных комбинаций. На бурлящей, переполненной, как воскресная электричка, трибуне Детского стадиона мы восхищаемся атлетической игрой регбистов. Во Дворце спорта мы кричим вместе со всеми: «Браво, Тамулис!»

Шатаясь от усталости, в полночь приплетаемся домой. Не хочется ни есть, ни пить, ни читать, ни разговаривать. Жена обиженно просит:

— Расскажи хоть немного. Было что-нибудь интересное?

— Все было очень интересно! — бодро начинаю я, но силы вдруг меня покидают, и я заканчиваю слабым, спазматическим голосом: — Вообще, было все...

— Ну, а конкретней? Кто с кем играл?

— Все играли... Со всеми...

Большого ей от меня не добиться. Через минуту я засыпаю на стуле. Мне снятся рыжий Хубер, черный Кумар, белые теннисные мячи, зеленое поле, красные рубашки регбистов, перчатки, свистки, падающие барьеры, удары гонга...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Большой столичный каток. Весело пылают разноцветные электрические фонарики. Непрерывно играет джаз. Снежинки, а порой и конькобежцы падают под музыку. В стороне от главного круга, где с невозмутимо серьезными лицами подвизаются мастера и чемпионы, расположен небольшой ледяной загончик для начинающих. Здесь учат людей стоять на коньках, ходить по льду так, чтобы не напоминать при этом одно полезное, но не очень изящное домашнее животное, и уже затем, когда ледовая азбука освоена, приобщают их к великолепному таинству скольжения.

Здесь царство параллельных брусьев и кресел, напоминающих передвижные стулья для парализованных. Здесь властвуют энергичные инструкторы в шерстяных свитерах и очаровательные инструкторши с изумительным румянцем на щеках, убедительно агитирующим за здоровый, полезный конькобежный спорт.

Николай Петрович ходит в загончик для начинающих уже два месяца, а учиться он начал, между нами говоря, еще в прошлом году. Николаю Петровичу далеко за сорок, он солидный консультант одного солидного учреждения, и коньки для него не самоцель, а лечебно-профилактическое средство.

Занимается с ним инструкторша Марина. Ей девятнадцать лет. Глаза у нее черные и круглые, как у птицы. В голубом с белым костюмчике, легкая и веселая, она похожа на Снегурочку.

Николай Петрович угнетает ее как ученик своей тупостью и полным отсутствием способностей к конькам. Когда он появляется на льду в своем дорогом синем свитере, неповоротливый, неуклюжий, с криво разьежающимися ногами и испуганно открытым ртом, Марина тяжело вздыхает и шепчет подруге Галинке:

— Мой припелся. Здравсте, пожалуйста. Вот уж верблюд несчастный!..

Затем она делает очаровательно-любезную улыбку и подлетает к несча-

стному «верблюду» как раз в тот момент, когда он, отчаянно размахивая руками, тщетно пытается удержаться на ногах.

Инструкторшу Николай Петрович приветствует уже сидя на льду, подбирая упавшую с головы шапку.

— Здравствуйте, Мариночка. Я... того... немножко упал. Дайте мне вашу руку, я сейчас встану.

Процесс вставания длится долго, минуты три. За это время Николай Петрович садится на лед еще два раза. Наконец он поднимается и, укрепив ноги на льду в виде римской цифры пять основанием вверх, покорно ожидает приказа своей дрессировщицы.

— Смелее! — командует Марина. — Отталкивайтесь сначала левой ногой, потом правой. Ну, пошли!

Николай Петрович судорожно отталкивается сначала левой ногой, потом правой — и снова с размаху садится на лед.

— Сейчас, сейчас, — смущенно бормочет он, — это я так... Присел отдохнуть, на одну минуточку... Сейчас мы с вами, Мариночка, начнем так бегать, что небу жарко станет.

Марина кисло улыбается в ответ на эту риторическую фразу. Она хорошо знает, что небо может быть совершенно спокойно за свою температуру.

Урок длится больше часа. Николай Петрович к концу его делается багровым, сзади на его брюках темнеет некресивое мокрое пятно — печальный след вынужденных посадок на лед. Марина же свежа и прекрасна, как всегда.

Расставаясь, Николай Петрович долго жмет руку Марины и, заглядывая ей в лицо своими собачье добрыми близорукими глазами, скорбно шутит:

— А все-таки у меня кое-какие успехи обозначились. Правда, Мариночка? Раньше я — помните? — падал прямо плашмя, а теперь уже научился садиться!

Проходит еще месяц. Николай Петрович садится на лед реже, но катается, по мнению Марины, удручающе плохо. Начавшие учиться вместе с ним уже давно перешли в разряд мастеров и носят как черти по главному кругу, а он все еще ковьялет в своем загончике для начинающих.

Сереза Корольков, главный инструктор, даже сказал как-то Марине:

— Имей в виду, Марина, что твой «верблюд» портит нам всю музыку. Из-за него мы никак не можем дать сто процентов выполнения плана.

Марина вспыхнула и ответила:

— Пожалуйста, возьми его себе хоть сегодня. Может, он у тебя поедет.

— Я ему предлагал переменить инструктора — он и слышать не хочет. Он, наверное, врзался в тебя, Марина?

— Дурак ты, Сереза. Он же солидный

человек, дети у него, жена, кататься не умеет.

— Вот которые с детьми и женами и кататься не умеют—те как раз и влюбляются в таких, как ты. А влюбленный человек никогда, конечно, не овладеет техникой катания. Ему нужно под ноги смотреть, а он на тебя любуется—и, натурально, падает.

— Глупости!—сказала полшленная Марина.—Я его сегодня так возьму в работу, что он у меня запищит. Обещаю тебе через декаду рапортовать о выпуске «верблюда» на главный круг.

— Ну смотри, Марина!

В этот вечер Николай Петрович почему-то не явился на занятия, и, освободившись раньше, Марина с другой инструкторшей—маленькой и толстой, как шар, Галинкой отправилась покататься на главный круг.

Они вышли на беговую дорожку и, взявшись за руки, заскользили по льду, заפורошенному снежком.

Вдруг Марина сжала руку подруги.

— Галинка! Смотри: вон впереди в синем свитере. До чего он на «верблюда» похож!

— Действительно похож. Только очень уж здорово едет.

— А ну, нажали, посмотрим.

Девушки «нажали», синий свитер обернулся, и Марина увидела длинные усы и близоруко прищуренные глаза Николая Петровича. «Верблюд» тоже заметил Марину, на лице его появилась гримаса испуга, и в тот же момент он грузно сел на лед.

— Он!—сказала Марина.—Теперь я ясно вижу, что это «верблюд»: его манера садиться.

Деликатная Галинка смешалась с толпой катающихся, а Марина подкатила к растерянно поднимающемуся Николаю Петровичу и сказала:

— Здравсте, пожалуйста. Оказывается, вы катаетесь как бог, Николай Петрович!

— Как видите,—смущенно пробормотал «верблюд», привычно отряхивая снег сзади на брюках.

— Кроме шуток, Николай Петрович. Я просто не понимаю, зачем вы ходите к нам, за загородку... Вы же нам весь план портите. Я только сегодня поклялась Королькову, что выпущу «верблюда»... то есть я не хотела сказать. Одним словом, дайте вашу руку—и поехали...

Они легко и уверенно сделали один круг, потом еще один и отъехали на укромную боковую аллею.

— Я вам должен признаться, Мариночка,—тихо сказал Николай Петрович, ловко делая поворот,—что я здесь на главном круге целый месяц уже катаюсь. После урока с вами иду прямо сюда и катаюсь.

— И не садитесь на лед?

— Что вы, за кого вы меня принимаете?

— Тогда я вас просто не понимаю, Николай Петрович...

— Сейчас поймете (голос Николая Петровича стал серьезным). Видите ли, Мариночка... Только, ради бога, не думайте, что я в вас влюблен!.. Видите ли, в вас столько молодости, свежести, здоровья, что я просто не могу с вами расстаться. Вы для меня... Только, пожалуйста, не сердитесь... Ну, все равно что хорошее лекарство. Без вас на меня коньки хорошо не действуют, честное слово. От вас какие-то чертовские токи молодости идут, ей-богу! Фу, я совсем запутался!..

— Почему же вы меня просто не пригласили покататься с вами на главном кругу?

— Думал, что вы не согласитесь кататься с таким стариком, как я.

— Какой же вы старик! Вы так хорошо бегаете, с вами удобно. Слушайте, Николай Петрович, неужели вы притворялись, когда там, в загончике, садились на лед?

— Не всегда, конечно, притворялся,—сказал Николай Петрович, хотел сделать поворот пограциознее и... взмахнув руками, сел на лед.

Марина строго нахмурила брови.

— Нечего, нечего рассиживаться! Вставайте! Я теперь ни в одну вашу посадку не верю. Пошли!

Они взялись за руки и снова выехали на залитый огнями блистающий, нарядный главный круг.

На перроне небольшого южного городка висела двухметровая афиша с розовощекой детской во весь рост. Детина держал на плечах бревно, увешанное по краям гроздьями счастливо улыбающихся зрителей. Эту группу обрамляла композиция, прославляющая подвиги силача рекордсмена. Афиша как бы призывала пассажиров почтовых и курьерских поездов презреть земные заботы, сделать остановку и наслаждаться волнующим зрелищем.

Остановись наш вагон чуть поодаль от афишы, вряд ли родился бы этот рассказ. Но силач заглядывал нам прямо в купе. Мне показало даже, что он забыл о своих добровольных помощниках — так заинтересовала его этикетка на бутылке, которую поставил на столик мой сосед.

Но тут прозвучал второй звонок, всплеснулась жидкость в стаканах, и мой сосед, старый грузин, испытывавший уже некоторые затруднения в подборе новых тостов, вдруг оживился и предложил выпить за представителей циркового искусства.

— Знаете, я и сам когда-то в цирке выступал, — смущенно добавил он. — Только давно это было да и далеко отсюда. И мне тоже зрители помогали. Хотя я этой помощи не очень обрадовался и не скоро ее забуду.

Собеседник назвал уральский городок и начал рассказ, который я привожу целиком, опуская лишь некоторые эмоциональные и труднопереводимые выражения.

* * *

— В молодости я служил землемером. Много разных городов и сел объездил, и поздней осенью одиннадцатого года судьба забросила меня на Урал. Городок мне не понравился сразу. В первую же ночь я оставил за ломберным столиком в общественном собрании все мои деньги, и утром следующего дня будущее рисовалось мне не в самых светлых тонах. В кармане у меня не было ни одного гривенника, в

городе — ни одного знакомого, а в голове — ни одной заслуживающей внимания мысли о том, как прожить ближайшие дни. Что же касается моих достоинств — «усердия» и «кристальной честности», — перечисленных в двух рекомендательных письмах, то они вряд ли могли помочь в этих обстоятельствах. В дороге я поиздержался. Я мог бы продать шинель, но тогда сразу же следовало уезжать в места с более умеренным климатом. Я мог бы, пожалуй, также... Нет, больше я уже ничего не мог.

Я надел шинель и отправился на рынок. По дороге зашел на вокзал узнать, когда отходит ближайший поезд, и здесь, на вокзале, я увидел цирковую афишу:

**«ЧЕРНАЯ МАСКА ВЫЗЫВАЕТ...
ТОТ, КТО ВЫИГРАЕТ У ЧЕРНОЙ
МАСКИ,
ПОЛУЧИТ ПРИЗ
В СТО РУБЛЕЙ!!!»**

«А что получит тот, кто проиграет?» — подумал я. Так как ответа на этот особенно интересовавший меня вопрос в тексте не было, я направился в цирк.

— За проигрыш вы получите червонец, — ответил антрепренер, бесцеремонно разглядывая мою фигуру.

Силой и ростом бог меня не обидел, но в жизни своей я ни разу не выходил на ковер и чистосердечно в этом признался.

Чтобы я не выглядел абсолютным профаном, антрепренер обещал научить меня двум-трем приемам. Мы договорились о том, что я буду бороться три вечера подряд, ударили по рукам, и я получил аванс в счет будущих моих гонораров. Тридцать рублей, которые рассчитывал заработать я, заметно подняли мое настроение, и городок перестал казаться мне таким неприветливым и негостеприимным, как час назад.

Через два дня на его тихих улицах появились сенсационные объявления:

**«СПЕЦИАЛЬНО!
ДЛЯ УЧАСТИЯ В МАТЧАХ
С НЕПОБЕДИМОЙ ЧЕРНОЙ МАСКОЙ
ПРИБЫЛ ЧЕМПИОН МИНГРЕЛИИ,
ГУРИИ И КАХЕТИИ,
МНОГОКРАТНЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫХ МАТЧЕЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ
САНДРО МАМАШВИЛИ.
ТОЛЬКО ТРИ ДНЯ!
БОРЬБА ДО РЕЗУЛЬТАТА!»**

Этот текст меня несколько смутил, но потом я утешил себя — все равно вокруг на тысячу верст не сыщешь ни одного грузина, который заподозрит, что я никакой не

чемпион, и догадается, что псевдоним «Мамашвили» означает «сын своего отца» — не более.

На параде я шел рядом с Черной Маской. Этот бок казался мне настоящим страшилищем. Но самое страшное было впереди. Когда затихла музыка, я услышал откуда-то из ближних рядов восхищенный шепот. Кто-то по-грузински прознес:

— Этот, второй, наверное, наш.

Я невольно покосился в ту сторону и — о бог мой! — увидел трех грузин. Пока я ломал голову, каким ветром их сюда занесло, до слуха моего долетали ободряющие пожелания поскорее разделаться с противником.

— Мы сошли из-за тебя с поезда, будь настоящим мужчиной! — выкрикнул кто-то из зала.

Когда мы встретились с соперником на середине ковра и обменялись рукопожатиями, я сразу понял, что меня ждет. Но я не дрогнул. Я мужественно нес свой крест. Я был готов ко всему, но только не к этому...

Сперва я почувствовал, что лечу в какую-то пропасть. Потом мне показалось, что я приземлился. Спина надсадно ныла, и когда я открыл глаза, понял, что лежу на лопатках. Судья картинно поднимал руку победителя.

Когда ко мне вернулась способность мыслить, я сказал себе: «Сандро, ты че-

стно заработал свои десять рублей». Но вдруг я услышал страшный шум. Это старались мои земляки:

— Не било! Не било! Судиа жилит! Не правильна-а-а!

Я подумал в сердцах: «Ну что это люди, ничего не смыслящие в борьбе, устраивают такой скандал? Просто смешно, как будто их кто-нибудь послушает». Но потом их поддержали другие любители острых ощущений. Рефери, посовещавшись с какими-то лоботрясами, сидевшими за столиком, приказал нам продолжить матч.

Что мне оставалось делать?

Минуты через три я снова был на лопатках, только теперь кроме спины у меня болела еще и шея, а перед глазами плыли темные кольца. «Пожалуй, это удовольствие вполне можно было бы растянуть на два дня»,— решил я. И вдруг опять услышал:

— Не било! Не правилна! Долой судиу!

Рефери не спешил выносить решения. Он снова подошел к столику. Нет, с меня было вполне достаточно. Я сложил руки на груди и обратился к своим землякам:

— Все было правильно. Все было совершенно правильно. Не поднимайте зря шума.

Но те не унимались. Мне было все равно. Я уже не искал славы и популярности у зрителей. Я твердо решил пожертвовать десятью рублями и больше не выходить на ковер. Пришлось продавать шинель.

И все из-за этих самых, как их теперь называют... болельщиков...

Рассказчик умолк.

Поезд подходил к большой станции.

Первое, что мы увидели на перроне,— толпу людей у репродуктора.

С местного стадиона передавался репортаж о футбольном состязании. Вдруг голос комментатора заглушили свист и истошный крик:

— Не было офсайда, на мыло судью!

...Полугрустная-полусмешная история, которую поведал мне сосед по купе, неожиданно зазвучала по-новому.

Близнецы

Рассказывал народный артист Советского Союза Леонид Осипович Утесов. Рассказывать он умел. Но, к сожалению, рассказывал он не мне. И даже не поэту Михаилу Матусовскому, который рассказал мне об этом. Рассказывал давно. Так что я заранее прошу читателей извинить меня за возможные неточности. Вот что я запомнил.

Шла война. Зима стояла в большом сибирском городе. Холодная, пронзительная уральская зима.

Шел по улице Утесов. Шел и остановился. Потому что встретил женщину с детской коляской. А в коляске ехали три близнеца. Стоит Утесов и смотрит на близнецов. А женщина говорит:

— Здравствуйте, товарищ Утесов, я вас сразу узнала.

— Здравствуйте,— сказал Утесов,— поздравляю вас!— и он показал на близнецов.

— Ох,— сказала женщина,— я так боюсь за них... Время такое трудное, а они такие слабые... Особенно Сашенька, вот этот.

— Ничего,— сказал Утесов,— все будет хорошо. Война кончится, прогоним фашистов, заживем опять по-человечески, будете сынов растить. И вырастут у вас три богатыря. Особенно вот этот— Сашенька. Так все и будет.

— Большое вам спасибо,— сказала женщина.

Кончилась война. Прошло много лет. И вот получает Утесов письмо:

«Дорогой Леонид Осипович! Вам пишет, если помните, мать трех близнецов. Вы оказались правы. Сыновья выросли богатырями, спортсменами. Особенно Сашенька. Он теперь играет в хоккей за сборную СССР. Может, вы слышали— Сашенька Рагулин. Большое Вам спасибо!».

— Должен сказать, что Сашенька с тех пор сильно прибавил в весе,— заключил Утесов.

Пижон и мастер

Что такое пижон от спорта? Это очень много разговоров и очень мало понимания спорта. Это очень много внешности и очень мало сущности.

Особенно грустно, когда пижон пишет о спорте. Правда, это бывает редко. Но, как говорится, метко. И хорошо запоминается.

В тридцатых годах в каком-то тонком молодежном журнале были напечатаны

стихи о «модном» тогда настольном теннисе. Фамилию автора забыл. Там были такие удивительные строки:

Они натянули сетку
Как раз (?) поперек стола,
Чтобы пасовка (?) меткая
На самой (?) черте легла.

Прочитав эти бессмертные строки, Илья Ильф сказал бы, наверное, что писал

их «молодой, полный сил идиот». Надо же придумать такое: «пасовка в теннисе». Наверно, про футбол автор написал бы так:

Кишит народ, как пчелы
        в сотах,
Стоит вратарь как раз
        в воротах,
Дает противник сильный пас,
Что взял руками он как раз.

Просто хочется укусить такого автора. Ударить как раз. В те же тридцатые годы в журнале «30 дней» были напечатаны прелестные стихи А. Арга. Я не думаю, чтобы автор так уж сильно разбирался в спорте. Но это был пресмешной рассказ о молодом человеке, полюбившем спортсменку. Он по ее требованию занимался спортом. Вот что запомнилось:

Через день, упований полон,
Едва касаясь земли,
К возлюбленной пришел он
(Вернее, его принесли).
Он молвил ей:— Ну же,
        вы же...

Но она молчала, как лещ,
А после сказала:— Лыжи!
Лыжи! Вот это вещь!
Через день, упований полон,
Едва касаясь земли,
К возлюбленной пришел он
(вернее, его принесли).
Но тут она плюнула (в
        урну)

И сказала ему:— Сапог!
Можно ли быть культурным
И не играть в пинг-понг!
И ушла она подбоченясь,
Он остался, бледен как мел,
Ибо в настольный теннис
Он
        играть
        не умел.

Не правда ли, и забавно, и мило, и какой отличный стих. Это не пижон. Это мастер. Как-то я напомнил А. М. Арга эти стихи.

— Как это вы запомнили?— удивился он.— Тридцать лет прошло.

— А я вообще не забуду эти стихи. Потому что люблю пинг-понг и ценю настоящее остроумие.

— Ох вы, комплиментщик,— сказал Арга. Но я увидел, что он доволен.

МАРК ТВЕН

Кларенс
Джонсон

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ

вую примочку и начали снова. Инструктор на этот раз стал с левой стороны, а я свалился на правую, так что результат получился тот же самый. Машина осталась невредима. Мы еще раз примочили синяки и начали снова. На этот раз инструктор занял безопасную позицию — сзади велосипеда, но, не знаю уж каким образом, я опять на него свалился.

Он не мог прийти в себя от восторга и сказал, что это прямо-таки сверхъестественно: на машине не было ни царапинки, она даже не расшаталась. Примачивая ушибы, я сказал, что это поразительно, а он ответил, что когда я хорошенько разберусь в конструкции велосипеда, то пойму, что его может покалечить разве только динамит. Потом он, хромя, занял свое место, и мы начали снова.

На этот раз инструктор выбрал место в сторонке и подозвал моего человека подталкивать машину сзади. Мы тронулись с места замечательно быстро, тут же наехали на кирпич, я перелетел через руль, свалился головой вниз — инструктору на спину — и увидел, что машина порхает в воздухе, застилая от меня солнце. Хорошо, что машина упала на нас: это смягчило удар, и она осталась цела.

Через пять дней меня повезли в больницу, там я застал инструктора, и оказалось, что он уже поправляется. Не прошло и недели, как я был совсем здоров. Это оттого, что я всегда соблюдал осторожность и соскакивал на что-нибудь мягкое. Некоторые рекомендуют перину, а по моему, инструктор удобнее.

Наконец инструктор выписался из больницы и привел с собой четырех ассистентов. Мысль была неплохая. Они вчетвером держали изыщную машину, пока я взбирался на седло, потом строились колонной и маршировали по обеим сторонам, а инструктор подталкивал меня сзади; в финале участвовала вся команда.

Велосипед, что называется, «выписывал вензеля», и выписывал очень скверно. Для того чтобы усидеть на

Подумав хорошенько, я решил, что справлюсь с этим делом. Тогда я пошел и купил бутылку свинцовой примочки и велосипед. Домой меня провожал инструктор, чтобы преподать мне начальные сведения. Мы уединились на заднем дворе и принялись за дело.

Велосипед у меня был не вполне взрослый, а так, жеребеночек, дюймов пятидесяти, с педалями, укороченными до сорока восьми дюймов, и резвый, как полагается жеребенку. Инструктор кратко описал его достоинства, потом сел ему на спину и проехался немножко, чтобы показать, как это просто делается. Он сказал, что труднее всего, пожалуй, выучиться соскакивать, так что это мы оставим напоследок. Однако он ошибся. К его изумлению и радости, обнаружилось, что ему нужно только посадить меня и отойти в сторону, а соскочу я сам. Я соскочил с невиданной быстротой, несмотря на полное отсутствие опыта. Он стал с правой стороны, подтолкнул машину — и вдруг все мы оказались на земле: внизу он, на нем я, а сверху машина.

Осмотрели машину — она нисколько не пострадала. Это было почти невероятно. Однако инструктор уверил меня, что так оно и есть, и действительно осмотр подтвердил его слова. Из этого я должен был, между прочим, понять, какой изумительной прочности вещь мне удалось приобрести. Мы приложили к синякам свинцо-

месте, от меня требовалось очень многое и всегда что-нибудь прямо-таки противное природе. Противное моей природе, но не законам природы. Иначе говоря, когда от меня что-либо требовалось, моя натура, привычки и воспитание заставляли меня поступать известным образом, а какой-нибудь незыблемый и неведомый мне закон природы требовал, оказывается, совершенно обратного. Тут я имел случай заметить, что мое тело всю жизнь воспитывалось неправильно. Оно погрязло в невежестве: не знало ничего, ровно ничего такого, что могло быть ему полезно. Например, если мне случалось падать направо, я, следуя вполне естественному побуждению, круто поворачивал руль налево, нарушая таким образом закон природы. Закон требовал обратного: переднее колесо нужно поворачивать в ту сторону, куда вы падаете. Когда вам это говорят, то поверить бывает трудно. И не только трудно—невозможно, настолько это противоречит всем вашим представлениям. А сделать еще труднее, даже если веришь, что это нужно. Тут не помогают ни вера, ни знание, ни самые убедительные доказательства: сначала просто невозможно заставить себя действовать поновому. Тут на первый план выступает разум: он убеждает тело расстаться со старыми привычками и усвоить новые.

С каждым днем ученик делает заметные шаги вперед. К концу каждого урока он чему-нибудь да выучивается и твердо знает, что выученное навсегда останется при нем. Это не то, что учиться немецкому языку: там тридцать лет бредешь ощупью и делаешь ошибки, наконец, думаешь, что выучился,—так нет же, тебе подсовывают сослагательное наклонение—и начинай опять сначала. Нет, теперь я вижу, в чем беда с немецким языком: в том, что с него нельзя свалиться и разбить себе нос. Это поневоле заставляет приняться за дело плотную. А все-таки, по-моему, единственный правильный и надежный путь научиться

немецкому языку—изучать его по велосипедному способу. Иначе говоря, взяться за одну какую-нибудь подлость и сидеть на ней до тех пор, пока не выучишь, а не переходить к следующей, бросив первую на полдороге.

Когда выучишься удерживать велосипед в равновесии, двигать его вперед и поворачивать в разные стороны, нужно переходить к следующей задаче—садиться на него. Делается это так: скачешь за велосипедом на правой ноге, держа левую на педали и ухватившись за руль обеими руками. Когда скомандуют, становишься левой ногой на педаль, а правая бесцельно и неопределенно повисает в воздухе; наваливаешься животом на седло и падаешь—может быть, направо, может быть, налево, но падаешь непременно. Встаешь и начинаешь то же самое сначала. И так несколько раз подряд.

Через некоторое время выучиваешься сохранять равновесие, а также править машиной, не выдергивая руль с корнем. Итак, ведешь машину вперед, потом становишься на педаль, с некоторым усилием заносишь правую ногу через седло, потом садишься, стараешься не дышать—вдруг сильный толчок вправо или влево—и опять лежишь на землю.

Однако на ушибы перестаешь обращать внимание довольно скоро и постепенно привыкаешь соскакивать на землю левой или правой ногой более или менее уверенно.

Повторив то же самое шесть раз подряд и шесть раз свалившись, приходишь до полного совершенства. На следующий раз уже можно попасть на седло довольно ловко и остаться на нем (конечно, если не обращать внимания на то, что ноги болтаются в воздухе) и даже на время оставить педали в покое; а если сразу хвататься за педали, то дело будет плохо. Довольно скоро выучиваешься ставить ноги на педали не сразу, а немного погодя, когда усядешься в седле, не потеряв равновесия. Тогда

можно считать, что вы вполне овладели искусством садиться на велосипед, и после небольшой практики для вас это будет легко и просто, хотя зрителей на первое время лучше просить держаться подальше, если вы против них ничего не имеете.

Теперь пора уже учиться соскакивать по собственному желанию — соскакивать против желания вы научитесь прежде всего. Очень легко в двух-трех словах рассказать, как это делается. Ничего особенного тут не требуется, и, по-видимому, это нетрудно: нужно опустить левую педаль до тех пор, пока нога не выпрямится совсем, повернуть колесо влево и соскочить, как соскакивают с лошади.

Конечно, на словах это легче легкого, а на деле оказывается трудно. Не знаю, почему так выходит, знаю только, что трудно. Сколько ни старайся, слезаешь не так, как с лошади, а летишь кувырком, точно с крыши. И каждый раз над тобой смеются.

В течение целой недели я обучался каждый день часа по полтора. После этого двенадцатичасового обучения курс науки был закончен, так сказать, вчерне. Мне объявили, что теперь я могу кататься на собственном велосипеде без посторонней помощи. Такие быстрые успехи могут показаться невероятными. Чтобы обучиться верховой езде хотя бы начерно, нужно гораздо больше времени.

Правда, я мог бы выучиться и один, без учителя, только это было бы рискованно: я от природы неуклюж. Самоучка редко знает что-нибудь как следует и обычно в десять раз меньше, чем узнал бы с учителем; кроме того, он любит хвастаться и вводит в соблазн других легкомысленных людей. Некоторые воображают, будто несчастные случаи в нашей жизни, так называемый «жизненный опыт», приносит нам какую-то пользу. Желал бы я знать, какую. Я никогда не видел, чтобы такие случаи повторялись дважды. Они всегда подстерегают нас там, где не ждешь, и застают врасплох.

Но мы отвлеклись в сторону. Как бы то ни было, возьмите себе учителя: это сбережет массу времени и свинцовой примочки.

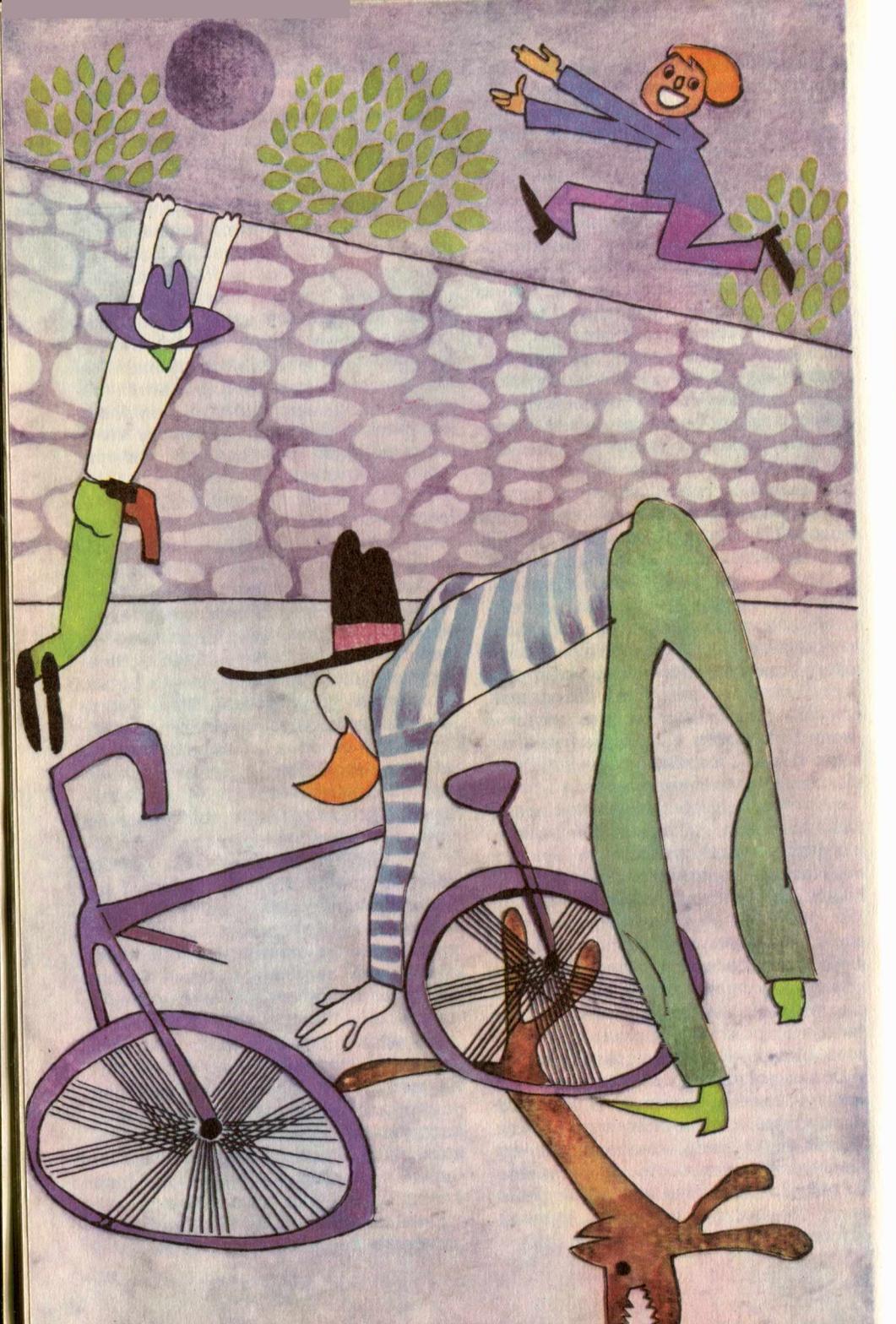
Перед тем как окончательно распрощаться со мной, мой инструктор осведомился, достаточно ли я силен физически, и я имел удовольствие сообщить ему, что вовсе не силен. Он сказал, что из-за этого недостатка мне первое время довольно трудно будет подниматься в гору на велосипеде, но что это скоро пройдет. Между его мускулатурой и моей разница была довольно заметная. Он хотел посмотреть, какие у меня мускулы. Я ему показал свой бицепс — лучшее, что у меня по этой части имеется. Он чуть не расхохотался. Он сказал:

— Бицепс у вас дряблый, мягкий, податливый и круглый, скользит из-под пальцев, в темноте его можно принять за устрицу в мешке.— Должно быть, лицо у меня вытянулось, потому что он прибавил ободряющее:— Это не беда, огорчаться тут нечего: немного погодя вы не отличите ваш бицепс от окаменевшей почки. Только не бросайте практики, ездите каждый день, и все будет в порядке.

Потом он со мной распростился, и я отправился один искать приключений. Собственно, искать их не приходится, это так только говорится, — они сами вас находят.

Я выбрал безлюдный, по-воскресному тихий переулочек шириной ядов в тридцать. Я видел, что тут, пожалуй, будет тесновато, но подумал, что если смотреть в оба и использовать пространство наилучшим образом, то как-нибудь можно будет проехать.

Конечно, садиться на велосипед в одиночестве оказалось не так-то легко: не хватало моральной поддержки, не хватало сочувственных замечаний инструктора: «Хорошо, вот теперь правильно. Валийте смелей, вперед!» Впрочем, поддержка у меня все-таки нашлась. Это был мальчик, который сидел на заборе, грызя большой кусок кленового сахара.

Он живо интересовался мной и все время подавал мне советы. Когда я свалился в первый раз, он сказал, что на моем месте он непременно подложил бы себе подушки спереди и сзади — вот что он сделал бы. Во второй раз он посоветовал мне поучиться сначала на трехколесном велосипеде. В третий раз он сказал, что мне, пожалуй, не усидеть и в телеге. В четвертый раз я кое-как удержался на седле и поехал вперед, неуклюже виляя, пошатываясь из стороны в сторону и занимая почти всю улицу. Глядя на мои неуверенные и медленные движения, мальчишка преисполнился презрением и завопил:

— Вот так поскакал — ого-го-го!

Потом он слез с забора и побрел по тротуару, наблюдая за мной и порою отпуская неодобрительные замечания. Скоро он соскочил с тротуара и пошел следом за мной. Мимо проходила девочка, держа на голове стиральную доску; она засмеялась и хотела что-то сказать, но мальчик заметил наставительно:

— Оставь его в покое — он едет на похороны.

Я с давних пор знаю эту улицу, и мне всегда казалось, что она ровная как доска, но, к удивлению моему, оказалось, что это неверно. Велосипед в руках новичка невероятно чувствителен: он показывает самые тонкие и незаметные изменения уровня; он отмечает подъем там, где неопытный глаз не заметил бы никакого подъема; он отмечает уклон везде, где вода стекает книзу. Подъем был едва заметен, а я старался изо всех сил, пыхтел, обливался потом — и все же, сколько я ни трудился, машина оставалась чуть не каждую минуту. Тогда мальчишка кричал:

— Так, так! Отдохни, торопиться некуда. Все равно без тебя похороны не начнутся.

Камни ужасно мешали мне. Даже самые маленькие нагоняли на меня страх, когда я на них наезжал. Я наезжал на любой камень, как бы он ни был мал, едва только делал попыт-

ку его объехать, а не объезжать я не мог. Это вполне естественно. Во всех нас заложено нечто ослиное, неизвестно по какой причине.

В конце концов я доехал до угла, и нужно было поворачивать обратно. Тут нет ничего приятного, когда приходится поворачивать в первый раз самому, да и шансов на успех почти никаких. Уверенность в своих силах быстро убывает, появляются всякие предчувствия, каждый мускул застывает от напряжения и начинаешь осторожно описывать кривую. Но нервы шалят и полны электрических искр, и кривая живехонько превращается в опасные для жизни зигзаги. Вдруг стальной конь закусывает удила и, взбесившись, лезет на тротуар, не смотря на все мольбы седока и все старания свернуть на мостовую: сердце у вас замирает, дыхание прерывается, ноги цепенеют, а велосипед все ближе и ближе к тротуару. Наступает решительный момент, последняя возможность спастись. Конечно, тут все инструкции разом вылетают из головы, и вы поворачиваете колесо от тротуара, когда нужно повернуть к тротуару, — и растягиваетесь во весь рост на этом негостеприимном, закопанном в гранит берегу. Такое уж мое счастье: все это я испытал на себе. Я вылез из-под неуязвимой машины и уселся на тротуар считать синяки.

Потом я пустился в обратный путь. Тут я заметил воз с капустой, тащившийся мне навстречу. Если чего-нибудь не хватало, чтоб довести до совершенства мое искусство управлять велосипедом, так именно этого. Фермер с возом занимал середину улицы, и с каждой стороны воза оставалось каких-нибудь четырнадцать-пятнадцать футов свободного места. Окликнуть его я не мог — начинающему нельзя кричать: как только он откроет рот, он погиб; все его внимание должно принадлежать велосипеду. Но в эту страшную минуту мальчишка пришел мне на выручку, и на сей раз я был ему премного обязан. Он зорко следил за порыви-

стыми и вдохновенными движениями моей машины и соответственно извещал фермера:

— Налево! Сворачивай налево, а не то этот осел тебя переедет!

Фермер начал сворачивать.

— Нет, нет, направо! Стой! Не туда! Налево! Направо! Налево. Право, лево, пра... Стой где стоишь, не то тут тебе и крышка!

Тут я как раз заехал подветренной лошади в корму и свалился вместе с машиной. Я сказал:

— Черт полосатый, что ж ты, не видел, что ли, что я еду?

— Видеть-то я видел, только почему же я знал, в какую сторону вы едете! Кто ж это мог знать, скажите, пожалуйста! Сами-то вы разве знали, куда едете? Что же я мог поделать?

Это было отчасти верно, и я великодушно с ним согласился. Я сказал, что, конечно, он виноват столько же, сколько и я сам.

Через пять дней я до того наловчился, что мальчишка уже не мог за мной угнаться. Ему пришлось опять влезть на забор и издали смотреть, как я падаю.

В одном конце улицы было несколько невысоких каменных ступенек на расстоянии ярда одна от другой. От них я, пожалуй, пострадал больше всего, если не говорить о собаках. Мне говорили, что даже первоклассному спортсмену не удастся переехать собаку: она всегда увернется с дороги. Пожалуй, это и верно: только, мне кажется, он именно потому не может переехать собаку, что старается это сделать. Я вовсе не старался переехать собаку. Однако все собаки, которые мне встречались, попадали под мой велосипед. Тут, конечно, разница немалая. Если вы стараетесь переехать собаку, она сумеет увернуться, но, если вы хотите объехать ее, она не сумеет верно рассчитать и отскочить в ту сторону, в какую следует. Так всегда и случалось со мной. Я наезжал на всех собак, которые приходили глядеть, как я катаюсь. Им всем нравилось на меня

глядеть, потому что у нас и по соседству редко что-нибудь случается интересное для собак. Немало времени я потратил, обучаясь объезжать собак стороной, однако выучился даже и этому.

Теперь я еду куда хочу и как-нибудь поймаю этого мальчишку и перееду его, если он не исправится.

Купите себе велосипед. Не пожалеете, если останетесь живы.

*Перевел с английского
Н. Дарузес*

Между баварскими городами Тиллингенем и Гохштадтом на Дунае существует острая вражда. В средние века тиллингенцы, нагружив челноки горючими веществами, отправлялись в поход на Гохштадт, который после таких визитов часто выгорал до основания. Иногда гохштадтцы гнали тиллингенцев обратно, и тем приходилось пробегать по дубовой, тянувшейся от одного города до другого на протяжении 40 километров аллее, которая до сих пор носит название «Повешенные тиллингенцы».

В свою очередь, тиллингенцы попадавших к ним в плен гохштадтских соседей топили как котят в Дунае, а однажды, когда им удалось захватить в плен члена городского совета Гохштадта, они разрубили его на четыре части и одну из них послали со специальным послом в Гохштадт. После этого гохштадтцы тотчас же его повесили, несмотря на протест и ссылку на то, что он, как посол, является лицом неприкосновенным.

Так продолжалось до тех пор, пока у городов не было отнято право устраивать такие игры и забавы. Когда же цивилизация осудила варварские убийства, враждующие стороны были вынуждены ограничиться боями в проездем трактире, называвшемся «Ангел стражи». Этот трактир находился как раз посредине между Гохштадтом и Тиллингенем.

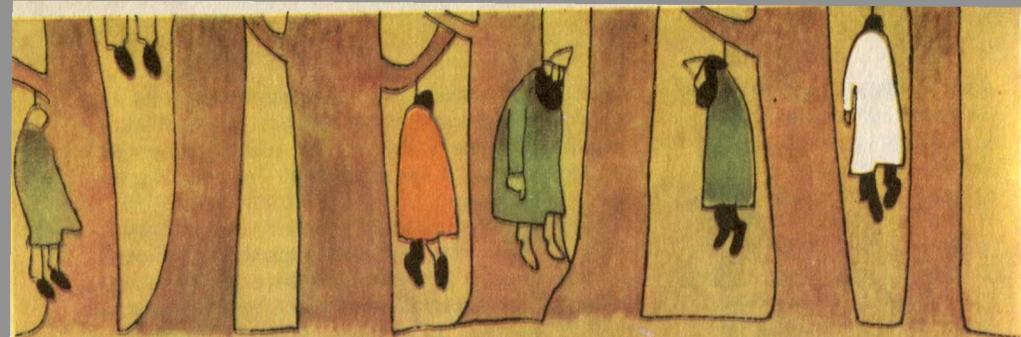
По воскресеньям и праздникам сюда стекались жители уважаемых горо-

дов поспорить о своих достоинствах, в результате чего вечером их отвозили обратно в фурах для навоза с пробитыми черепами и поломанными ребрами.

Обе стороны неизменно стремились поддержать первенство своего города в столетней борьбе. Поэтому бои между ними у «Ангела стражи» носили не менее упорный характер, чем сотни лет назад, когда тиллингенцы лезли по лестницам на стены Гохштадта с горящими смоляными факелами, а гохштадтцы сталкивали их вниз, в городской овраг, предварительно оглушая дубинами весом в два-три пуда. Дрались так же ожесточенно и упорно, как и в доброе старое время, когда гохштадтцы тараном разбивали ворота Тиллингена, а тиллингенцы лили на них сверху кипящую смолу.

Ни одна из сторон не могла победить другую. И только благодаря административным властям гохштадтцы были преданы в руки тиллингенцев. Гохштадтское административное управление было упразднено и переведено в Тиллинген. Таким образом, в Гохштадте осталась только мировой судья, а в Тиллингене был основан окружной суд. Гохштадтцы своих граждан только допрашивали, но на суд отправляли в Тиллинген, где их судили строго и жестоко. Гохштадтцы должны были призываться на военную службу и исполнять все гражданские обязанности в Тиллингене, чиновники которого всегда рассматривали дела своих граждан в первую очередь, а дела гохштадтцев — во вторую. Так, гохштадтцы были опозорены и оскорблены. И когда в одно из воскресений им удалось в «Ангеле стражи» хорошо поколотить тиллингенцев, на следующий праздник там оказалось такое количество жандармов, что попытка произвести дальнейшие расчеты окончилась неудачей.

С тех пор вековые враги встречались только случайно, когда отбывали воинскую повинность. В казар-

мах гохштадтцы, окруженные со всех сторон неприятелем, склоняли головы перед превосходившей силой противника и возвращались домой пессимистами, за что дома их называли трусами. И уже казалось, что гохштадтцам никогда не смыть пятна позора, как новая эпоха принесла Южной Германии новую форму состязания— футбол.

Поначалу клубу «Тиллинген» нечего было и соваться против футбольной команды Гохштадта.

Форварды Гохштадта возбуждали всеобщее удивление: они так быстро гнались за мячом, как некогда их предки отгоняли от городских ворот тиллингенцев. Они с такой непреодолимой силой забивали мяч в ворота противника, как тараны их предков когда-то разбивали ворота Тиллингена. Сыгранность и спаянность команды «Гохштадт» преодолевали любые преграды, преграждавшие путь к неприятельским воротам. Однажды даже случилось, что в порыве горячки они забили вместе с мячом в ворота своего бека. Их удары были чудовищны. Мяч, который они забили в ворота враждебной команды (вот один пример), повалил голкипера, пробил насквозь железную сетку, оторвал ухо одному из зрителей, далеко за полем убил игравшую собаку и подбил пешехода. Второй пример: при матче «Гохштадта» с «Ингольштадтом» гол первых в ворота вторых привел к двум жертвам— голкипер и мяч испустили дух. Игра была прервана на время, пока не пришел новый голкипер и не принесли новый мяч.

Возвращаясь с поля после такой победы, гохштадтцы гордо распевали свой гимн:

Кто поцелуй срывает
С девичьих нежных губ,
Кто лучше гол вбивает,
Чем наш гохштадтский клуб?
Гоалиа, гоалиа, ура!

В спортивной хронике одной газеты их игру называли необычно «упругой», а в отчете о последнем матче

говорилось, что это был не футбол, а «страшный суд господень». В другой газете писалось о встрече команд «Гохштадт»— «Рингелькейм», что их игра напоминала борьбу за Верден.

В осеннем сезоне гохштадтцы (зелено-голубые) могли подвести итог своим успехам: перебитых ног—28 пар; сломанных ребер—49; вывихнутых и переломанных рук—13 пар; перебитых носов—52; перебитых лопаток—16; перебитых или поврежденных переносиц—19; ударов в живот—32; выбитых зубов—4 дюжины. Если к этому прибавить, что в осеннем сезоне они забили 280 голов, а получили всего 6, то нельзя не согласиться, что успех их игры был рекордным.

Благодаря таким успехам они победили все клубы Южной Германии, а когда с севера они пригласили на дружеский матч команду «Альтону», то после игры из всей команды домой вернулся только один голкипер с повязанной головой, оставив своих соратников в больницах Гохштадта.

Теперь спрашивается: могли ли на все это спокойно смотреть жители города Тиллингена на Дунае, имевшие свой клуб бело-желтых футболистов? Клуб «Тиллинген» отнюдь не был плохой командой: он играл так же живо, и удары мячом его форвардов были не менее опасны, чем удары гохштадтцев. Удар, например, их игроков в живот был не менее неприятен противнику и сопровождался в виде дополнения к этой неприятности аплодисментами тиллингенской публики... и тем не менее они проигрывали матч за матчем.

Но вот однажды они что-то задумали и пригласили к себе тренера из Мюнхена— англичанина Бернса, который стал учить их элегантно играть, суть которой заключалась в пасовке, в комбинированной передаче мяча от одного игрока к другому. Бернс с утра до вечера руководил их игрой, пока, наконец, не сказал:

— Вызывайте команду Лейпцига.
Вызвали и проиграли 4:2.

— Ничего,— сказал он,— еще три таких поражения — и вы можете ничего не бояться.

И опять потели тиллингенцы, постигая тактику элегантной игры, в которой индивидуально дарование не играло никакой роли, а все искусство заключалось в сыгранности.

Затем снова вызвали первоклассную команду — «Прейссен» и проиграли 2:1. После этого играли с превосходной командой «Мюльгаузен» и сыграли вничью. И тогда тренер Бернс сказал им, что едва ли найдется соперник, который смог бы с ними тягаться. Ответный матч лейпцигской команды кончился для нее плачевно: «Тиллинген» забил 5, «Лейпциг» — только 1, да и то со штрафного удара.

Когда «Гохштадт» прочел о триумфальной победе «Тиллингена» над «Лейпцигом», весь клуб позеленел от злости. А когда позже в газете «Альгемейне Спортцейтунг» они прочитали о том, что бело-желтые из «Тиллингена» после своего успеха не имеют более серьезного соперника в Южной Германии и что их игра привела в восторг даже противников, они почувствовали то же, что и их предки, когда однажды тиллингенцы взяли Гохштадт и основательно его прочистили. В невероятный гнев приводили их следующие слова в отчете: «Прекрасная пасовка тиллингенцев», «Самоотверженность голкипера Тиллингена», «Безупречная атака форвардов», «Ураган и огонь по воротам Лейпцига», «Превосходный дриблинг правого крыла».

— Я бы его дриблингировал,— сказал нахмурившийся форвард Томас,— больше ему не пришлось бы играть нигде, разве только на небе перед воротами рая.

— Из голкипера тиллингенцев я бы сделал отварное с капустой, а из беков — салат,— произнес уверенным голосом один из форвардов Гохштадта.

Они долго сидели в клубе. Вдруг разговор прервался. Все задумались, а это значило, что положение проясня-

ется и сейчас кто-нибудь сделает предложение: Так и случилось.

— Сыграем с ними дружеский матч,— сказал секретарь клуба,— только заманим их сюда. Для этого у нас есть местная газета. Ответный матч играть не будем, так как команда «Тиллинген» сыграет у нас последний матч. Если кто из нас не выведет из строя хотя бы одного игрока, мы привяжем его к сетке ворот, и все будем по очереди биты в него мячом.

Местные газеты сейчас же представили себя в распоряжение своего клуба «Гохштадт» и стали заманивать «Тиллинген» на взрывчатую почву своего города. Особенно многозначительна в этом отношении была статья «Лучшая команда в Южной Германии». В ней, не без задней мысли, отдавалось должное последним победам «Тиллингена», его успеху и неожиданным результатам состязаний. Говорилось, что «Гохштадт» тоже может указать на ряд выдающихся побед и что разрешить спорный вопрос о том, какая команда лучше — «Тиллинген» или «Гохштадт», может только встреча двух клубов в дружеском матче, при которой оба города должны забыть все, что было между ними и уже давно отойшло в область предания. «Футбол,— говорилось,— является международной игрой, при которой местные интересы не имеют никакого значения. В ней побеждает не физическая сила наемных солдат, но чистая идея спортсмена, который в свою игру вкладывает отвагу и спортивную воспитанность. Посещение «Тиллингеном» Гохштадта навсегда устранил все недоразумения между обоими городами Шваберланда».

Нечто похожее на это гохштадтцы писали уже несколько столетий тому назад маркграфу замка «Тиллинген», прося его посетить их для совместного разрешения спорных вопросов о земельных границах между Тиллингеном и Гохштадтом. При этом они послали ему охранную грамоту. Когда же маркграф тиллингенский приехал, то первое время они действительно

ничего плохого ему не причинили, а спокойно и вежливо обсудили с ним большие вопросы, и только при последнем вопросе маркграф так разволновался, что гохштадтцы были вынуждены для успокоения повесить его на дереве. Так он вместе с охранной грамотой в руке висел несколько дней.

В другой статье, которой редактор «Моргенбладта» хотел окончательно усыпить подозрение «Тиллингена», писалось следующее: «Выступление «Тиллингена» на поле Гохштадта бу-

дет не только открытием весеннего сезона, но вместе с тем манифестацией братских отношений между обоими городами. Все старое забыто. Зелено-голубые подают руки бело-желтым и с волнением прижимают их к своему сердцу. Как нам сообщают, на следующей неделе в Тиллинген будет послан представитель нашего клуба, который будет вести переговоры о матче между обеими командами. Нам поручено сообщить, что «Тиллинген» встретит у нас братский прием не только среди наших спортсменов-

джентльменов, но и нашего любящего спорт общества, с радостью ожидающего встречи двух команд, которые, нужно думать, будут играть в рамках своих славных традиций. О конечном результате этой встречи, конечно, можно говорить только после матча».

— Посмотрите на них,—сказали в клубе «Тиллинген», когда прочли о себе эту статью,—что сделал наш успех. Кто знал о нас год тому назад? А теперь даже гохштадтцы разливаются в похвалах. Не прошло и четырнадцать месяцев, как о нас писали, будто мы самая захудалая команда на свете и что нам следует забавляться соской, а не игрой в футбол. Хорошо же, если они хотят получить пощечину, пусть ее получают. Мы рождены не только, чтобы с ними играть дружеский матч. Мы всыпьем им. Они пишут, что «Гохштадт» может тоже указать на ряд превосходных побед. Изолгавшиеся лгуны! Мы знаем, как с ними играли клубы «Ингольштадт», «Регенсбург», «Труттендорф» и «Кайхенталь». Известные грубияны, которые даже и не знают, что такое игра головой! У них лучшая комбинация—это зажать игрока со всех сторон и сбить его. Они бегут на игрока, а не на мяч!

— Когда-то и мы так делали,—вдохнул кто-то с правого крыла,—и, поверьте, это были хорошие времена. Вы помните, как я сбил форварда из «Улмербрюдер»? Я сломал ему позвоночник, сломал бедро и переломил левую ногу—и все это с одного удара.

— Зато мы похоронили его за счет клуба,—язвительно заметил секретарь,—и это обошлось нам в две тысячи марок!

— Черт вас надоумил хоронить так пышно!

— Все-таки матч мы доиграли и не должны были возвращать обратно плату за входные билеты,—сказало в оправдание правое крыло.

— Безусловно, мы выиграем у «Гохштадта»,—торжественно сказал

председатель клуба,—мы выиграем тонкостью и техникой своих пасовок. Атаковать противника нам никто не помешает. С краев пасуем в центр, из центра—на другой край, центр бежит вперед, дриблинг с беком и маленький трюк с подачей на правое крыло, удар—и гол! Мы не должны соприкасаться непосредственно с игроками противника. Пусть мяч летает в пространстве. Для них мяч должен быть недостижим, для них он должен остаться абстрактной идеей, сказкой и больше ничего! Гип-гип, ура-а!..

Едва секретарь клуба «Гохштадт» успел приступить к переговорам, как тиллингенская «Моргенпост» написала, что прежде всего речь идет о матче между «Тиллингеном» и «Гохштадтом», в котором «Тиллинген» будет защищать честь своего города и клуба. Игра будет не за кубок, а за победу над «старыми знакомыми»—за победу города Тиллингена над Гохштадтом на Дунае. Поезда привезут тиллингенцев в Гохштадт, чтобы команду, носящую бело-желтый цвет, цвет города Тиллингена, достойно проводить на поле брани и обнять победителей на месте победы.

Кроме нескольких враждебных взглядов, которыми сопровождали тиллингенцы секретаря клуба «Гохштадт», с ним ничего не случилось. Он благополучно заканчивал переговоры. Дружеский матч между обоими клубами должен состояться в будущей неделе. Чистый доход с входных билетов будет разделен поровну. После окончания переговоров по старому обычаю клуба все ушли в пивную, где пили за счет клуба до следующего утра. К утру еще договорились, что нейтральным судьей будет член клуба «Регенсбург», за проезд и расходы которого уплачивается из общих сумм, и выяснилось, что прадедушка председателя клуба «Гохштадт» был при атаке на город Тиллинген рассечен мечом от головы до самых пяток прадедушкой председателя клуба «Тиллинген», который был потом, в свою очередь, пронзен

копьем прадедушки секретаря клуба «Гохштадт».

После этого беседа как-то завяла, и секретарь «Гохштадта» счел благо-разумным незаметно исчезнуть. К то-му же он заметил, что председатель клуба как-то странно на него смотрит, будто намеревается реабилитировать честь своих предков.

Наступил славный день, когда весь Тиллинген вновь после нескольких столетий мира пошел на Гохштадт, который приготовился к обороне.

В Тиллингене и Гохштадте накану-не были распроданы все кастеты, ду-бовые трости и револьверы. Ручные чемоданы тиллингенцев, наполненные кирпичами, были подозрительно тяже-лы, а карманы гохштадтцев отвисали под тяжестью камней. Состязание должно было начаться ровно в 4 часа, но оно началось в 3 часа 33 минуты.

Первым пал нейтральный судья. Он получил удар по голове плетью от одного из членов клуба. Несмотря на то что ему рассекли череп в двух местах, он успел крикнуть «офсайд», но едва он собрался свистнуть, как новый удар палкой сплющил находив-шийся в его губах свисток.

Сила оказалась на стороне тиллин-генцев, приехавших в количестве 10 000 человек, тогда как все населе-ние Гохштадта равнялось 9000.

Гохштадтцы защищались отчаян-но, и во время всеобщей свалки им удалось повесить председателя клуба «Тиллинген» на перекладине ворот. Хавбек «Тиллингена» загрыз двух бе-ков «Гохштадта» и был, в свою оче-редь, заколот форвардом того же клуба.

В спортивном отделе всех газет Германии на следующий день была напечатана следующая краткая телег-рамма.

«Интересное состязание «Тиллин-ген» — «Гохштадт» не закончено. На поле осталось 1200 гостей и 850 ме-стных жителей. Оба клуба ликвидиру-ются. Город горит».

*Перевела с чешского
Е. Аникст*

МАРАФОНСКИЙ БЕГ

Незадолго перед войной, шатаясь в качестве туриста по Венгрии, я при-шел однажды в маленький городок Большой Каниж, где обнаружил пивов-аренный завод, варивший пиво из чешского солода, сто двадцать метров старой стены и могилу какого-то ту-рецкого визиря из той эпохи, когда Большой Каниж, осажденный наемни-ками принца Евгения Савойского, был резиденцией визиря. Маленький аб-бат, как называли этого мясника, так метко бил по городу, что одна из гранат оторвала голову турецкому ви-зирию, тюрбан с которой до сих пор хранится в городском музее. Я опас-юсь, что с этим тюрбаном происходят такие же мошенничества, какие делаются на моей родине с языком свято-го Яна Непомука: уж больно свежим показывают этот язык! В том же музее я видел кости верблюда, на котором совершал свои путешествия великий визирь. Тут уже никак нельзя скрыть мошенничества. Это были про-сто покрашенные ребра молодого ба-рашка. Больше ничего достойного внимания туриста я там не нашел. На улицах полно пыли, на окраинах, где тянутся огороды и сады, тучами лета-ют комары. За неделю до моего при-езда как раз окончилась судебная сессия окружного суда, которая рас-смотрела восемь уголовных дел, свя-занных с убийствами, и тридцать два больших мошенничества. Это показы-вало, что и этот город захлестнула волна культуры.

В городском саду кусались кома-ры. В загородном ресторане пьяные офицеры непрерывно заказывали цы-ганам одну и ту же песню: «Урам, урам, биро урам (господин, господин, господин судья)!» Глупая и противная песня!

В таком городе вы долго не задер-житесь. Мне удалось найти гостиницу,

где, видимо, собрались на съезд клопы всего города Большой Каниж и его окрестностей. Комната не отличалась особо элегантной обстановкой. В ней было все, вплоть до корыта для стирки белья, бочки для отбросов и раковины, заменявшей умывальник.

На другой день, гуляя по парку, я познакомился с одной девушкой из чиновничьей семьи. Я представился ей как миллионер, который от нечего делать путешествует пешком по Европе. Мое имя она, наверно, уже слышала раньше — Гордон Беннет.

Она обрадовалась, что я немного говорю по-венгерски. Я разрешил позвать себя на ужин, а какую-то женщину из их дома я послал в свою гостиницу, чтобы она принесла мой альпийский мешок с грязным бельем.

Отец барышни оказался большим добряком, мать — очень доверчивым созданием. У них были около деревни Ваши свои виноградники, а дядя ее был владельцем винных погребов; очевидно, благодаря такому родству у них в доме оказалось достаточно хорошего вина.

Прежде чем я опьянел, я обещал им, что возьму их дочь Этельку замуж, как только обойду вокруг земного шара.

Позже, когда меня охватило восторженное настроение, я поклялся перед изображением ее бабушки и дедушки, что ни один из венгерских королей не имел такой прекрасной виллы, какую я построю для своей Этельки возле Блатенского озера. Затем ее отец обещал своей семье, что завтра он возьмет отпуск со службы и пойдет со мной пешком через Венгрию до Турции, чтобы не потерять меня из виду.

В этот вечер они прекрасно меня угостили и уложили в постель.

Я проснулся незадолго до полудня и услышал в соседних комнатах необычайный шум. Там что-то перебрасывали, открывали и закрывали какие-то ящики.

Я провалился в постели до тех пор, пока ко мне не постучались. В комна-

ту вошел отец моей невесты Этельки.

— Господин Гордон Беннет, — сказал он, — все уже приготовлено, все в порядке. Доктор долго меня осматривал и, в конце концов, вынужден был подписать мне двухмесячный отпуск. Бумаги уже у меня. Женщины приготовили нам белье, спортивные костюмы, теперь они жарят нам на дороге цыплят... Завтра утром мы тронемся в дорогу через Венгрию в Турцию. Каким путем, вы думаете, мы отправимся в Турцию?

Я размышлял некоторое время.

— Мы переедем через Босфор в Малую Азию, пройдем ее всю и через Месопотамию отправимся в Персию. Переберемся через Гималаи и окажемся в Индии. А потом через Китай, Корею, Камчатку, Берингов пролив — до Северной Америки, оттуда — в Южную Америку и Патагонию. Из Патагонии мы переедем в Австралию, пересечем ее насквозь и из Австралии переедем в Южную Африку. Высадимся на мысе Доброй Надежды и пойдем на север, пересечем всю Африку до самого Марокко. Затем переедем во Францию. Ну, а из Франции через Швейцарию и Тироль, Штирию мы придем опять в Большой Каниж. Ну, а если вам понравится, мы можем три дня отдохнуть и снова идти по направлению к Исландии, Северному полюсу и через Сибирь вернуться домой. Вы хотели бы видеть Мадагаскар?

Он почесал за ухом и сказал неуверенным голосом:

— Это, кажется, одно из самых больших озер в Австралии?

Я кивнул головой и ответил:

— Одно из самых больших и самых глубоких, но высыхает регулярно через каждые пять тысяч лет.

В обществе Этельки я также провел несколько счастливых часов в саду. В перерыве между поцелуями я размышлял о том, как бы незаметно скрыться из этого дома. В худшем случае завтра, как только мы выйдем из города, я сниму свой мешок и брошусь в Балатон.

Географические познания Этельки были еще более смутными, чем познания ее отца. Тот по крайней мере не забыл, что Африка — это часть света, а не озеро.

Когда я поделился с этим нежным ребенком своими планами путешествия, то убедился, что она совершенно не имеет представления об Австралии, Индии, Корее и Камчатке. Да, она действительно знала меньше старика Геродота, который если и не знал всего, что знаем мы, то все же догадывался, что кроме Греции есть еще и другие земли.

Время между обедом и ужином прошло весьма быстро, заполненное

сплошными обещаниями. Я обещал ей привезти чучело индийского слона, кожи всех змей, географический атлас Андрэ, черепа обитателей Полинезии, индейские скальпы, бриллианты с мыса Доброй Надежды, рубины с гор Килиманджаро, золотые цепи из Перу и Чили, крышу с дворца далай-ламы в Тибете, стеклянный глаз японского микадо, пару живых китайцев и эскимосов и целое семейство людоедов с Замбези и т. д.

Она, бедняжка, была счастлива и задавала мне самые наивные вопросы. Между прочим, спросила, в порядке ли городской водопровод в Новой Зеландии (дело в том, что неделю

тому назад в Большом Каниже случилась большая неприятность с водопроводом).

— Вы думаете, я не знаю, куда выпадает Камчатка?—по-детски спросила она.

Подробный мой разговор с ней уже вылетел у меня из головы, но я могу поклясться, что, будь на моем месте самый хладнокровный учитель географии, он задушил бы ее немедленно.

Ужин прошел торжественно. Это был прощальный ужин господина Чендеша с семейством. Могу вас уверить, что много о своих богатствах я не распространялся и только случайно заметил:

— Если бы я был в сто раз более богат, то и тогда я не мог бы купить это встретившееся мне случайно счастье.

Их весьма удивили мои рваные ботинки. Я уверил их, что они сделаны из крокодиловой кожи, которую я снял с убитого мной крокодила на реке Ниле. Это является лучшим доказательством того, что и крокодилова кожа рвется. Как смешно утверждение ученых, что крокодилову кожу нельзя износить!

— Забавно,—продолжал я, показывая на заплаты своего пальто,—аристократические дамы туристического клуба Англии не умеют чинить пальто, которое случайно разорвалось: ведь я десять раз обошел пешком всю Англию.

«Хотя бы меня выгнали отсюда,—думал я со страхом, наблюдая, как все семейство ловит каждое слово с моих губ и верит всему, что я ни говорю,—или хоть бы послали за полицией».

Тем не менее они продолжали задавать мне самые различные вопросы.

— Живы ли ваши родители?

— Отец,—ответил я,—прочитав роман Жюль Верна «Путешествие на Луну», решил осуществить этот ужасный план умалишенного. Он изготовил ракету, закупорил себя в нее и затем заставил выстрелить ею из

пушки по направлению к Луне. С тех пор прошло восемь лет, и он до сих пор не вернулся. Мы не имеем о нем никаких сведений. Мать объехала на своей яхте, разыскивая его, все моря и до сих пор не нашла.

«Ну, теперь уже меня наверняка отправят в полицию»,—подумал я. Но вместо этого Этелька меня спросила:

— Нет ли у вас сестрички?

— Сестра моя вышла замуж за американского президента, но, увы, она с ним несчастна, так как влюбилась в знаменитого певца Карузо, которому купила виллу на Суматре и ферму для разведения тигров и ягуаров.

«Ну, теперь наверняка меня выбросят»,—подумал я.

— У каждого свои заботы,—сказала госпожа Чендеш, смотря на меня теплым материнским взглядом.—В любом семействе что-нибудь да есть.

— Есть ли у вас брат?

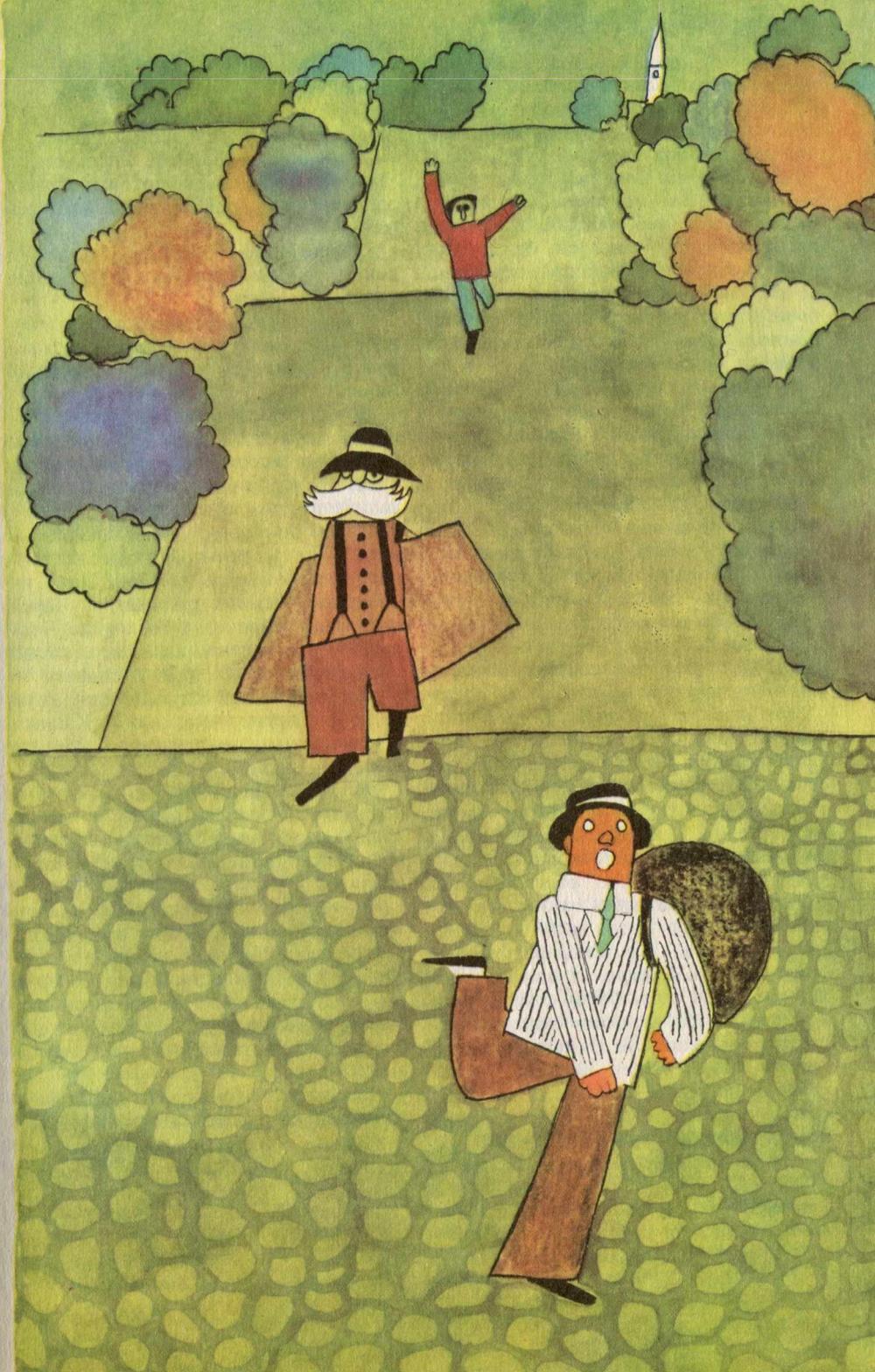
— Брат у меня удивительный человек. Он роздал все свое огромное имущество и теперь служит простым конторщиком в банке.

«Ну, теперь держись, Гордон Беннет!»—сказал я уверенно сам себе.

— А куда вы поедете с Этелькой, когда мы вернемся из путешествия и когда вы на ней женитесь?—спросил меня Чендеш.

— В Занзибар и в Аравию,—ответил я.—В Италии слишком жарко, кроме того, арабы весьма гостеприимный народ. Затем я уверил их, что в Сахаре давно выросли леса, полагая, что после этого господин Чендеш встанет, ударит меня по голове и меня сразу отвезут в больницу. Вместо этого я уснул на стуле, и меня осторожно уложили в постель.

Утром рано меня разбудил господин Чендеш. Он был совершенно готов, и его обрюзгшая низенькая фигура казалась смешной в костюме туриста. После кофе, во время которого госпожа Чендеш и Этелька не плакали, а ревели благим матом, мы вышли из дома на шоссе по направлению к городу Балатон.

Непрестанно приговаривая и плача, они провожали нас.

— Ты смотри за господином Гордоном Беннетом,— напутствовала его при расставании госпожа Чендеш.

Наконец мы остались одни.

Перед нами простиралась долина Блатенского озера, белая, покрытая пылью дорога тянулась без конца вдаль. На шелковичных деревьях, росших по обе стороны шоссе, налет пыли, а сожженная солнцем трава навевала тоску. Я обдумывал план побега.

— Вы хороший ходок?— спросил я господина Чендеша.

— Великолепный,— ответил он.— Когда-то я участвовал в состязаниях в клубе легкой атлетики.

Я прикусил себе губу. Мы вышли на небольшую возвышенность, за которой дорога шла вниз. Не раздумывая, я бросился бежать. Господин Чендеш— за мной.

— Я вас понимаю, господин Гордон Беннет. Кто из нас будет скорее в Балатоне? Бег на сорок километров!— крикнул он мне.

Он ковылял за мной. Я пробежал приблизительно десять километров прыжками по десять метров сразу. На двенадцатом километре, за Мезолягом, он меня почти догнал и бежал возле меня. На пятнадцатом километре я был впереди него всего на пятьдесят метров, и это расстояние у Будофала сократилось на пять. Так мы бежали друг возле друга двадцать два километра, а в Капотфальве, на тридцатом километре, я потерял его из виду. Мои силы были совершенно исчерпаны. Я немного отдохнул и побежал дальше. Но на повороте дороги я вновь увидел Чендеша, а за ним, приблизительно в ста метрах, бежал какой-то человек. Вдалеке виднелось еще несколько бегущих. Я ничего не мог понять и начал беспокоиться.

Тем не менее я несея вперед. Возле меня проехал мотоцикл, в котором сидел человек и держал в руке флаг.

Он махнул мне дружески рукой и спросил:

— Вы какого цвета?

Я не отвечал и понесся дальше.

На тридцать восьмом километре я увидел, что человек, который бежал за Чендешем, перегнал его и догоняет меня.

Я напряг последние силы и, пыхтя как локомотив, ворвался в передние улицы Балатона.

Огромная толпа приветствовала меня у сорокового километра радостным ревом, оркестр заиграл походный марш.

Я налетел на натянутую через улицу веревку и чуть было не разбил себе нос. Меня подхватили, сфотографировали, восторженная толпа подняла на воздух и отнесла в гостиницу.

Я не мог говорить. Меня отнесли в ванну. Затем за мной принесли того человека, который догонял меня на тридцать восьмом километре. Через пять минут принесли господина Чендеша с высунутым языком, ласково улыбающегося. Он был третьим.

По несчастной случайности, клуб легкой атлетики Большого Канижа устроил в этот день марафонский бег: Каниж—Балатон.

Это выяснилось вскоре же. Сперва нас хотели линчевать. Но, в конце концов, жандармы вывели нас из города и запретили нам туда возвращаться.

От господина Чендеша я избавился только в Албании, где на нас напали разбойники. Я сообщил им, что господин Чендеш—известный миллионер и они получают за него большой выкуп. Они увели его в горы, а у меня в виде благодарности забрали мешок с грязным бельем.

Вполне естественно, что о судьбе господина Чендеша я ничего не знаю и избегаю вести переписку с его несчастным семейством в Большом Каниже.

*Перевела с чешского
Р. Разумова*

СЛЕДУЕТ ЛИ
ЖЕНАТОМУ ЧЕЛОВЕКУ
ИГРАТЬ В ГОЛЬФ?

Излишне говорить, что мы, англичане, придаем спорту чрезмерно большое значение,—вернее, это говорилось так часто, что стало общим местом. Того и гляди, какой-нибудь радикально настроенный английский романист напишет книгу, рисующую все зло, к которому приводит злоупотребление спортом: запущенные дела, разбитая семья, медленное, но неуклонное истощение мозга—которого и без того было не так уже много,—влекущее за собой частичное слабоумие и прогрессирующее с каждым годом ожирение.

Однажды мне рассказали о молодой парочке, которая решила провести свой медовый месяц в Шотландии. Бедняжка не знала, что ее муж увлекается игрой в гольф (он ухаживал за ней и покорила ее сердце в период вынужденной праздности, вызванной растяжением плеча), иначе она, вероятно, отказалась бы от поездки в Шотландию. Первоначально они задумали совершить путешествие. На второй день супруг вышел прогуляться в одиночестве. За обедом он с рассеянным видом заметил, что им посчастливилось набрести на чудесное местечко, и предложил остаться еще на один день. Наутро после завтрака он раздобыл у швейцара палку для гольфа и сказал жене, что пойдет погулять, пока она причешется. По его словам, помахивание палкой на ходу доставляло ему развлечение. Он вернулся ко второму завтраку и целый день

был не в духе. Сославшись на то, что здешний воздух полезен для его здоровья, он убедил ее отложить отъезд еще на один день.

Она была молода и неопытна и решила, что у мужа не в порядке печень. Она много слышала о болезнях печени от своего отца. На следующее утро, захватив еще несколько палок, он ушел, на этот раз не дожидаясь завтрака, и вернулся к обеду поздно и не в слишком общительном расположении духа. На этом и кончился их медовый месяц, во всяком случае для нее. У него были самые лучшие намерения, но дело зашло слишком далеко. Порок проник ему в кровь, и при виде поля для игры в гольф он забыл обо всем на свете.

Многие, я уверен, слышали историю об увлекавшемся гольфом священнике, который, промахнувшись, всякий раз не в состоянии был удержаться от ругательства.

— Гольф и служение богу несовместимы,—сказал один из его друзей.—Послушайся моего совета, Тэммас, и брось его, пока не поздно.

Через несколько месяцев они встретились снова.

— Ты был прав, Джейми!—жизнерадостно закричал священник.—Они здорово мешали друг другу, гольф и служение господу; я послушался твоего совета и бросил его.

— В таком случае, зачем тебе понадобился этот чехол с палками?—осведомился Джейми.

— Зачем мне палки?—повторил в недоумении Тэммас. — Разумеется, для того, чтобы играть в гольф.—Тут он понял, в чем дело.—Спаси тебя господь, парень!—воскликнул он.—Уж не взбрело ли тебе в голову, что я бросил гольф?

Англичанин не знает спокойной игры. Он превращает спорт в пожизненную каторгу, принося ему в жертву свою душу и тело. Можно перефразировать знаменитое, но неизвестно кому принадлежащее изречение следующим образом: курорты Европы обя-

заны половиной своих доходов спортивным полям и площадкам в Итоне и тому подобных местах. В швейцарском или немецком санатории на вас обрушиваются чудовищно толстые мужчины и толкуют вам о том, что некогда они были призовыми спринтерами или защищали честь своих университетов в состязаниях по прыжкам в высоту,— теперь эти люди цепляются за перила и стонут, взбираясь по лестнице. Чахоточные мужчины между приступами кашля рассказывают о голах, забитых ими в те времена, когда они были блестящими хавбеками или форвардами. Бывшие боксеры-любители, выступавшие некогда в легком весе, а теперь напоминающие телосложением массивные американские бюро с выдвигающей крышкой, загоняют вас в угол бильярдной и, недоумевая, почему они не могут подойти к вам так близко, как им хотелось бы, шепотом излагают секрет того, как избежать удара снизу посредством быстрого ухода назад. На больших дорогах Энгадина то и дело встречаются немощные теннисисты, одноногие конькобежцы, отечные наездники, ковьяляющие на костылях.

Эти люди достойны всяческого сожаления. Книги для них бесполезны, потому что за всю жизнь они выучились читать только спортивные газеты. В молодости они не слишком утруждали свой мозг и, по-видимому, утратили саму способность мыслить. Они безразличны к искусству, а природа может предложить им лишь то, к чему они более не пригодны. Одетые снегом горы напоминают им, как некогда они отважно спускались с вершин на санках; неровный луг наводит на грустные мысли о том, что они не в состоянии больше держать в руках палку; сидя у реки, они рассказывают вам о лососе, которого им удалось подцепить прежде, чем они подцепили ревматизм; птицы лишь вызывают у них тоску о ружье; музыка воскрешает в памяти крикетное состязание, происходившее много лет назад под

бодрящие звуки местного оркестра; живописное кафе со столиками под виноградными лозами будит горькие воспоминания о пинг-понге. Жалко их, конечно, но рассказы их не очень-то занимательны. Человеку, у которого, кроме спорта, есть и другие интересы в жизни, их воспоминания просто скучны, а беседовать друг с другом они не желают. Очевидно, они не совсем верят друг другу.

Мало-помалу наши спортивные игры начинают перенимать иностранцы: будем надеяться, что наш пример послужит им предостережением и они сумеют остановиться вовремя. Пока что их отношение к спорту вряд ли можно назвать слишком серьезным. Футбол приобретает в Европе все большую популярность. Однако французы все еще не отказались от мысли, что наилучшим ударом является тот, от которого мяч взлетает высоко в воздух, после чего его следует принять на голову. Француз охотнее сыграть головой, чем забьет гол. Если ему удастся загнать мяч в угол, дважды поднять его в воздух на бегу и оба раза принять на голову, дальнейшее, по-видимому, перестает его интересовать. Пусть мяч забирает кто угодно: он сделал свое дело—и счастлив.

Говорят, что в Бельгии вводится крикет; я приложу все старания, чтобы попасть на первую игру. Боюсь только, что неопытные бельгийцы будут первое время останавливать крикетные мячи головой. Убеждение, что голова—наиболее подходящий орган для игры в мяч, очевидно, у бельгийца в крови. Моя голова, рассуждает он, кругла и тверда; мяч тоже. Какая другая часть человеческого тела лучше приспособлена для того, чтобы принимать и останавливать его?

Гольф еще не вошел в моду, но теннис прочно укоренился от Санкт-Петербурга до Бордо. Немцы со свойственной им основательностью трудятся в поте лица. Университетские профессора и тучные майоры, встав рано утром, нанимают мальчишек и

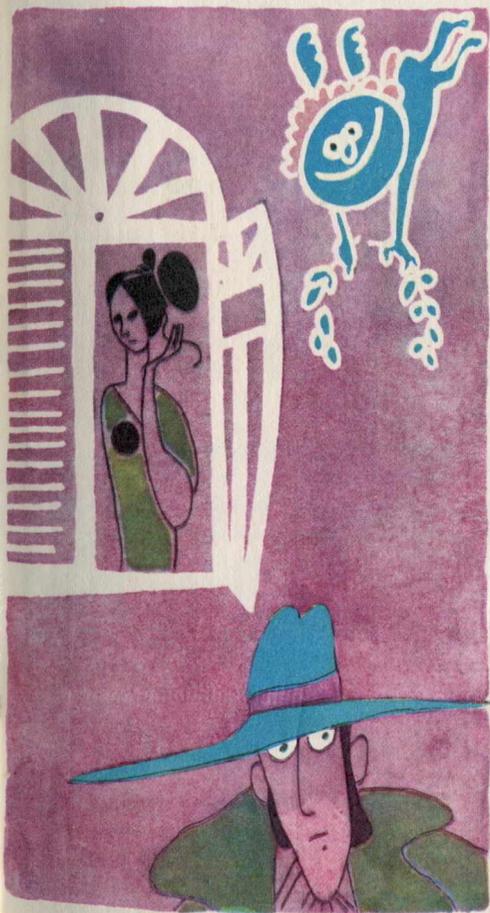
отрабатывают удары слева и с лёта. Но для французов теннис — пока еще только игра. Им свойственна веселая, непринужденная манера игры, которая так шокирует англичан.

Поддачи французского партнера немало удивляют вас. Случайный перелет за линию на какой-нибудь ярд бывает у всякого игрока, но этот человек, по-видимому, поставил перед собой цель перебить все окна. Вы уже готовы протестовать, но в этот момент веселый смех и бурные аплодисменты зрителей объясняют ваше заблуждение. Он вовсе не стремился подать мяч; он стремился попасть в человека на соседнем корте, который

отошел в сторону, чтобы завязать шнурок. В конце концов, это ему удалось. Он попал этому человеку в поясницу и сбил его с ног. Присутствующие знатоки приходят к единодушному заключению, что более точный удар попросту невозможен. Сам Догерти никогда не был вознагражден более шумными аплодисментами. Доволен даже тот человек, которого сбили с ног; из этого видно, на что способен француз, когда он всерьез берется за игру.

Но честь француза требует удовлетворения. Он забывает о шнурке, он забывает об игре. Он собирает все мячи, какие только удастся найти: свой мяч, ваш мяч, любой мяч, который оказывается под рукой. И тогда он начинает ответный матч. В этот момент лучше всего залоптзи за сетку. Большинство игроков именно так и поступают; более робкие направляются в помещение клуба, где заказывают себе кофе и закуривают сигареты. Через некоторое время оба игрока чувствуют себя удовлетворенными. Тогда остальные собираются вокруг них и требуют обратно свои мячи. Это сама по себе неплохая игра. Каждый стремится захватить возможно больше своих и чужих мячей — предпочтительно чужих — и начинает бегать с ними по корту, преследуемый улюлюкающими владельцами.

Примерно через полчаса, когда все смертельно устанут, игра — первоначальная игра — возобновляется. Вы интересуетесь, какой счет; ваш партнер быстро отвечает, что счет «сорок — пятнадцать». Оба ваши противника бросаются к сетке, где, по-видимому, сейчас начнется драка. Но происходит лишь дружеская переправка; они сильно сомневаются, чтобы счет был «сорок — пятнадцать». «Пятнадцать — сорок» — вот это вполне возможно; такой счет они и предлагают принять в качестве компромисса. Прения заканчиваются соглашением, что счет «ровно». Так как дело редко обходится без подобного инцидента где-нибудь посереде-

не игры, счет обычно бывает «ровно». Таким образом, обе стороны удовлетворены; никто не выигрывает партию, и никто не проигрывает. Одной игры вполне хватает на целый день.

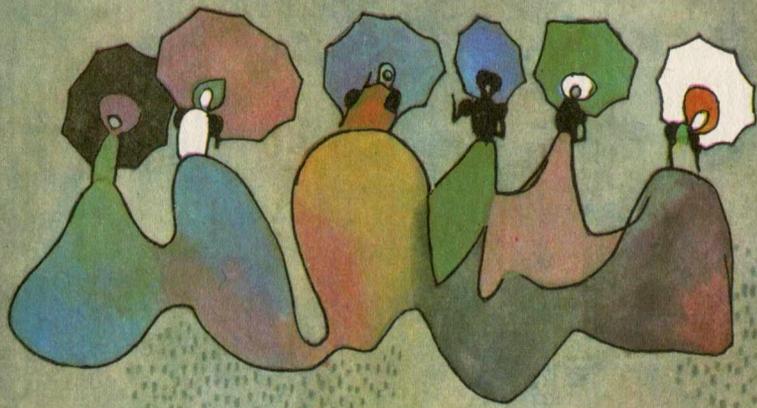
Кроме того, серьезный игрок неизбежно теряется, по временам неожиданно лишаясь партнера: обернувшись, вы видите, что он беседует с каким-то посторонним человеком. Никто, кроме вас самих, и не подумает возражать против его отсутствия. Противники относятся к этому лишь как к удобному случаю выиграть очко. Спустя пять минут он возобновляет игру. С ним приходит его друг, а также собака друга. Появление собаки игроки встречают с восторгом; все мячи летят в собаку. Пока собака не устанет, у вас нет ни малейшей надежды сыграть. Но все это, несомненно, в скором времени переменится. Во Франции и Бельгии есть несколько прекрасных игроков, от которых соотечественники постепенно переймут более высокий класс. В теннисе французы переживают еще период младенчества. Усвоив правильную точку зрения на эту игру, они вместе с тем научатся посылать мячи не так высоко.

По-моему, всему виной континентальное небо. Оно такое голубое, такое прекрасное, что, естественно, оно притягивает к себе. Как бы то ни было, остается фактом, что всякий игрок, будь то англичанин или иностранец, на континенте стремится запустить мяч прямо в небо. В мое время среди членов английского клуба в Швейцарии был один молодой англичанин, действительно прекрасный игрок. Он не пропускал почти ни одного мяча. Его слабым местом был ответный удар: мяч всякий раз взлетал в воздух примерно футов на сто и опускался на площадку противника. Противник в таких случаях обычно стоял, следя за мячом, этой крошечной точкой в небе, которая все увеличивалась по мере приближения к земле. Люди, пришедшие позднее, пытались заговорить с ним, полагая, что он следит за

полетом воздушного шара или орла. Он отмахивался, объясняя, что побеседует с ними позднее, после прибытия мяча. Мяч с глухим стуком падал у его ног, опять взлетал ярдов на двадцать и снова опускался. Когда мяч оказывался на нужной высоте, игрок посылал его через сетку, а еще через мгновение он снова взлетал в небо. На соревнованиях я видел, как этот молодой человек со слезами на глазах умолял дать ему судью. Все судьи разбежались. Они прятались за деревьями, добывали себе цилиндры и зонтики, чтобы походить на зрителей, прибежали к любым, пусть самым низким, уловкам, лишь бы избавиться от обязанности судить матч этого молодого человека. Если только его противник не засыпал или у него не начинались судороги, игра могла продолжаться целый день. Принимать его мячи мог всякий; но, как я уже сказал, сам он не пропускал почти ни одного мяча. Он неизменно выигрывал; примерно через час его противник терял терпение и старался проиграть. Для него это была единственная возможность пообедать.

Вообще говоря, на теннисный корт за границей приятно смотреть. Женщины здесь уделяют больше внимания своим костюмам, чем наши теннисистки. Мужчины обычно одеты в белоснежную спортивную форму. Как правило, корт расположен в самых красивых местах, а здание клуба весьма живописно; здесь всегда царит смех и веселье. Возможно, класс игры не так уж высок, но самое зрелище восхитительно. Недавно я отправился с одним знакомым в его клуб в предместье Брюсселя. Территория с одной стороны была ограничена лесом, а с трех остальных сторон — *petits fermes* — так называют небольшие наделы, которые обрабатывают сами крестьяне.

Был чудесный весенний день. Все корты были заняты. Рыжая земля и зеленая трава создавали фон, на котором женщины в своих новых парижских туалетах, с яркими зонтиками

выделялись, подобно прекрасным живым букетам. Вся атмосфера, казалось, была соткана из беспечного веселья, флирта и легкой чувственности. Современный Вагто с жадностью ухватился бы за такой сюжет.

По соседству, отделенная почти невидимой проволочной оградой, работала группа крестьян. Пожилая женщина и молодая девушка, обвязав плечи веревкой, тащили борону, которую направлял высохший старик, похожий на старое чучело. На мгновение они остановились у проволочной ограды и стали смотреть сквозь нее. Получился необычайно сильный контраст: два мира, разделенные этой проволочной оградой — такой тонкой, почти невидимой. Девушка утерла рукой пот с лица; женщина заправила седые пряди, выбившиеся из-под платка; старик с некоторым трудом выпрямился. Так они простояли примерно с минуту, со спокойными, бесстрастными лицами, глядя через эту непрочную ограду, которая рухнула бы от одного толчка их огрубевших от работы рук.

Хотел бы я знать, шевелились ли в их мозгу какие-нибудь мысли? Эта девушка — красивая, несмотря на уродливую одежду. Женщина — у нее было удивительно хорошее лицо: ясные, спокойные глаза, глубоко сидящие под широким квадратным лбом. Старое высохшее чучело — всю свою жизнь он сеял весной семена тех плодов, что достанутся другим.

Старик снова склонился над веревками и подал знак. Группа двинулась вверх по склону холма. Кажется, Анатолу Франсу принадлежат слова: «Общество держится на долготерпении бедняков».

*Перевел с английского
В. Хинкис*

ШАХМАТИСТ

Это произошло зимней ночью. Было уже далеко за полночь. Вечеринка заканчивалась. Остатки еды на столе свидетельствовали о том, что гости достаточно насытились. Зеленые столы были исписаны мелом и завалены картами, из которых выглядывали тузы и короли, как будто дразнившие: «Вот теперь-то мы тут как тут!» Как хорошо было бы снова засесть за винт или преферанс! Однако все стеснялись это сделать: больно уж поздно. Сидели поэтому без дела, курили, пили черный кофе и сплетничали. Беседа явно подходила к концу, как вдруг кто-то заговорил о шахматах, его поддержали другие, желая втянуть в разговор одного страстного шахматиста, Рубинштейна.

Рубинштейн был заядлым шахматистом. Для того чтобы сыграть в шахматы, он готов был пройти пешком десяток верст, готов был не есть, не пить, ночи не спать, — словом, был азартным шахматным игроком. Об его увлечении рассказывали анекдоты:

1) будто он сам с собой играет в шахматы;

2) будто он три раза разводился с женой из-за шахмат;

3) будто он однажды пропал где-то года три, и все из-за шахмат.

Одним словом, где Рубинштейн — там шахматы, а где шахматы — там Рубинштейн. И Рубинштейн любит поговорить о шахматах точно так же, как пьяница любит поговорить о стаканчике вина... Первое, что бросается

в глаза, когда помотришь на Рубинштейна, это его невероятно большой лоб. Огромный, широкий, круглый, вернее выпуклый, лоб. Глаза тоже странно большие, круглые, черные, но холодные. Сам он сухой, худой, но голос как колокол — настоящий бас. Там, где Рубинштейн, вы слышите одного только Рубинштейна, никого больше.

Услыхав, что речь идет о шахматах, Рубинштейн наморщил лоб, презрительно покосился на свой стакан кофе и, обращая ни к кому и в то же время ко всем, загремел своим голосом, напоминая звук церковного колокола:

— Мои дамы и господа! Если вы хотите услышать интересную историю о шахматисте, присаживайтесь вот сюда, и я расскажу вам старинную быль.

— Историю о шахматисте? Старинную быль? — спохватилась хозяйка, боявшаяся, что гости начнут расходиться. — Прелестно! Скажи, муженек, Феличке, чтобы она закрыла пианино, а сам, будь добр, запри дверь и подай два-три стула. Садитесь, прошу вас, господин Рубинштейн расскажет нам старинную быль, историю о шахматисте.

Рубинштейн осмотрел со всех сторон только что зажженную сигару, преподнесенную ему хозяйном, как будто желая определить ее стоимость, скривился и еще больше наморщил лоб, как бы намереваясь сказать: «Гм... по виду будто сигара, а по вкусу — веник». Затем он приступил к рассказу:

— Мои дамы и господа, о том, что я отчаянный шахматист и что все члены нашей семьи от рождения шахматисты, я не стану вам рассказывать. Об этом вы и сами знаете. Фамилия Рубинштейн известна всему свету, и, наоборот, хотелось бы увидеть хоть одного Рубинштейна, который не был бы шахматистом.

— А вот я знаком с одним Рубинштейном, страховым агентом. Он каждую неделю является ко мне и, кроме

страхования жизни, ничего не знает! — заявил один из гостей, молодой человек с удлинённой головой, в золотых очках, который считал себя умным и любил острить.

Рубинштейн, однако, и глазом не моргнул. Он смерил молодого человека холодным взглядом и возразил своим басом:

— Вероятно, он не из наших Рубинштейнов. Настоящий Рубинштейн — это шахматист. Это так же естественно, как и то, что именно дурак любит острить... Настоящим Рубинштейном был мой дедушка Рувим Рубинштейн, потому что он был настоящий шахматист. Когда он играл в шахматы, то весь свет мог в это время перевернуться, и он не заметил бы этого. Отовсюду приезжали, чтобы сыграть с ним в шахматы, приезжали помещики, графы. А был он всего-навсего часовщик, бедный ремесленник, искусный в своей профессии. Но так как главным для него были шахматы, то и доходы его были ничтожны — еле-еле зарабатывал на хлеб насущный.

И вот однажды, мои дамы и господа, подъезжает к домику моего деда роскошный тарантас с четверкой запряженных цугом великолепных лошадей. Из тарантаса вышел барин, вельможа, вся грудь в орденах и медалях, и при нем два лакея — большое начальство! «Где это здесь еврей Рувим Рубинштейн?» — кричит он. Сначала мой дед, да простит он меня, как бы немного испугался, но потом овладел собой и смело заявил: «Это я еврей Рувим Рубинштейн, чем могу служить?» Вельможе его ответ понравился, и он сказал деду: «Если это ты еврей Рувим Рубинштейн, так я очень рад. Прикажи, — говорит он, — поставить самовар, подай доску, и мы с тобой сыграем в шахматы. Я слышал, — говорит, — что ты хорошо играешь в шахматы и будто никто еще у тебя не выиграл ни одной партии». Сказал так вельможа (был он, по видимому, любитель шахмат) и уселся играть с моим дедом — одну партию за

другой, одну за другой. Тем временем поспел самовар, подали чай, как водится, на подносе, с вареньем и всякими печеньями,— об этом уж позаботилась бабушка, хотя в кошельке у ней не было ни гроша. А на улице вокруг тарантаса собрался весь город: шутка сказать— у Рувима-часовщика такой вельможа! По городу пошли, конечно, всякие слухи. Кто говорил, что это начальство из губернии приехало с ревизией, с обыском по поводу фальшивых денег... Кто говорил, что тут не без доноса... Никто, конечно, не посмел зайти в дом и посмотреть, как начальство играет с дедом в шахматы. Да и кому могла прийти в голову такая мысль?

Ну, так что же сказать вам, мои дамы и господа? Хотя вельможа неплохо играл, можно сказать довольно хорошо играл, он все же получал от деда мат за матом и чем больше проигрывал, тем больше горячился, а чем больше горячился, тем больше проигрывал. А дедушка хоть бы разок смутился—ничего! Как будто он играет с обыкновенным шахматистом... И что бы вы думали? Конечно, барину стало не по себе. Никто ведь не любит проигрывать!.. Однако он ничего сказать не может, да и что скажешь, если дед так хорошо играет! Вы должны, однако, знать, мои дамы и господа, что настоящего шахматиста сама игра интересует куда больше, чем выигрыш или проигрыш. Для настоящего шахматиста не существует партнера, а существует только сама игра, не знаю, поймете ли вы это.

— Плавать мы не умеем, но понимаем, как надо плавать,— вставил свое слово молодой любитель поострить.

А Рубинштейн, этот горячий шахматист, пронзил его своими холодными глазами:

— Да, видно, что вы понимаете, как надо плавать...

Он затянулся сигарой и продолжал:

— А так как все на свете имеет свой конец, мои дамы и господа, то и игра их пришла к концу. Вельможа

поднялся, застегнулся на все пуговицы, подал деду два пальца и сказал:

— Послушай, Рувим Рубинштейн, ты меня победил, и я должен признаться, что ты лучший шахматист не только в моей губернии, но и во всей стране, а может быть, и во всем мире, и я считаю себя счастливым, что имел честь и удовольствие играть с таким шахматистом. Будь уверен, с этого дня твое имя станет известно больше, чем до сих пор. Я расскажу министрам. Я доложу при дворе...

Услыхав такие слова: «министры», «доложу при дворе»,— дед обратился к вельможе:

— Кто же вы такой, господин мой?

Барин рассмеялся, гордо выпятил грудь в орденах и объявил деду:

— Я губернатор...

На сей раз уже деду стало не по себе. Если бы он знал, кто с ним играет, он бы иначе сыграл... но теперь уже ничего не поделаешь, все пропало! Между тем губернатор любезно попрощался, вышел, уселся в тарантас и укатил.

Понятно, что тогда весь город пришел к деду.

— Кто это был?

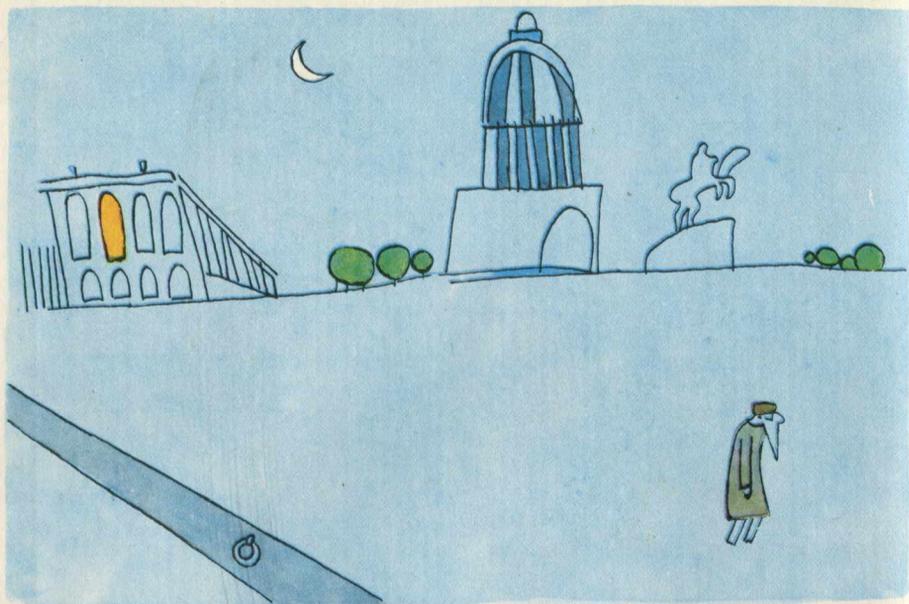
И все изумились, когда узнали, что это был губернатор.

— Зачем приезжал губернатор?

Когда же дед сказал, что губернатор приезжал только сыграть с ним в шахматы, все, разочарованные, разошлись. Поговорили об этом случае, поговорили и забыли. Забыл и дедушка. Голова у него уже была занята новой шахматной идеей, да и о зарботке надо было думать. Ведь каждый человек мучается, трудится ради куска хлеба.

И вот наступил день, мои дамы и господа, не могу сказать, сколько прошло времени, знаю только, что было это ранней весной, накануне пасхи. А к пасхе в доме у деда не было даже кусочка мацы. Детей, слава богу, много, кому нужна рубашонка, кому ботиночки— беда да и только! Сидит он, бедняга, со стеклышком

в глазу, согбенный над часовым механизмом, чистит его и чинит, раздумывая, как добыть денег. Вдруг открывается дверь, входят два жандарма и прямо к деду:

— Пожалуйста!

У деда мелькает мысль (были у него странные мысли): «Не от губернатора ли это? Чего только на свете не бывает? Не желает ли тот отблагодарить, осчастливить? Разве не бывали такие случаи, когда по прихоти барин осыпал золотом какого-нибудь еврея...» Ничего подобного, однако, мои дамы и господа, не случилось. Просто деда моего попросили прогуляться пешочком... А ну, угадайте куда? До самого Петербурга! Зачем — этого жандармы и сами не знали. Получена, говорят они, бумага из Петербурга, а в этой бумаге написано: «Немедленно доставить еврея Рувима Рубинштейна в Санкт-Петербург». Это значит, чтобы сию минуту доставить еврея Рувима Рубинштейна в Петербург!.. Какая-то причина здесь должна быть!

— Признайся, хозяин, что за штучку такую ты выкинул?

Дед, конечно, клянется, что ничего не знает, за всю свою жизнь, говорит, и мухи не обидел. Весь город, говорит, поручится за него!.. Никто его, конечно, и не слушает, приказывают отправиться этапным порядком, ибо поскольку сказано «доставить», то иначе и быть не может, как только по этапу, закованным в цепи. И к тому же «немедленно!» Это значит — чем скорее, тем лучше.

И, не долго думая, мои дамы и господа, взяли деда, заковали в железные руки и ноги и вместе с ворами повели этапным порядком. А что означало в те времена идти этапом, об этом незачем вам рассказывать. Кому не известно, что слабый человек не выдерживал этого этапного пути и погибал! Железных дорог ведь тогда не было, шоссейных тоже не было — ну и гибли люди как мухи. Больше половины умирало в пути, а остальные приходили калеками. К счастью, у деда была такая комплекция, как и у меня, — худой, костлявый, но крепкий еврей. К тому же он был человек мыслящий, философски настроенный. «Человек умирает только один раз, а

не два,—говорил он,—и если ему суждено пожить еще на белом свете, то никто у него этой жизни не отнимет...» Почему он так думал о жизни и смерти? Ведь сразу было видно, что речь идет о кнутах, о Сибири, а может, о еще худшем... Он не только навсегда распрощался с женой, детьми и со всем городом—он хотел даже предсмертную молитву свершить перед уходом... Его, однако, утешали, все жители города собрались проводить его (настоящие похоронные проводы!), а слез сколько было пролито!

Для того чтобы рассказать вам, мои дамы и господа, обо всем, что мой дед пережил за эту дорогу, потребовалась бы не одна, а целых три ночи, так ведь жаль потратить столько времени—лучше использовать это время на игру в шахматы... Короче, могу сказать, что этот самый этапный путь растянулся на все лето, а весны до осени. На каждом пункте, где арестованные останавливались, их задерживали на неделю, иногда на две, а порой и больше—до тех пор, пока не пригоняли новую партию, а потом вели дальше. И даже когда после долгих бед, мучений и издевательств они добрались наконец в этот счастливый Санкт-Петербург, то вы, верно, думаете, что этим все кончилось? Ошибаетесь! Здесь-то и заперли деда в «каменный мешок»—эдакая темная каморка, в которой нельзя ни сидеть, ни лежать, ни ходить...

— Там, должно быть, удобно играть в шахматы?—вставил молодой остряк.

— И произносить глупые остроты!—прибавил Рубинштейн и продолжал свой рассказ:—Здесь, в этом каменном мешке, дед уже настоящему распрощался с жизнью, прочитал предсмертную молитву, воочию видя перед собою ангела смерти и чувствуя, как иссякают у него последние силы еще до того, как поведут его на суд. По правде сказать, он молил господа бога послать ему смерть. Только одну надежду возлагал он еще—на свой город. Он был

уверен, что сограждане не оставят его в беде. Найдутся ходатаи, богатые евреи, которые начнут хлопотать, искать протекций, если надо будет когонибудь «подмазать», то и «подмажут», чтобы вызволить невинного еврея из несчастья, чтобы снять с него навет... И дед не ошибся, мои дамы и господа. С самого первого дня, как его забрали, в течение всего лета весь город только этим и жил. Ходили к адвокатам, искали протекций, «подмазывали», буквально сыпали деньгами: ничего, однако, не помогло. Деньги брали, но никаких обещаний не давали, объясняя лишь, почему это невозможно. Взять, например, вора или другого преступника—такого очень легко можно за деньги освободить. Почему? Потому что известно: он вор, укравший пару лошадок, либо преступник, который поджег дом. Но такой человек, как Рубинштейн, который не украл, не поджег,—кто же его знает, что он за преступник? Не политический ли?.. А в те годы политический—это было куда хуже, чем преступник, который вырезал население целой губернии!.. Хлопотать о политическом—это было уже опасно!.. Даже слово «политический» нельзя было вслух произнести, а только втихомолку... Хотя, с другой стороны, какое отношение мог иметь часовщик Рувим Рубинштейн к политическим? Впрочем, чего только не бывает—еврей, любитель поспорить, философ!..

Однако, мои дамы и господа, как уже сказано, все в этом мире имеет свой конец. Наступил день, когда дверь застенка открылась и два вооруженных жандарма вошли, взяли еле живого деда, посадили в карету и покатали. Куда? Об этом он уже не спрашивал. На суд? Пускай суд. На эшафот? Пускай эшафот. Лишь бы конец!.. И он себе представляет суд, как его ставят перед сенатом и говорят ему: «Рувим Рубинштейн! Признайся». А он отвечает сенату: «Я признаюсь, что я еврей, бедный часовщик, живу только трудом рук моих, никогда ничего не крал, никого не

обманул и не обидел, и, бог—мой свидетель, если вы хотите мучить меня, так мучьте, но прежде всего лишите меня жизни—она в ваших руках!..» Вот таким образом дед мысленно объясняется с сенатом, а карета тем временем подъезжает к какому-то каменному дому, деду приказывают выйти—и он выходит. Его вводят в одну комнату, затем в другую и приказывают раздеться—совсем раздеться, до рубахи! А он не понимает, что бы это могло значить. Однако если жандармы приказывают раздеться, то, как вы говорите, нельзя быть нахалом... Затем, прошу прощения, мои дамы и господа, ему приказывают снять и рубаху—тогда он и рубаху снимает. И тогда вводят его в баню, а баня—так это уже настоящая баня! Там его моют, трут, обливают, одевают и снова везут куда-то. И едут, едут и едут... А он думает: «Господи, что это со мной будет?» И старается вспомнить все, что он когда-то читал об Испании и Португалии, и не может вспомнить такого случая, чтобы преступника когда-нибудь перед эшафотом водили в баню. И пока он так думает, мои дамы и господа, карета подъезжает ко дворцу, обнесенному железными штакетами с золотыми наконечниками, а на каждом наконечнике красуется орел. Его пропускают мимо генералов в золотых эполетах и орденах и говорят, чтобы он не пугался, когда его поставят перед царем, чтобы смотрел прямо, не говорил лишних слов, ни на что не жаловался и только отвечал бы на «да»—«да», на «нет»—«нет». И не успел он еще понять, где находится, как его ввели в зал с прекрасными картинами и золотыми креслами, а прямо перед ним стоял высокий мужчина с бакенбардами... Мужчина с бакенбардами (это был царь Николай Первый) пронзил своим взором деда. И вот какой разговор произошел между ними:

Царь: Как тебя зовут?

Дед Рубинштейн: Рувим Шолимов Рубинштейн.

Царь: Сколько лет тебе?

Дед Рубинштейн: Пятьдесят семь.

Царь: Где ты научился играть в шахматы?

Дед Рубинштейн: У нас это передается по наследству.

Царь: Говорят, что ты первый шахматист в моей стране?

На это дед Рубинштейн хотел ему ответить: «Лучше бы мне не быть первым шахматистом в твоей стране...» Тогда царь, несомненно, спросил бы его: «В чем дело?» А дед выложил бы ему свою жалобу, что нельзя так обходиться со знаменитым шахматистом, которого хочет видеть сам царь. Дед Рубинштейн сумел бы ответить! Но тут царь махнул рукой, генералы бросились к нему, а жандармы вывели деда во двор, а во дворе уже отпустили на свободу, но только приказали, чтобы он сию же минуту уезжал домой, потому что здесь ему жить запрещается... О том, как он добрался до дому, об этом не спрашивайте. Хорошо еще, что остался жив. Домой он вернулся поздней осенью, мои дамы и господа! Я кончил.

*Перевел с еврейского
А. Нусинов*

БОРИС ЕГОРОВ, БОРИС ПРИВАЛОВ

ВЛАДИМИР КАШАЕВ

ВАДИМ ЛЕЙБОВСКИЙ

АЛЕКСЕЙ ХОДАНОВ

ВЛАДИМИР ПОРТУГАЛОВ
ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН, ЗИНОВИЙ ПАПЕРНЫЙ

ВЛАДИМИР ВОЛИН

НИКОЛАЙ ЕЛИН

СЕРГЕЙ ДИК

МАРК ВИЛЕНСКИЙ

АПОСТОЛ КАРАМАНОВ

ВЛАДИМИР ДВОРЦОВ

ГЕРБЕРТ КЕМОКЛИДЗЕ

ЯКОВ ЗИСКИНД

ГЕННАДИЙ СЕМАР

ТАТЬЯНА ШАБАШОВА

ЮРИЙ ПРОКОПЕНКО, ИЛЬЯ МИЛАНИН

ЖОЗЕФ МОНЛУИ, ВЛАДИМИР СВИРИДОВ

ЮРИЙ ЗОЛОТАРЕВ

СЕМЕН КОМИССАРЕНКО

МИХАИЛ КАЗОВСКИЙ

ВЛАДИМИР ПАНКОВ

ЛЕВ КОРСУНСКИЙ

САВЕЛИЙ ЦЫПИН

ФРИДРИХ МАЛКИН, ПАУПИКО

ВЛАДИМИР СЛУЦКИЙ, ЛАСЛО ТАБИ

НАУМ ЛАБКОВСКИЙ, БОРИС РЯБИКИН

ВЛАДИМИР ПРУТЦКОВ

Можем исправиться.
 Давайте решим так:
 со следующей субботы

- в поход. Ведь как это
 здорово! Идешь лесом, соловьи поют. На привале -
 картошка в мундире.

Матвей

Глеб Кваснецкий

Нолья

Вадим Сироб

ИРА

Лето было в разгаре.

Москвичи уже давно отrekliсь от супов и перешли на окрошку.

Мимо очередей, стоявших за квасом, проезжали колонны автобусов с флажками, звучали горны: пионеры ехали в лагерь.

К платформам московских вокзалов подходили пригородные электрички, пахнувшие жасмином.

Рядом с нами останавливались раскаленные вагоны дальних поездов. Пассажиры осовело глядели в запыленные окна и вытирали платками мокрые лбы.

В общем, было лето как лето, со всеми своими приметам. Может быть, несколько жарче обычного. И потому по субботам горожане вели особенно горячие дискуссии, куда поехать на воскресенье.

Одна из таких дискуссий проходила на веранде химкинского ресторана.

За столиком сидели пять человек: трое мужчин—двое очень полных и один очень худой—и две женщины.

Полные мужчины—Вадим Сизов и Глеб Кваснецкий—работали плановиками-экономистами. Женщины—Юлия и Кира—были их женами. Пятым собеседником являлся Матвей Лысюк—продавец магазина случайных вещей, холостяк и ярый курильщик.

За барьером веранды плескалось водохранилище. Над волнами летали чайки. У Речного вокзала нетерпеливо гудели паровозы.

Сизов и Кваснецкий вяло жевали шашлык. Дамы пробавлялись мороженым. Лысюк курил и сквозь папиросный дым наблюдал за суетой, царившей на пристани.

Там, внизу, стояли толпы людей в спортивных костюмах, с рюкзаками. Откуда-то доносилось лихое и задорное: «До свиданья, мама, не горюй...»

— А мы живем...—раздумчиво произнес Лысюк.—Неправильно мы живем! Вот с кого надо брать пример. Туристы! Энтузиасты! А тут каждый день стоишь за прилавком, глотаешь пыль... приходит воскресенье и опять глотаешь...

Лысюк выпил рюмку коньяку и снова окутался дымом.

— А ведь он прав!—взмахнул вилкой Сизов.—Я считаю, что образ жизни надо менять.

— Пока не поздно,—добавила Юлия.— А то будет как у Свидригайло.

— А что у Свидригайло?— встревоженно спросила Кира.

— Инфаркт.

— Или как у Мелконянца.

— А что у Мелконянца?

— Инсульт.

— Или как у Зусмановича.

— А что у Зусмановича?

— И то и другое.

Наступило тягостное молчание.

— Ничего, время впереди еще есть,— обнадеживающе заметил Кваснецкий.— Можем исправиться. Давайте решим так: со следующей субботы—в поход. Как это здорово! Идешь летом, соловьи поют. На привале—картошка в мундире.

— Да-да!—горячо поддержал Сизов, отложив вилку в сторону.—Спишь в палатке, на земле. Пьешь воду из родника, купаешься в дикой речушке. А потом возвращаешься домой. Сил—на целую неделю.

— Эх, сколько мы теряем!—отчаянно воскликнул Кваснецкий. Официантка поняла его по своему и начала выписывать счет.—А все отчего? Инертны мы! Ленивы и нелюбопытны! У нас Криванчиков такой есть—десять лет в походы ходит. Врачи не узнают. Одно время умирал человек, завещание даже составил, а теперь просто гвардеец! Похудел, статным стал, румяным. Пятьдесят пять лет—и вот женился!

— А мы живем...—завистливо заметил Лысюк.

— Не вздыхать надо, а действовать!—воодушевленно сказал Кваснецкий.—Быка—за рога! Начать со списка, что с собой берем, какие продукты.

— Ты поосторожней насчет продуктов, не особенно это подчеркивай.—перебил Сизов.—Тебе тоже худеть надо, поменьше есть и спортом заниматься. Ты знаешь, что такое туризм? Это комбинация всех видов спорта. Тут и ходьба, и бег, и лазанье, и плавание, и гребля, и...

— Ладно, ладно, не уговаривай меня. И хождение по азимуту—все знаю. Как-никак солдат в прошлом. У меня еще и старый комлас есть. Вот пойдем и увидим, кто будет впереди.

Кваснецкий гордо выгнул грудь.

— Наши мужчины—молодцы!—хором воскликнули Юлия и Кира.

— Надеюсь, они нас возьмут с собой,—добавила Кира.—Завтра же еду покупать рюкзак. Один мужчина из соседней квартиры всегда с женой ходит. И теперь даже говорит: «Она так изменилась, похорошела, что я ее за другую принимаю».

Ободренные поддержкой женщин, Сизов и Кваснецкий еще яростнее продолжали обсуждать проблему туризма. Причем, когда Кваснецкий рассказывал, как однажды во время войны ему пришлось идти через глухой лес по азимуту, лицо его приняло выражение крайнего умиления. Казалось, что он вот-вот расплачется, так это было хорошо и здорово—идти по азимуту.

— Ну, а ты что молчишь, Матвей?—спросил Сизов.

— Я человек дела,—сказал Лысюк скромным тоном героя, совершившего подвиг.—Куда идти? Где собираться?

— Суббота. Шесть вечера. Здесь, у пристани,—телеграфно кратко ответил Кваснецкий.—Сначала плывем, затем высаживаемся, дальше пешком. Маршрут разрабатываю я.

— Может, еще созвонимся? Уточним?—предложил Сизов.

— Никаких звонков. Это только дезорганизует.

Неделя прошла в сборах.

Сизов купил рюкзак и тапочки-кеды. Юлия запаслась спортивным костюмом и путеводителем по Подмосковию...

Холодильник был набит консервами.

На письменном столе рядом с полевым биноклем, взятым напрокат у соседа, лежал пакет походной аптечки.

— Вот эта аптечка в первую очередь пригодится, кажется, мне...—многозначительно сказал Сизов своей жене утром в субботу.

— А что с тобой, Вадик?—встревожилась Юлия.

— Сбоку что-то болит. Может, межреберная невралгия... А может, к погоде... Кстати, а прогноза на ближайшие дни ты не слыхала?

— По телефону справлялась. В общем, нам не везет—переменно дожди и грозы.

— Да-а,—протянул Сизов.—Шлепать по грязи—не самая большая радость. По азимуту, пожалуй, не пойдешь. Это только для Кваснецкого удовольствие.

— Ты что, раздумал?

— Нет. Ну, пока!

Разговор был продолжен, когда Сизов вернулся с работы.

— Как у тебя эта самая... межреберная? Болит?—спросила Юлия.

— Не говори! А сегодня, как узнал, что в понедельник с утра комиссия в отделе будет работать, еще больше разболелось.

— А я туфли походные начала разносить. И знаешь, жмут!

— Жмут?— обрадовался Сизов.— Все одно к одному...

— В общем-то, я могла бы пойти. Но если ты не хочешь... Смотри. Решай.

Когда Юлия сказала «решай», у Сизова было такое ощущение, какое испытывает человек, впервые забравшийся на парашютную вышку. Подниматься на вышку не страшно, даже героем себя чувствуешь: нам, мол, что. Но вот человек уже на верхней площадке и надо прыгать. При одном взгляде на землю с высоты колени начинают вибрировать.

Вместо ответа Сизов спросил:

— Юля, а что будет по телевизору?

— «Мечты на дорогах».

— О-о! Черт возьми, я давно хотел посмотреть этот фильм! Ради него готов жертвовать всем.

Столь пылкой любви к итальянской кинематографии Вадим раньше почему-то не проявлял.

— В общем, дело ясное,— заключила жена.— Лежи на диване и читай путеводитель. Помнишь, как ты красиво декламировал: «Спишь в палатке, на земле, пьешь воду из родника, купаешься в дикой речушке...» Ха!

— А ты не смейся. Не сейчас—так в другой раз пойдем.

— Но надо же предупредить Лысюка и Кваснецких.

— У них телефона нет. Поедем прямо в Химки—проводим их. Иначе будет не по-товарищески. А о себе скажем... ну... обстоятельства не позволили.

...На пристани знакомых не было. Зашли в ресторан и увидели Лысюка.

— Понимаю,— сказал Сизов,— заправиться решил перед дорогой. Мы тоже можем присоединиться.

Потом присоединились опаздавшие Кваснецкие.

— Знаете, обстоятельства сложились так, что мы пришли вас только проводить,— заявила Кира.

— И я тоже... проводить... обстоятельства...— пробормотал Лысюк, потупя взор.

Он выпустил плотное облако дыма.

— Если так, то мы одни не пойдем. Какой интерес?— разочарованно заключил Сизов.— Только не понимаю, почему у Кваснецкого на руке компас...

Кваснецкий растерянно покраснел и стал снимать с руки прибор, столь необходимый для хождения по азимуту и ориентировки.

— Это я того... когда собирался сегодня, надел, а потом забыл оставить дома.

Компас лежал на столе. Стрелки его плавно дрожали и, наконец, остановились в направлении буфетной стойки.

С пристани доносился шум голосов. Потом загудел пароход.

— Поехали люди на лоно природы,— ни к кому не обращаясь, сказал Сизов.

И в ответ прозвучало мечтательно-грустное:

— А мы живем...

Он был красивым парнем, но, как известно, одних внешних данных для того, чтобы блистать на сцене, не всегда достаточно. В бытность свою актером я вместе с Колей играл в драмтеатре города Н. Затем потерял Колю из виду и встретил лишь через год. Он был уже в другой труппе и подумывал о переходе в третью. А еще через год столкнулся я с Колей и не узнал его. Где былая бодрость? Где безукоризненная прическа, чарующий блеск очей? Уверенность героя-любownika?

— Никто не хочет брать на работу, — уныло сознался он. — Интриги. Говорят — данных нет, нужно менять профессию. А как же менять, когда я семь лет без отрыва от сцены существую?

Тут же выяснилось, что ему предлагают очень хорошую работу, правда к театру никакого отношения не имеющую.

— Нет, друг мой, лучше умереть, — эффектно проговорил Коля. — Искусству я не изменю...

Потом вздохнул и добавил уже обычным тоном, что он в крайнем случае согласен и на режиссерскую работу, и на педагогическую.

— Я, если на то пошло, могу систему Станиславского преподавать, — сказал Коля вдохновенно. — Я в училище был по системе круглым отличником. Теория — моя стихия!

Так мы и расстались.

Следующая встреча произошла снова через год. Коля был одет по последней спортивной моде — весь на «молниях» и выглядел преотлично.

— Где ты работаешь? — спросил я. — Кто тебе аплодирует?

— Работаю в команде «Магний», аплодируют мне все стадионы, — гордо улыбнулся Коля.

Футбольный коллектив спортобщества «Магний» не особенно блистал на спортивном небосклоне, но все-таки пользовался некоторой известностью среди знатоков футбола. Я вспомнил о том, что «Магний» неудачно начал сезон, и страшная мысль ужалила меня:

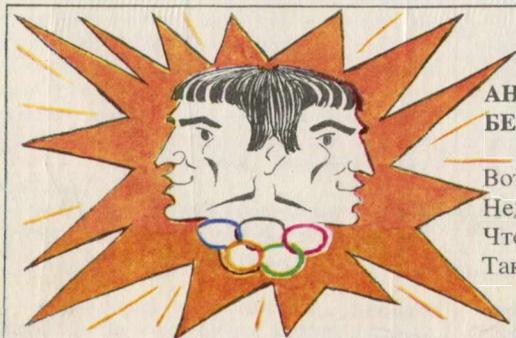
— Неужели ты, Николай, руководитель драмкружка среди футболистов?

— Почти, — подтвердил Коля. — Я преподаю им систему Станиславского.

И Коля, польщенный моим неподдельным удивлением, поведал занимательную историю.

Дела у «Магния» были плохи. Команда никак не могла выкарабкаться в верхнюю половину таблицы розыгрыша. Тренер принимал различные героические меры, переманивал игроков из других клубов, вводил жесткий тренировочный режим, списывался с друзьями, находящимися в других городах, на предмет разработки вариантов. Случайная встреча с Колей открыла тренеру новые тактические горизонты.

— У вас футболисты падают на поле, как сапожники! — сказал Коля хорошо поставленным голосом. — Разве так падает

АНАТОЛИЮ и СЕРГЕЮ
БЕЛОГЛАЗОВЫМ

Вот это молодцы так молодцы!
Недавно астроном один рассказывал,
Что в небесах созвездье Близнецы
Так названо в честь братьев

Белоглазовых.

человек, получивший травму? Вот как надо падать!—и Коля упал так естественно, с таким страданием во всей фигуре, что присутствующие ахнули.

— В то мгновение я понимал,— рассказывал мне Коля,— что я играю ва-банк. Или возьмут на хороший оклад, или опять зубы на полку. А тут все-таки работа по профессии. Я сыграл свое падение, как никогда! Это была моя лучшая роль в жизни.

Короче говоря, Коля взялся обучать футболистов «Магния» падениям по системе Станиславского.

— Вас даже не сбили, вы поскользнулись и упали сами по себе,— объяснял Коля игрокам команды.— Но вы обязаны падать так естественно, так трагически, чтобы судья вынужден был остановить игру и дать штрафной в сторону противника. У судьи нет выхода—иначе стадион его осветит: ведь все же видели, как грандиозно вы грохнулись о грунт... Итак, занятие первое, Падение простое, профилактическое. Разберем его по элементам... Круг внимания, сосредоточенность... Бедагин, вы, как центр нападения, везде должны быть первым. Начнем с вас...

...Так началась спортивно-артистическая карьера Коли.

Прошло несколько лет. «Магний» играет где-то по третьей группе. Колю, по слухам, «переманил» какой-то популярный столичный спортклуб. Но какой?

Теперь, когда я смотрю футбол, то особое внимание обращаю на падения.

Вот упал нападающий «Спартак» — эффектно, враскидку, как Ленский в сцене дуэли с Онегиным. Типичная Колина постановка! Так вот где пристроился ныне бывший актер!

Но в этот момент в районе штрафной площадки грохнулся на поле полузащитник

«Торпедо» и долго валялся по траве, выпрашивая у судьи пенальти. А когда увидел, что стоны и подергивания ног не помогли, вскочил и как ни в чем не бывало помчался за мячом...

Так мне и не удастся установить, в какой же команде сейчас работает Коля.

ЛЮДМИЛЕ КОНДРАТЬЕВОЙ

Отнюдь не в качестве насмешки
Ей пожелать одно могу:
Пусть всегда в такой же спешке
Рекорды ставит «на бегу».

БЕЗ НОМЕРА

По дороге, ведущей к пустырю, куда я направлялся с Артемоном, шли несколько мужчин. Мы поравнялись с ними и вскоре оставили далеко позади. Я и мой королевский пудель были натренированы на ежедневных прогулках. Собственно, я бы и не стал акцентировать ваше внимание на этих неизвестных мужчинах, если бы не события, которые неожиданно развернулись на пустыре...

Итак, прибыв на место, я отпустил Артемона и развернул газету...

Неожиданно передо мной вырос Хмурый Человек.

— Где номер? — пробурчал он, внимательно осматривая меня со всех сторон.

— Пожалуйста. — Я дружелюбно протянул ему свежий номер газеты.

— Я имею в виду ваш порядковый номер. Вечно у них нет никакого порядка. Ничего, мы найдем виновного!

— Товарищ стартовал без номера, — подтвердил Некто, Прибывший На Мотоцикле. — Я видел.

— Все ясно. Терещенко никуда не годится, — резюмировал Хмурый Человек. —

Развалит всю массовость. Вы из какой организации?

— Из Координационного центра треста по изготовлению притертых пробок для флаконов с мужским одеколоном.

Хмурый Человек взял у меня газету и укоризненно прошептал:

— Ваш результат и так превышает городской рекорд... Читать в такие минуты — значит выпячивать свое мужество, а его у вас и так на десятерых! Поздравляю вас!

Он с чувством пожал мне руку и сделал какую-то отметку в блокноте.

— А заявочки от Координационного центра треста по изготовлению притертых пробок для флаконов с мужским одеколоном нет, — сообщил Некто, Прибывший На Мотоцикле. — Конечно же, она утеряна по вине того же Терещенко!

— Составьте докладную руководству Спортивного общества, — в сердцах сказал Хмурый Человек. — Надо снять Терещенко с судейской работы как необеспечившего!

— Между прочим, — заметил мне Некто, Прибывший На Мотоцикле, — все судьи на дистанции отметили вашу высокую волю к победе и мощный спортивный дух.

— Позвольте! — воскликнул я. — Вы приняли меня за кого-то другого! Я просто прогуливался с Артемоном.

— Артемон — это кто? — подозрительно спросил Некто, шурша списками. — Это фамилия или имя?

— Артемон — это Артемон! Я вел его на поводке.

— Кто жого вел? — подозрительно спросил Хмурый Человек. — Если Артемон тащил представителя команды Координационного центра треста по изготовлению притертых пробок для флаконов с мужским одеколоном на буксире, то уста-

ВЛАДИМИРУ САЛЬНИКОВУ

Нам вряд ли позабыть мгновенье
это,
И впрямь был марафонским
тот маршрут:
Понадобились сотни километров,
Чтоб выплыть из пятнадцати
минут.

новленный им рекорд не засчитывается!

— То есть как?—обиделся я.— Пудель, хоть он и королевский, не мог тащить меня! Ведь я вешу около шести пудов.

— Вот он!—торжествуяще показал Некто на моего пуделя, который, закончив свои дела, торопил меня домой.— Судя по его габаритам, на нем можно ехать верхом! Налицо подтасовка!

— Внимание!—закричал кто-то из судей.— Подходят остальные участники!

Показалась группа мужчин, которых я обогнал по пути к пустырю. Они шли вразвалочку, неторопливо беседуя.

— У них тоже нет номеров,— почесал в затылке Хмурый Человек.— Похоже, что это прохожие...

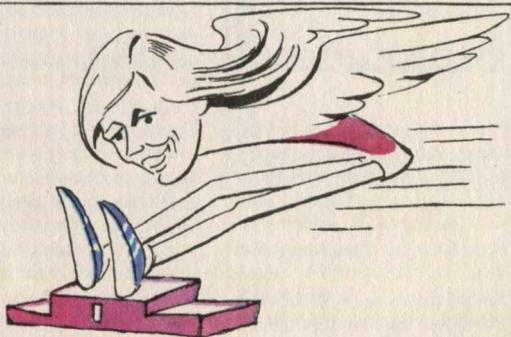
Некто, Прибывший На Мотоцикле, торопливо развернул карту и, бегло осмотрев ее, мрачно сказал:

— Все кончено, ребята... Мы выехали не на ту трассу.

ТАТЬЯНЕ КОЛПАКОВОЙ

Желаем с нового захода
Взойти на высшую ступень,
И вновь через четыре года
Отпраздновать Татьянин день.

**Советы начинающему
спортивному радио-
и телекомментатору**

Вы любите спорт? Не только футбол, но вообще все, где борьба, соперничество, страсти, драмы, взлеты, падения, травмы, ссадины, сенсации, лавры, оркестры, интервью, пьедесталы, слезы, гимны, марши, голы, очки, секунды, радио, телевидение?

Вначале было слово. А за ним последовало предупреждение.

О. СЕИН

Любовь наша к спорту благодаря голубому экрану стала более содержательной, осмысленной. Вы усаживаетесь в кресло и отдаетесь во власть азартного и страстного комментатора. Увлекательнейшая профессия! Но и

ох, какая трудная! Писатель, газетный или тем более журнальный корреспондент может извести хоть сто листов, прежде чем вымучает один маломальски стоящий абзац. Поистине «когда б вы зна-

Переманивая альпиниста в свою команду, тренер обещал ему золотые горы.

О. СЕИН

ли, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», как написала Анна Ахматова.

У спортивного же эфирного комментатора все наоборот. Его выходная продукция рождается на чистойшей воде. Иначе нельзя. Думать ему не положено — некогда.

Но возможно, вас это не отпугнет, и однажды вы проснетесь с твердым намерением посвятить себя этой профессии. И тогда...

Мы приведем здесь некоторые рекомендации, которые вам будет полезно усвоить и применять в работе с микрофоном. Применять, разумеется, с учетом вашего темперамента, культуры и в целом индивидуальности, самобытность и яркость которой в процессе вашего профессионального роста будут развиваться и обретать новые грани, а также

средства и методы выражения.

Итак, вы уже достаточно подготовлены в «общеспортивном плане». Пусть не смущает вас примененный здесь термин, сегодняшняя спортивная журналистика, постоянно обогащающая русскую лексику, допускает такое. Как и многое другое, о чем речь пойдет в дальнейшем. Поэтому автор не считает обязательным окаймлять отдельные слова и обороты кавычками.

В общем, вы уже знаете, что доброс — это в баскетболе, а добивание — в футболе. Не путаете инсайда с офсайдом, бадминтон с биатлоном и пелетоном, а баттерфляй с бобслеем. Хорошо ориентируетесь в таком лабиринте, как кроссинг — прессинг — айсинг — картинг — дриблинг — джоггинг — допинг и, наконец, виндсерфинг. Знаете, что выездка — это фигурное катание на лошади, а не на велосипеде, если же на велосипеде, так это будет уже сюр-

Она пробегала стометровку за одиннадцать секунд, если не встречала по дороге подругу.

Э. СВРЧЕК (СССР)

пляс. Вам известно, что академические лодки бьют парные и распашные, а запашных не быва-

ет. Не будем вам напоминать и о том, что баскетболисты мяч, хоккеисты шайбу, городошники биту, а борцы друг друга бросают, а не кидают, что копье, диск и молот метают, а ядро и штангу толкают, что последнюю к тому же еще и рвут, но уже давно не жмут, что жмут только руки победителям, которых также еще награждают и чествуют.

Если почти все из перечисленного вы уже усвоили, можно смело приступить к делу.

Прежде всего ваша аудитория всегда должна знать и помнить, что:

Не каждый пожелает попасть на прием к борцу.
С. МАРКОВ.

— спорт есть спорт;
— судьбе, как говорится, виднее;

— против лидера всегда играют с удвоенной энергией;

— наш хоккей страстный и темпераментный;
— поединок острый, борьба напряженная, мяч круглый, а майка насквозь мокрая;

— хорошо видеть поле и играть без мяча—это хорошо, а любить себя в спорте—плохо;

Зрители так привыкли к поцелуям на поле, что после каждого гола кричали «Горько!».

В. ВОРОНЦОВ

— три гола, забитых одним и тем же игроком в одном и том же матче,— это «хэт трик» (причем научитесь выговаривать эти слова с английским произношением, все будут знать, что вы культурный человек);

— фехтовальщики—это мушкетеры, художественные гимнастки—грации, соревнования между ними—парад граций, прыгуны на лыжах с трамплина—летающие лыжники.

Отдельно о рыцарях. Десятиборцы — рыцари десяти качеств, а все легкоатлеты—рыцари королевы, штангисты — рыцари железной игры. Не назовите хоккеистов ледовыми рыцарями, это может вызвать нежелательные исторические ассоциации. В общем, тема «рыцарства» — отдельное и благодатное поле для вашего творческого поиска.

Идем дальше. Пусть ваши слушатели и зрители знают, что:

— если нападающий угодил мячом прямо во вратаря, то последний правильно выбрал позицию;

— фигурное катание, художественная гимнасти-

ка и синхронное плавание—это сочетание спорта и искусства;

— в боксе особенно важна хорошо проведенная концовка;

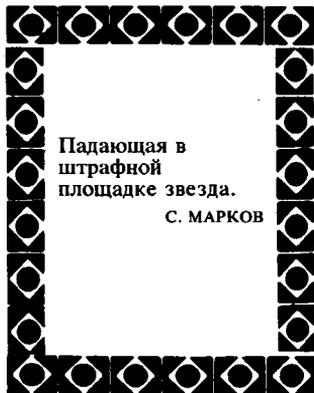
— хоккей — спорт мужественный;

— дистанция десять тысяч метров на льду—это конькобежный марафон, а полторы тысячи метров по водной дорожке—плавательный марафон;

— выпущенная майка и спущенные гетры у футболиста означают неспортивный вид, неуважение к товарищам по команде, соперникам, а также судьям и зрителям;

— команда, победившая в эстафетном беге или плавании, обязательно дружная и она—великолепная четверка;

— когда футбольный вратарь вводит в игру мяч рукой,—это по-яшински, когда нападающий пасует партнеру пяткой, он делает это по-стрельцовски, а коли хоккеист загоняет шайбу в ворота, обойдя их с тыла, то свой поступок

Падающая в штрафной площадке звезда.

С. МАРКОВ

он совершает по-бобровски;

— если хоккеист принял клюшкой летящую по

воздуху шайбу, то сыграл он по-теннисному;

— если стайер под конец дистанции прибавил скорость, значит, у него открылось второе дыхание. Тут же неизбежно должна последовать ваша фраза, содержащая слова «мощный финишный спурт (или рывок)», а вслед за этим — «такое впечатление, что все остальные участники забега просто остановились»;

— на мокром поле играть трудно (или скользко);

— если хоккейный матч завершился со счетом 0:0, 1:0, 1:1, 2:1, то назовите счет футбольным:

Спортивная злость: опять не угадал ни одного номера в «Спортлото».

в. воронцов

— грузинский футбол техничный, киевский академичный, донецкий кубковый, а спартаковский напористый и всенародный;

— если во время футбола идет дождь, то погода «спартаковская»;

— если тренер проигрывающей команды вводит запасного игрока, то делает он это для усиления атаки, если тренер выигрывающей, — то для усиления обороны;

— если на экране лицо тренера проигрывающей

Не бойся одержать победу над самим собой: победителей не судят!

М. ГЕНИН

команды, то нужно сообщить, что он волнуется, если лицо тренера команды, имеющей минимальное преимущество, известите, что он также волнуется;

— то же самое необходимо сказать о спортсмене, раньше времени сорвавшемся со старта;

— если команда «Шахтер» переломила ход игры, значит, она проявила горняцкий характер;

— если бегун на 400 метров наконец-то показал высокий результат, то теперь для него эта дистанция — расколдованный круг.

Пусть не смущает вас и не сковывает сознание того, что вас слушают весь город, область, республика или даже, дай вам бог, вся страна. Считайте, что вы повествуете просто для себя или, что близко к этому, для дома, для семьи. Так поступает ряд наших комментаторов.

Пусть при этом вас всегда согревает сознание того, что наш болельщик, как это широкоизвестно, самый приветливый и доброжелательный.

Об описываемых вами героях следует знать как можно больше, чтобы до-

полнять личность спортсмена, делать ее еще более выпуклой, яркой и привлекательной. Коль скоро вы затронули вопросы учебы, помните, что особенно трогают и располагают людей сведения о том, что известный спортсмен учится. Чаше и полнее рассказывайте о том, кто чем увлекается помимо любимого вида спорта.

В общем, ищите. Как знать, быть может, вы можете рождению и таланта неспортивного. Вспомним известного тенора, солиста Большого театра Зураба Соткилаву — бывшего члена футбольной команды мастеров тбилисского «Динамо». Есть основания полагать, что выйти на певческий путь помог ему спортивный комментатор.

Что же касается шуток, то следует тщательно обдумать, стоит ли вообще

Если все другие призы разобраны, — бери первый!

М. ГЕНИН

их себе позволять. Помните, что у наших ведущих комментаторов это не принято. Что давно миновали времена Вадима Синявского, позволявшего себе такое: «Ну кто так отбирает мяч? Так, знаете ли, толь-

ко в гостях печенье из вазочки берут — двумя пальчиками». Куда сильнее и динамичнее: «Нам не нравится такой хоккей!», повторенное тысячекратно.

Хорошо увлечь зрителя философским смыслом спорта. Хорошо донести до него, что спорт — это яркая и образно-выпуклая модель жизни, причем в самых острых и сильных ее проявлениях: борьба, страсть, самоотдача, тяжелый и изнурительный путь к цели, преодоление, самоутверждение. Иллюстрируйте это наглядными сюжетами вашего репортажа. Например, когда спортсмена выносят на носилках с поля или поднимают со дна плавательного бассейна, когда марафонец неожиданно поворачивает в обратную сторону, когда сцепившиеся составы двух команд регбистов не могут расцепиться.

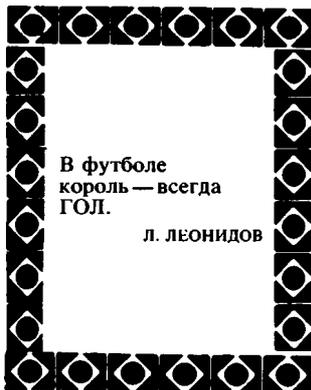
Применяйте оригинальные обороты, образы, сравнения, гиперболы. При этом особенно важно тщательно впитывать богатый опыт ведущих комментаторов. Так, например:

Иногда, чтобы обратить на себя внимание, надо прийти к финишу последним.

М. ГЕНИН

— в спорте всегда есть место подвигу;

— Иван Ковтун остается с глазу на глаз со штангой (хлестко, образно и убедительно. Никаких сомнений не остается в том, что сейчас Иван Ков-

тун со штангой расправится);

— в лице тяжеловеса Ивана Ключкова наша боксерская дружина хочет поставить отличную точку в этом чемпионате (и вообще чаще употребляйте обороты с точками, которые ставят над «i», а также в других местах);

— мяч попадает в голову Сидорова и летит в собственные ворота (это уже просто находка, порожденная талантом и опытом);

— сегодня на Мееде туман и скольжение могло бы желать лучше (непереводимая игра слов, понятная только утонченному и искусному болельщику);

— без забитых голов побеждать трудно (просто, но мудро);

— посмотрите на чудесные альпийские ели. Не правда ли, они похожи на огромные радиомачты (хо-

ты и несколько неожиданно, но смело и современно)?

Комментируя соревнования штангистов, употребляйте термин «толчок (или рывок) штанги двумя руками». В этом случае все будет знать, что вы ветеран спортивного репортажа, помнящий еще те предвоенные годы, когда проводились соревнования по поднятию тяжести как левой, так и правой и обеими руками сразу.

Вообще, средств обогащения вашего повествования много. Например, всегда важно знать даты рождения героев. И если кто-то из них добился успеха в свой знаменательный день, вы имеете прекрасную возможность сказать, что тем самым он преподнес себе отличный подарок ко дню рождения. Если же накануне или в этот день или назав-

Если рекорд пал, — значит, он поднят на новую высоту.

Л. ЛЕОНИДОВ

тра у спортсмена появилось или появится пополнение в семье, то речь уже пойдет о подарке сыну, либо дочери, либо обоим сразу, если так уж вышло (или выйдет).

Если выступает фигуристка, не обойдите молча-

вспомним... порассуждаем... Как вам кажется?..»

Почему бы вам не начинать репортаж примерно так:

— Добрый день(кстати, «добрый день» всегда интеллигентнее, чем «здравствуйте» и тем более, чем

И при электрическом освещении игра порой не стоит свеч.

С. МАРКОВ

«здрасьте»). Итак, добрый день! Наши микрофоны и телекамеры установлены...

Ну как, дорогие друзья, все устроились поудобнее? Всем видно и слышно? Все поужинали? Очень хорошо. Ну, тогда я начну...

Поверьте, вы сразу — свой человек в доме, вас приняли, восприняли, полюбили, с вами уже пьют чай.

Или другое. Игроки на поле затеяли драку, а телеоператор при этом хотя и отвел стыдливо взор камеры, но с опозданием. Так что замалчивать сюжет уже бессмысленно. Как быть?

Лучше всего сказать примерно так:

— Не будем осуждать наших горе-рыцарей, этим займются другие серьезные товарищи. Ну, а пока у нас тут бушуют страсти-

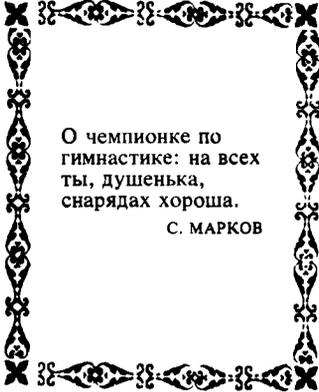
мордасти, взглянем на турнирную таблицу.

Видите, вы снова новатор.

Убеждайте аудиторию в том, что штангу мало любить, штангу надо понимать. То же самое можно говорить про легкоатлетические снаряды, велосипед, гимнастического коня, фехтовальное оружие.

Не бойтесь новых словообразований, ведь был и есть Маяковский с его неологизмами. А потому смелее. Если говорят: конькобежка, байдарочница, бегунья, пловчиха, батутистка, то идите дальше: гребунья, картингистка, виндерсерфистка, марафонка, спиннингистка, спринтериха, стайериха, каратистка, баггистка.

Еще о поиске. Попробуйте ввести понятия: видение игры, философия матча, эскалация натиска, конфронтация нападения и защиты, поп-футбол (баскетбол, волейбол). Попробуйте говорить о раскад-

О чемпионке по гимнастике: на всех ты, душенька, снарядах хороша.

С. МАРКОВ

ровке игры, игровом движении, поэтике матча, его режиссуре, волнительности поединка. Что после этого силовое давление,

кинжальные выпады, игра в стенку, передача на ход? Жалкие судороги пуризма.

Не называйте шест для прыжков катапультной, это

Футбольный матч оставил незабываемое впечатление.

С. МАРКОВ

уже много раз было. Попробуйте: снаряд, праща, базука или даже миномет, а почему бы и нет? Вас поймут, вам поверят, вы увлечете.

Пусть ваша аудитория забывает про связи игровые, а вместо этого узнает про причинно-следственные, про полузащитника, который являет собой «обобщающее звено блок-схемы игровых действий», про гидродинамическую модель в водном поло и аэродинамическую в волейболе.

Просто и доходчиво расскажите о том, как бегун своевременно включает камбаловидную мышцу голени, в результате чего вектор прилагаемого усилия и суммарный вектор перемещения центра масс спортсмена образуют оптимальный угол. Или о том, как горнолыжник недостаточно кантуется на нижней лыже и слишком уводит левое плечо при досыле тазом в поворот. Или о том, как академиче-

ская восьмерка гребцов «Динамо» делает, по вашим оценкам, на один целый и восемьдесят две соотых гребка в минуту больше, чем их соперники армейцы.

На «бис» можно увидеть гол только по телевидению.

С. МАРКОВ

Вы — профессор!
Ищите новые формы. Попробуйте организовать репортаж из сауны, с массажного стола, интервью со стартовой линии, с тумбочки бассейна, из автомобиля, сопровождающего велогонку или участника марафонского бега. Почему бы вам не пристроиться к судье, только что выставившему оценку фигуристу, и не спросить, почему и за что он вывел «пять и девять»? И тут же его соседа, поставившего «пять и одну»? Вы заинтриговали всех, вы создали ситуацию.

Комментатор, как и судья, всегда беспристрастен, но всем позволительна слабость. К детям, к цветам. В том числе и к цветам родного клуба. Но важно при этом помнить, что если объект вашего пристрастия «Динамо», ЦСКА, «Зенит», «Торпедо», «Шахтер», «Пахтакор», «Кайрат», старайтесь вести себя так, чтобы

этого никто и никогда не узнал. Но если «Спартак», то не так уж страшно, если эта ваша тайная симпатия к нему будет порой слегка и ненавязчиво мерцать. Однако это отнюдь не означает, что если Гаврилов, Шавло или Черенков из выгоднейших положений не попадают по воротам, вы их должны оправдывать. Нет, не должны! Осужайте. Нужно всегда быть принципиальным.

Новые творческие возможности предоставила комментаторам эпоха цветного телевидения. Вот несколько примеров из опыта лидеров спортивного репортажа:

— Тем, у кого цветные телевизоры, я помогу отличить боксера из Нигерии от шведского. У нигерийского пояс красного цвета, а у шведского белого.

— Для тех зрителей, у которых телевизоры черно-белого изображения, сообщу, что у партнерши

Гиревики вели спор с «позиции силы».

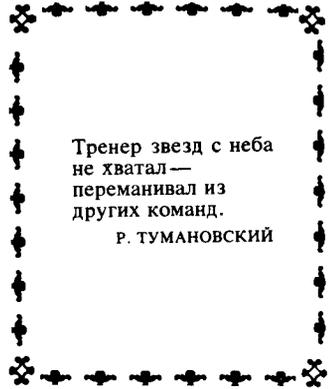
С. МАРКОВ

Бассейн забросил: купался в славе.

С. МАРКОВ

платье нежно-розового цвета морской волны, с изящными вкраплениями мишуристо-серебристых блесток, переливчато иг-

рающих в ярком свете разноцветных прожекторов под чарующие звуки музыки Мендельсона на стихи Андрея Дементьева,

Тренер звезд с неба не хватал — переманивал из других команд.

Р. ТУМАНОВСКИЙ

а у партнера желтовато-зеленисто-лиловая манишка и телесного цвета все остальное, переливчато играющее в ярком свете разноцветных прожекторов под чарующие звуки токкаты и фуги ре-минор Баха в собственном исполнении.

И так далее. Помните, в эпоху цветного телевидения вы — творец, вы — Скрябин с его «Прометеем» в цветомузыкальном исполнении. Цвет на экране, музыка — ваше слово.

Однако ваше слово — это еще не все. Есть еще слово ваших героев. Интервью — один из наиболее сложных пунктов программы работы комментатора. Помните, вы можете интервью хорошо взять, но вам могут его не так хорошо дать. И то и другое зависит только от вас.

Заранее изучите собеседника, подготовьте его к встрече с вами и со зрителем, разучите беседу, отрепетируйте. И если вы не

пожалее сил и времени, то может получиться следующее:

— Разрешите вас от души поздравить с победой,—весело говорите вы десятиборцу.

— Спасибо, большое спасибо.

— Скажите, пожалуйста, как складывалась борьба?

— Борьба была острой, напряженной.

— Добавлю: и очень увлекательной, интересной, бескомпромиссной. А как вам сегодня прыгалось. металось, бежалось?

— Спасибо. Мне сегодня хорошо.

— А интересно узнать, благодаря чему вам так сегодня все делалось?

— Ну, прежде всего благодаря тренеру Егор Ивановичу, товарищам, родному коллективу, хорошей поддержке зрителей.

— Очень, очень интересно. А какие у вас самые любимые виды десятиборья?

— У меня все любимые, особенно бег, прыжки, метания.

очень хотелось победить.

— Что ж, смелость города берет. А какие у вас дальнейшие планы? Если можно, поделитесь, пожалуйста.

Согласен
заниматься боксом,
но только заочно.

С. МАРКОВ

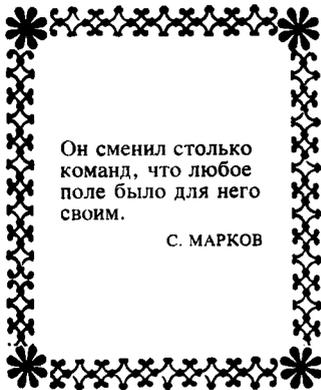
— Из ближайших планов—это много и упорно тренироваться, чтоб еще больше повысить уровень. А также благодаря этому еще больше повысить производственные показатели.

— Что ж, от души, от себя лично, от имени всех наших телезрителей благодарю вас за интересную беседу. Желаю вам новых больших успехов в спорте, учебе, на производстве и в личной жизни.

— Большое спасибо.

Вот что значит творческий, конструктивный подход к делу, который должен руководить вами всегда, в любом репортаже, на любой волне бескрайнего эфира, несущего вашу страсть, вашу любовь к спорту, вашу философию, ваше видение спорта людям. А пока наше время истекло.

Но репортаж продолжается.

Он сменил столько команд, что любое поле было для него своим.

С. МАРКОВ

— Вот как? А думали ли вы о победе?

— Честно говоря, не думал, но, честно говоря,

Все началось с того, что я познакомился с одной девушкой. Это была очень хорошая девушка, почти без недостатков. Почти, потому что один недостаток у одной девушки все-таки был. Девушка сходила с ума от всего спортивного: разные там соревнования, турниры, матчи, а главное, у нее из головы не выходили спортсмены. Она знала в лицо всех знаменитых спортсменов и даже часть незнаменитых.

Вместо того чтобы, как все нормальные начинающие влюбленные, ходить по кино, театрам и целоваться в подъездах, мы торчали в спортивных залах, на стадионах или дежурили у гостиниц, подкарауливая знаменитых спортсменов на предмет автографов.

— Ах, почему ты не спортсмен? — говорила мне эта девушка при случае и безо всякого случая. — С ними так интересно. Они сильные, стройные, малоразговорчивые.

Сначала я не обижался, потому что считал себя в достаточной мере сильным, стройным и малоразговорчивым. Во всяком случае, с меня всего этого было достаточно. Но со временем такие разговоры мне стали надоедать, хотя я человек очень уравновешенный. Да и хотел бы я знать, кому это не надоесть?

— Знаешь что, — сказал я как-то этой девушке, — может быть, я не спортсмен. Но для нормального человека у меня все есть, что надо, даже, может быть, чуть больше, потому что я люблю животных, особенно пресмыкающихся.

Довод насчет пресмыкающихся всегда сильно действовал на эту девушку, но нельзя же бесконечно эксплуатировать пресмыкающихся.

В общем, надо было что-то предпринимать. И дураку было ясно: долго в сердце

этой девушки на любви к пресмыкающимся я не продержусь.

После некоторых размышлений я решил поступить в секцию классической борьбы.

— Ах, какие они ужасные! — восхищалась моя девушка борцами. — Ну просто буйволы! Быки-горeadоры! Посмотри, какие у них загровки!

Конечно, выбирая секцию борьбы, я понимал, какой длинный и тяжкий путь мне предстоит от худощавого человека до быка-торeadора с загровкой, но мне ничего не оставалось другого.

Легко сказать — поступить. Секция борьбы спортобщества «Салют» была переполнена.

Шансов у меня было маловато. Не то чтобы я был уж какой-то там заморыш, нет, я был далеко не заморыш, просто я в жизни никогда не занимался физкультурой: не бегал высунув язык по утрам, как некоторые, не плавал в проруби, не мучил велосипед и даже, если уж быть до конца честным, никогда не делал элементарной физзарядки.

Да, шансов у меня было маловато. Особенно когда я увидел, с кем мне придется иметь дело. На конкурс пришел человек пятьдесят, а набирали всего пять. Во дворе, где мы прогуливались, прежде чем нас запустили в зал, я внимательно разглядел своих соперников. В основном это был мускулистый и толсторожий народ. Чувствовалось, что идея заняться классической борьбой пришла к ним не сразу, а долго вынашивалась в их коротко остриженных головах. Будущие борцы сидели молча, положив руки на колени, попыхивали сигаретами, исподлобья разглядывали друг друга. В-каждом их движении чувствовалась сила и уверенность.

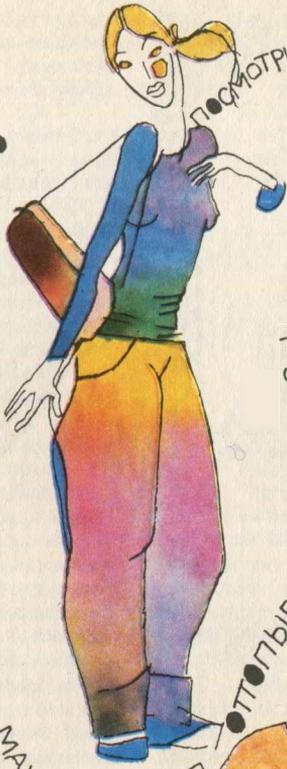
Я уныло бродил вокруг скамейки, где сидели эти крепыши. Даже если удастся каким-то чудом перебороть вон того, самого хлипокого, крепыша, и то останется девять человек. А если жребий сведет меня вон с тем Человеком-горой? Да тот за полминуты сделает из меня чучело с опилками.

Вскоре нас запустили в зал. Вышел тренер весь в белом: белые тапочки, белые брюки, белая рубашка, белый ремешок от часов — я в жизни не видел такого белого человека — и сказал:

— Полчаса разминка.

Все разделись и молча принялись наскикивать друг на друга. Тренер же сел за стол, положил перед собой тетрадку, до-

Я в жизни не видел такого белого человека...

Посмотри, какие у них заливки!

Я в жизни не видел черного человека.

Разбежался, со всех маху

БХВАТИЛ

Попыренную ногу и помаялся с ней в сторону

Хорошие
нападающие на
траве не валяются.

С. АФАНАСЬЕВ

И победителей
судят, если они
нарушают правила.

О. СЕИН

стал секундомер и щелкает, щелкает им, а сам потихоньку поглядывает на нас. Стало мне любопытно: чего это он там щелкает да поглядывает? Прошелся ненароком вблизи. Вижу, в тетрадке все наши фамилии, а против фамилий все цифры, цифры.

Понятно... Он же присматривается к нам. Конкурс—это так, фикция. Здесь возможны всякие случайности: человек напряжен, следит за собой, скрывает свои недостатки. А сейчас, когда мы уверены, что за нами никто не наблюдает, мы стали сами собой, расслабились, потеряли бдительность, распустили нюни. Выбирай, кого хочешь. Все как на ладони. До чего же этот белый тренер хитрый парень!

Ну, думаю, как хорошо, что я тебя раскусил. И решил не терять ни секунды. Оглядел зал. Вижу, возле меня Человек-гора разминается. Играет мускулами, ды-

шит усиленно, кровью весь налился. Разбегаюсь я и изо всей силы врезаюсь Человеку-горе головой в живот. Тот чуть качнулся и спрашивает:

— Ты что, чокнутый?

Думал, значит, что я это по ошибке врезался. И опять играет мускулами, дышит усиленно.

Второй момент я выбрал более удачный. Дождался, пока Человек-гора присядет на корточки, опять разбежался и как сигану ему на спину. Гора, здоровенный же человечище, лишь качнулся вперед и слегка достал руками пол. Но ничего, не вышел из себя. Лишь сказал:

— Разминайся подальше, хлюпик.

Глянул я искоса на тренера, а тренер искоса за мной наблюдает: заметил, значит, мои наскоки.

Отдышался я и опять слежу за Человек-горой, удобного момента дожидаясь. Наконец дождался: Гора одну ногу поставил на скамейку, другую оттопырил как можно дальше и старается пол через скамейку достать. Лучшего и не придумаешь. Разбежался, со всего маху обхватил оттопыренную ногу и помчался с ней в сторону. От неожиданности Человек-гора загрохотал наземь. Ну и расшвирипел он! Схватил меня, как щенка, и запустил в дальний угол. А сам набылчился и кулаком мне погрозил: рассердился, значит.

Тут тренер манит меня пальцем. Подхожу, потираю ссадину на локте.

— Зеленки дать?—спрашивает тренер.

— На что она? Мы люди привычные,— отвечаю.

— Вдруг инфекция попалась.

— Я противоионфекционный.

— Шустер на язык,— говорит тренер.— Ты, парень, не в свою весовую категорию

ШОТА ХАБАРЕЛИ

По борьбе японской он
Олимпийский чемпион.
Ну а в качестве разминки
Лучше нет родной лезгинки.

лезешь. Чего ты к Дробышеву привязался? Найди себе кто пощуплее, и разминайся с ним.

— Тяжело в учении, легко в бою,— говорю.

Отошел и вижу, что теперь тренер глаз с меня не спускает. «Ну,— думаю,— заглотал живца». А Гора уже кончил упражнения делать, перешел к бегу. Пробегает мимо меня, а я возьми да сковырнись ему под ноги. Гора так и растянулся чуть ли не поперек всего зала. Вскочил, трясется весь.

— Ты что ко мне лезешь?— кричит, а сам мне руки-ноги выворачивает, как кузнечнику, мутузит кулаками. Еле отбили. Упал я на ковер, едва лапками шевелю, а Гора все сердится, все наскакивает.

— Это псих!— кричит.— Его надо изолировать!

Теперь Гора принял все меры предосторожности, и мне ни разу не удалось застать его врасплох. Я просто бежал на Гору трусцой, выставив вперед кулаки. Гора хватал меня за шкирку и кидал в дальний угол. Я вставал, отряхивался от угловой пыли и снова бежал, выставив кулаки. И так раз десять, пока тренер действительно не изолировал меня, посадив на скамейку.

К концу разминки пришел другой тренер, весь в черном: черные брюки, черная рубашка, черные тапочки и черный ремешок от часов. Я в жизни не видел такого черного человека. Вдвоем с белым они склонились над тетрадкой и принялись шептаться и щелкать секундомерами. Потом подняли головы и уставились на меня. Я понял, что разговор идет обо мне, и наострил уши, но слышимость была слабая из-за хруста костей и уханья разминав-

шегося рядом Горы. Я лишь расслышал два слова: «Страшно моторный».

В общем, меня приняли в секцию борьбы. Через три года я стал чемпионом Европы. Та девушка— моя жена. Человек-гора, мой закадычный друг Вася Дробышев, был шафером на свадьбе.

Если дело мастера
боится, то в
интересах команды
я не буду играть.

Р. ТУМАНОВСКИЙ

Если хорошего
форварда плохо
опекать, его
переманят.

С. АФАНАСЬЕВ

ВЕРЕ КОМИСОВОЙ

Была надеждой наша Вера,
Но, показав высокий класс,
Преодолела все барьеры,
Любовью нашей став тотчас.

ЗИНОВИЙ ПАПЕРНЫЙ

Я БЬЮ ПО ВОРОТАМ

Думается, что гипокинез с каждым годом все больше дает о себе знать. Недостаток движения, физической работы (а это, между прочим, и есть гипокинез)— вот в чем беда, в чем, грубо говоря, собака зарыта.

И вот в рассуждении не чего бы покушать, а чего бы подвигать, поразмять, потренировать вышел я прекрасным осенним утром на стадион.

...Вспоминается случай. Я сидел на заседании секции московских поэтов. Выступал поэт, но не стихи читал, а держал взволнованную речь. Сказать кратко, так он говорил долго. Кто-то из аудитории крикнул:

— Регламент!

Говорящий посмотрел в зал в упор и горько усмехнулся:

— Регламент!.. А я сейчас как раз чувствую, что нахожусь в состоянии полета. Так надо ли, дорогие друзья, сбивать меня вот такими выкриками, как птицу влёт?!

Поэты, привыкшие мыслить образами, представили себе эту жуткую птицеубийственную картину и закричали:

— Продлить! Уважить! Пусть говорит сколько может!

И говоривший говорил еще минут сорок.

Все это я веду к тому, что примерно в состоянии такой духоподъемности, такого полета находился я в это не по-осеннему светлое утро на вышеуказанном стадионе.

Побежав, или, правильнее сказать, потрусив, несколько кругов, я резвой иноходью выбежал на середину поля, где увидел футбольный мячик.

Но тут я должен прямо и без утайки сказать о себе как о футболисте. Дело в том, что я не футболист. Я даже не болельщик. Весь этот циклон спортувлечений, футазартов, болельщиков, тиффозы и прочих футбольных камикадзе прошел мимо меня.

Когда я бью по воротам, передо мной встают две задачи. Первая — попасть ногой по мячу. И уже вторая — попасть мячом по воротам. Читатель охотно согласится, что решить вторую задачу не решив первой практически невозможно.

Но, видно, в том-то и состоит своеобразие «состояния полета», что я в тот миг не думал о первой задаче. Как некий вихорь шумный, как буй тур из «Слова о полку Игореве», налетел я на мяч, с ходу, с бегу, нет, уж точнее, с лету ударил по нему со страшной силой, как сейчас помню, правой ногой, и он пулей унесся к воротам. Не веря себе, не веря своей правой ногой, как зачарованный следил я за его долгим стремительным и томительным полетом. Мяч влетел в ворота, в правый их угол под штангой.

Раздался один оглушительный аплодисмент, пе-

реходящий в овацию. Это хлопал мне футболист, выходявший на тренировку.

— Потрясный удар, сказка! — кричал он.

— Первый раз в жизни... — ответил было я, но он жестом меня остановил: понимаю, мол, скромность, требовательность к себе, но меня не обманешь, птицу видать по полету.

Ну что я скажу? Почему этот удар оказался таким счастливым? Потому ли, что меня в этот момент не наставлял советами отечески строгий тренер? И никого не было кругом — хоть шаром покати? Потому ли, что я не думал ни о чем в ту секунду — ни об успехе, ни о зрителе, а просто радостно, вдохновенно и глупо бил?

Кто знает? Пойми, кто может... А впрочем, какое это имеет значение? Ведь все равно второго такого удара в моей жизни не будет.

Я уходил с поля и все оглядывался, все смотрел, как говорится, на новые ворота.

ВЛАДИМИР ВОЛИН

ОПАСНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОЛОВОЙ

Что главное в боксе? Кто говорит — сила, кто — техника, а кто — хорошая прыгучесть.

А по-моему, ерунда все это. Главное в боксе — голова.

Недавно готовились мы к городским соревнованиям. Смотрю на нашу команду: бой с тенью, груша, скакалки, спарринг-тренировки. А меня смех берет. Где новизна? Где полет мысли?

Раздобыл кой-какую литературу, тензорный анализ подучил, статистическую физику и квантовую механику подработал, теорию вероятностей и теорию информации подзубрил. Дядя Саша, старший тренер, говорит:

— Смотри, Слава, не перетренируйся.

— Не боись. — отвечаю, — дядя Саша, у меня голова крепкая.

Ладно, выходим на ринг. Во втором полусреднем — это моя весовая категория — встречаюсь с Валерой Междусобойченко. Темная майка, светлые трусы. Первая перчатка микрорайона.

Обменялись рукопожатиями, рефери напомнил про запрещенные удары — ниже пояса не бить, открытой перчаткой не уда-

рять, опасные движения головой не допускать.

Глажу — Валера изогнулся к бою, занял правостороннюю стойку. Неудобный, значит, противник.

— Левша? — спрашиваю сочувственно, держа на дистанции.

— Левша, — отвечает удивленно.

— А знаешь ли ты. — веду разведку боем. — что именно асимметрия разделила человечество на две неравные части — правшей и левшей? У нас в стране, например, правшей более 95 процентов, а во Франции — около 92 процентов. У правши стереотипная условнорефлекторная деятельность акцентирована в правой верхней конечности, управляемой левым полушарием головного мозга, а у левши — наоборот. Сечешь разницу?

Валера глядит опалело, будто в нокауте. Рефери на ринге ладонь к уху приложил, чтобы лучше слышать. В зале тишина. Жесткий рисунок боя.

Тут противник опомнился, пошел вперед и двинул меня прямым правым в челюсть. Не сильно, правда, двинул — переваривал сказанное.

— Вот ведь бьешь без толку. — впускаю ему, — а того не знаешь, что все твои действия происходят не где-нибудь, а в пространстве — временно континууме и имеют четко детерминированную причину — следственную связь. Эйнштейн, он чего говорил? С точки зрения общей теории относительности твой удар, проявляясь в неэвклидовой геометрии пространства, не оказывает, по причине гравитации, силового воздействия на материальную

массу, в данном случае на мою челюсть. Усекаешь?

Валера вздохнул, ушел в глухую защиту и со словами: «Эх, век живи, век учись!» — хлоп себя по лбу открытой перчаткой. Понятное дело — травма, бровь рассечена. Секундант противника из синего угла мне шепчет: «Друг, спиши слова!» Рефери одной рукой скупую мужскую слезу утирает, другой себя по макушке стучит — мол, опасно головой работаешь.

Тут Валера, пользуясь тем, что я с рефери беседую, ввязался в ближний бой и двинул меня слегка боковым левым в корпус. Я лениво зевнул, активизируюсь.

— Темнота, — говорю этак сокрушенно, закрепляя достигнутый успех. — Зачем же зря силы тратить? Только увеличиваешь общее количество энтропии во вселенной. Второе начало термодинамики, помнишь? То-то.

Рефери черную бабочку разважал, узелки на память делает. Боковые судьи перьями скрипят — меня конспектируют. Публика скандирует: «Мо-лодец!» Валере — предупреждение за пассивное ведение боя. Я очки набираю.

Противник обрел второе дыхание и, войдя в захват, провел серию коротких ударов в голову. Но дядя Саша, старший тренер, недаром учил: в бою важна эффектная заключительная концовка. Ну, я и выдал напоследок перед гонгом свой коронный:

— Предсказания, — говорю Валере, — используя знание вероятности событий, становятся тем точнее, чем длиннее серия событий, в данном конкретном случае — се-

рии твоих неточных ударов. Это еще Яков Бернули открыл, законом больших чисел называется. И, согласно этому закону, вероятность твоих попаданий в цель, по методу Монте-Карло, практически равна нулю.

Что тут началось! Противник в полном расстройстве чувств досрочно на канатах повис в моем углу. Дядя Саша, старший тренер, на радостях впопыхах вафельное полотенце на ринг выбросил. Рефери лежит в техническом нокауте, я над ним стою, секунды считаю, а сам в уме уравнения четвертой степени интегрирую.

Слышу, динамик орет: «Победа ввиду явного преимущества присуждена Станиславу Кочукову, спортобщество „Альбатрос,». В зале — овация, я сам себе руку поднимаю, дядя Саша, старший тренер, публику целует.

В общем, провели мы острый, красивый поединок, показали технично грамотный игровой бокс, продемонстрировали волевые бойцовские качества. Так что голова в боксе — первейшее дело.

МАРК ВИЛЕНСКИЙ

ТОЛЬКО ПОСЛЕ,
А НЕ ДО

У меня теперь отношения с электроникой очень четкие. Мой принцип такой: только после, а не до. Сейчас все объясню.

Я метатель молота. Такое у меня спортивное увлечение.

Ну, вы, конечно, видели, как это делается. Раскрутишь ядро на проволоке посылнее и отпускаешь, и молот летит, а ты стараешься не улететь вместе с ним, потому что центробежка развивается чудовищная.

И вот эдак за месяц до первенства приходит ко мне один молоденький спортивный теоретик в очках и говорит:

— Я вас хочу ввести в ЭВМ.

— Как будете вводить — вперед головой или ногами?

— Нет-нет, нас интересуют только ваши данные.

И давай меня забрасывать вопросами: вес, рост, сколько каши ем перед соревнованиями, показатели на тренировках, имею ли задолженность по профвзносам, объем бицепсов, страдала ли мать до родов крапивницей и так далее. Целую бумажную простыню заполнил моими ответами.

— Зачем вам все это? — спрашиваю.

— Закодируем, пробьём на перфоленте, введем в машину, получим прогноз.

«Ну, — думаю, — валяйте, кодируйте, вводите. Мне от этого ни жарко ни холодно». Но тут я очень даже ошибся.

Вскоре читаю в спортивной газете: «ЭВМ предсказывает: первое место займет метатель молота Андрей Перхушков», то есть я. Ура! Я, конечно, дико обрадовался и бросил тренироваться. А зачем потеть, если и так все predeterminedено заранее?

Тренер Виктор Иванович звонит мне домой по телефону, кипятится:

— Андрей, ты сошел с ума! Почему не являешься на тренировки?

— Вы, Виктор Иванович, извините меня, —

КАНЫБЕКУ ОСМОНАЛИЕВУ

Подход к своим соперникам нашел, Добившись на помосте перевеса, — Их в сумме двух движений обошел На двести граммов... собственного веса.

консервативный человек, не верите, я смотрю, в электронно - вычислительную технику. А она ведь, как бог, все знает наперед и уже объявила меня чемпионом.

Ну, настает день соревнований, вхожу в сектор, раскручиваю свой снаряд, а он пролетел каких-нибудь жалких полста метров и — плюх на землю, как жаба в болото. Судьи подсчитали, я прослезился...

Вторая попытка не лучше...

Короче, подвела меня электронная вычислительная техника, успела своими прогнозами.

Обозлился я, сделал выводы, начал тренироваться без халтуры. И вот накануне чемпионата опять появляется тот теоретик в очках.

— Все! — говорю. — Здрасте и до свидания. Не надо меня больше вводить в вашу электронную считалку. Добра от этого не будет.

— Нет-нет, — говорит он, — не волнуйтесь. Мы в своей лаборатории тоже сделали серьезные выводы. Отныне никаких помименных прогнозов. Прогнозирование фамилий победителей, как выясни-

лось, оказывает на спортсменов тормозяще-расслабляющий неврогенный эффект. Теперь мы вычисляем возможный оптимальный результат, который будет показан на соревнованиях, но без всяких фамилий. Безлично. Вообще.

И опять давай осыпай меня вопросами: вес, рост, общественная работа, какие сны снятся — цветные или черно-белые, лучший результат в жизни и все прочее.

Вскоре в спортивной газете появляется электронный прогноз: «Наивысшие результаты у метателя молота ожидаются порядка 83—85 метров». «Вот те раз! — думаю. — Мне такое не снилось в самом ослепительном цветном сне. Нужно утроить усилия, иначе опять замыкать список».

Тренируюсь как черт — утром, днем и вечером. Стал даже ночь прихватывать. Ставлю карманный фонарик в дальнем конце футбольного поля метров за восемьдесят пять от себя и стараюсь попасть в него молотом.

Тренер Виктор Иванович тянет меня за тусы.

— Андрей, опомнись, иди спать! А то сорвешь-

Прямоугольник ворот оказался для нападающего заколованным кругом.

О. СЕИН

ся, перегоришь до старта. Побереги здоровье!

— Мне здоровье теперь до фонаря, Виктор Иванович! Во-о-он до того. Мне главное — это победа!

Фонарик мне так разбить и не удалось, а тут уж подоспел этот самый чемпионат.

Вхожу в сектор, колени подламываются, бицепсы дрожат, в бронхах сипы, в легких хрипы, в ушах вечерний звон, цвет лица салатно-зеленый, в тон футбольному полю. Раскрутил я снаряд и вдруг полетел, я сам полетел — впереди молот, за ним я! Держусь за проводочную ручку и несусь над травкой, как ласточ-

ВЛАДИМИРУ ПАРФЕНОВИЧУ

Чтоб в свой портрет внести победный штрих,
Возьмет да обойдет в сердцах моторку...

Гребет он в «одиночке» за двоих
И в «двойке», безусловно, на пятерку.

ГЕРБЕРТ КЕМОКЛИДЗЕ

ПЕНАЛЬТИ
НА ЧУЖОМ
ПОЛЕ

ка,— не учел я, что поухдел вдвое от своих жутких круглосуточных тренировок. Ну, далеко мы с молотом, конечно, не улетели. Тщательный замер показал— двадцать два метра сорок три сантиметра. Для человека— много, для молота— тьфу, пустяк, ничто. Вот если бы укрепили новый вид спорта— прыжок в длину с молотом, тогда бы я наверняка стал первым чемпионом мира... В общем, опять я остался на своем, уже привычном, последнем месте.

Теперь я тренируюсь строго по плану, ночью крепко сплю, и Виктор Иванович говорит, что у меня есть шансы попасть в олимпийскую сборную.

А при слове «прогноз» я затыкаю уши. Только не подумайте, что я враг электроники. Вовсе нет. Если на электронном табло вспыхнет строчка: «Андрей Перхушков, СССР— первое место», счастливый меня на свете человека не будет.

Но только чтобы эти слова вспыхнули ПОСЛЕ соровнований, а не ДО!

Что-то там минуты две оставалось до конца игры, и тут его скovyрнули прямо на штрафной площадке. Он только ногу занес, чтобы по пустым воротам садануть, а защитник его по другой ноге как ухнет— он и лег на траву, катается. Стадион в свист, кричит: «Симулянт!», а я мяч под мышку и несую к одиннадцатиметровой отметке. Поставил и думаю: «Завтра в газетах напишут: „Героический поступок судьи. Назначил пенальти в ворота хозяев“».

Тут подходит ко мне капитан провинившейся команды. Лба нет— весь в кулаки ушел, и глаза жутко сверкают.

— Ну-ка,— говорит,— глянь на табло.

Смотрю, табло как табло, с двумя нулями, как на некоторых дверях.

— Усек? — спрашивает.— Тишина и покой. А если будет ноль— один, что получается? По телефону когда-нибудь звонил?

Мысли у меня сразу запаниковали, не могу вспомнить— то ли «скорая помощь», то ли пожар, но одинаково неприятно. Ведь может устроить, с него станет. А мне больно надо!

— Так я,— говорю,— не пенальти назначил, а свободный. Прямой не идет.

— Это еще куда ни шло,— смягчается капитан.

Снова установили мяч, нападающий разогнался, ждет свистка, но тут подбегает ко мне тренер.

— Слушай!— кричит.— Я уже давно с тобой собирался поговорить, но все некогда. Вот, наконец, улучил минутку. У меня приятель один работает в федерации. Вместе когда-то с ним гоняли. Присмотрись, говорит мне недавно, к судье. Посоветуй, стоит ли его переводить в более высокую категорию. Ладно, говорю. А сейчас гляжу— нарушение было на линии, ты же

НИКОЛАЮ СОЛОДУХИНУ

Золотой победный урожай
На борцовском он собрал
татами,
Доказав, что нынче курский
край
Славится не только
соловьями.

ВЛАДИМИР ДВОРЦОВ

**АННА
УНД МАРТА
БАДЕН**

Такое, может, вообще в жизни не повторится. Знаменитый форвард — кумир двух миллиардов болельщиков сидел рядом со мной в кресле и рассматривал иллюстрации в журнале. А поблизости ни одного коллеги-журналиста. Хватай его, родименького, загорелого, глаза навываке, как у ребенка, и интервьюируй.

— Старик, несколько слов для прессы, — приступил я к делу, заранее представляя, какой материал выложу на стол шефу.

«Король футбола», в свою очередь, что-то спросил, как я догадался, на своем родном языке.

Форвард, который, судя по рассказам, не только блестяще пинал мяч, но,

случалось, отбивался ногами от особо назойливых репортеров, на этот раз был настроен благодушно.

Я это сразу заметил и продолжал:

— Удавалось ли вам в одном матче забивать десять голов?

«Король футбола» на мой вопрос ответил улыбкой, отложил журнал, давая понять, что готов беседовать со мной сколько угодно, и вновь что-то спросил. Потом он обрушил на меня град фраз на разных языках.

Слабостью хоккейной команды были силовые приемы.

О. СЕИН

Из них я понял только одну: «Шпрехен зи дойч?» — «Говорите ли вы по-немецки?»

Увы, я не говорил ни по-немецки и ни по-португальски, ни по-английски и ни по-французски.

Все мои познания в иностранных языках заключались в двух немецких фразах: «Шпрехен зи дойч?» и «Анна унд Марта баден» — «Анна и Марта купаются».

«Король футбола» неожиданно зевнул, захлопнул журнал, посмотрел сквозь меня и ушел.

...Говорят, во сне за три ночи можно изучить иностранный язык, не слышали?

Сон у меня хороший. Что там три ночи, я могу трое суток подряд проспать. Если надо для дела...

И в парном катании необходима индивидуальность.

О. СЕИН

Чтобы болеть за плохую команду, надо иметь отличное здоровье.

О. СЕИН

ЮРИКУ ВАРДАНЯНУ

Ну кто спортсмена упрекнет,
Мол, много на себя берет?!

ся, извините, говорю, сме-
на тяжелая была... Она
улыбнулась, проводить
разрешила. Продавщицей
работает, стройненькая
такая, шустрая, как Жан-
на.

...Приехал я на турбазу.
Красота вокруг — сил нет!
Смотрю на эту красоту и
чувствую, что рядом Жан-
ны не хватает, чтобы эту
красоту с ней разделить...
Группа собралась — кош-
мар! — одни девчата и
одна бабуся в шортах. Ме-
ня старостой группы сде-
лали. Я сроду туристом
не был. Так, раза два бе-
гали мы с гитаркой в
лесок, фасонили... Коро-
че, влип.

Что делать, не знаю,
знаю только, что надо
коллектив сплачивать.
Собрал всех и говорю:
«Давайте знакомиться».
Это — безотказно; точно
знаю: когда каждый о се-
бе скажет, тут и дружба
начинается! Первым де-
лом, естественно, о себе
стал рассказывать. И
опять меня занесло. Гово-
рю, что я помощник ре-
жиссера на Мосфильме.
Учусь во ВГИКе на актер-
ском отделении, сейчас
роль дали в фильме «По-
целуи на улице»... Смот-
рю, у девчат глаза загоре-
лись, а я дальше — боль-
ше!

Тут нам инструктора да-
ли. Здоровый такой па-
рень — Олег, для него
рюкзак — что авоська. Ну,
думаю, я за ним как за
каменной стеной. Пошли
мы в поход.

Вечером у костра меня
рассказать о фильме про-
сят, в котором я снима-
юсь... Я им такую роман-
тику развел — сил нет! Го-
ворю, что это лирическая
кинокомедия... Живет, го-
ворю, один парень, рабо-
тает на заводе на автока-

ре. Друг у него есть —
Алешка-футболист. Влю-
бились они оба в норми-
ровщицу Жанну... Короче,
я им историю с фестива-
лем выдал, а продолже-
ние, говорю, завтра.

Костер погас, все по па-
латкам разошлись. Смот-
рю, одна девчонка оста-
лась, нет-нет да и глянет
на меня, будто фотогра-
фирует со вспышкой...
«Евгений, — говорит, —
пойдемте погуляем» — это
воле отбоя, а!.. Пошли.
Вокруг сосны голубые,
луна над горами — как на
картине! Она меня и спра-
шивает: есть ли у меня
девушка? Я отвечаю, что
была у меня любовь с
Людмилой Сенчиной, да
характерами не сошлись...

На другой день вновь:
просим-умоляем! Я было в
кусты: говорю, что неваж-
но себя чувствую, да не
тут-то было! В общем,
пришлось мне про весь за-
вод рассказывать, про
всех своих ребят, даже
самому понравилось! Я
как бы со стороны на сво-
их товарищей посмотрел,
и оказалось, что народ у
нас героический, говорю,
что и здороваемся мы не
«как дела?», а «что геро-
ического?»

Короче, пришли мы к
морю, купались дней
пять, а потом нас на авто-
бусах опять на турбазу
повезли. Дорога в горах
вьется, смотрю, многих
девчат укачивать стало.
Что делать? Я же как-
никак староста!.. Гляжу,
за окнами на скале церк-
вушка красивая, как у
Лермонтова, беру микро-
фон и говорю, что этот
замок моего дальнего
предка... «Олег, — гово-
рю, — бери этот замок се-
бе, а мне отдай вон ту де-
вушку, которая сидит на
твоей стороне автобуса!»

Олег меня поддержал,
говорит: «Нет, этого мне
мало, она очень краси-
вая...» Ну, молодец Олег!
Я ему: «Видишь, вон ста-
до баранов? Бери, —
говорю, — впридачу!..»
Смотрю, девчата повесе-
лели, с интересом слуша-
ют, как мы торгуемся.
Вдруг Олег мне заявляет,
что ему давно понравилась
вон та девушка из моего
ряда — это та, с которой
мы у костра сидели... Го-
ворит, что сделает ее
своей первой любимой же-
ной. Я ему: «А что даешь
за нее?» А он с кавказ-
ским акцентом отвечает:
«Бери что хочешь!» В кон-
це концов, я взял себе
автобус и земли вокруг
турбазы. Потом мы все-
таки одну девушку не по-
делили — назначили дуэль
на стартовых пистоле-
тах... Концерт — да и
только! Короче, доехали
благополучно.

Приехали на турбазу, а
«первая любимая жена»
Олега мне и говорит, что
любит меня... Вот что
наделал мой язык! Я ей
говорю, что все придумал,
а она говорит: «Тем бо-
лее!» Это ж надо! Все!
Больше никогда трепаться
не буду!

Вернулся я домой — и
прямо к Жанне. Говорю,
так, мол, и так: люблю —
в горах понял! И, пред-
ставьте себе, она мне
призналась, что тоже...
Сил нет! Короче, скоро
свадьба!

ТАТЬЯНА ШАБАШОВА

БЕГ

Спрашиваете, откуда ковер? Ничего коврика, а? Можно сказать, полить можно потом. Жене очень угодила. Расцеловала даже. Сервиз? Тоже я. Как? Очень просто. Бегал и достал. Что значит «как бегал»? Говорю же вам, трусдой. Удивительно полезная штука! Надо только уметь ее рационально использовать.

Это я еще в позапрошлом году решил заняться укреплением пошатнувшегося здоровья. Записался к участковому. Так, мол, и так, дайте, доктор, чего-нибудь психотерапевтического или медикаментозного для организма, сдавшего кандидатский минимум и ослабленного сидячим образом жизни. Доктор оказался женщиной, такой симпатичной эскулапochкой, осмотрела меня детально, начертила на моей груди решетку, велела растопырить пальцы, дышать и не дышать, измерила клизмочкой давление и сообщила, что я практически здоров, но мне показаны чистый воздух, положительные эмоции и спорт.

Помню, шел я домой задумчиво. «Как так,— думал,— получилось, что в моей жизни не нашлось места спорту? Почему не

обработывал я мяча, не рвал финишных ленточек, не метал копыя? Досадное,— думаю,— упущение. Но ничего. Я молод. Я выйду на старт. Я буду рвать и метать. Еще не все потеряно. Главное — начать».

Начал с бега на короткие дистанции — в булочную, за молоком, в прачечную или в «Бытовую химию» за «Дарьей». Это для начала.

Не сразу, конечно, все пошло как по рекордану. Были трудности, были разочарования. В магазине, например, когда я спросил себе белые тапочки, продавщица долго над мной смеялась, а потом съязвила: не хочу ли я птичье молоко в брикетах? «Птичье молоко,— отвечаю, — мы, между прочим, достанем! А вот где достать белые тапочки? Или кеды?» — «Кеды нет!» — отрезает она мне. — «Есть ботинки для турпохода!» — «Но мне не нужны для турпохода!» — «Берите для фижгакания!»

Не сразу дался и тренировочный костюм. Конечно, мне хотелось костюмчик с изюминкой, шерстяной, васильковый, с белой полосой. А мне предлагали толстые, бумажные, старушечьих фасонов, погребальных расцветок, мальчишеских размеров... Тогда я решил бегать без специальной экипировки.

И дело не в том, в чем бегать, а как и куда. К тому моменту я уже наметил рационализировать трусцу. Не мотаться бесцельно вокруг куста, как некоторые, не трусить без толку вокруг да около, а бегать со смыслом, с адресом... И я стал бегать по магазинам. Сначала забегал только в спортивные

Нападающий таранного типа: выбил себе «Волгу» и трехкомнатную квартиру.

О. СЕИН

и — представьте! — достал тапочки, а вскоре и костюм.

Много ценного почерпнул за этот период интенсивных тренировок: подушки — в салоне «Ни пуха ни пера!», кастрюлю-сковородку, керамическую плитку, автомобильные камеры...

Как стал марафонцем? Вот так и стал. Секрета не делаю. Бегал. Тренировался. Себя не жалел. Трудно ли? Да как вам сказать? Привычка, закалка многое значат. Бегаю два раза в день — утром и вечером. Я теперь 42 километра 195 метров играючи пробегаю. Куда бегаю? Так я же говорю: гараж получил. Гараж для своей машины. Теперь утром встаю, термос за плечи — и в путь. Бегу в гараж за машиной. Вечером ставлю свою лошадаку в новенькое стойло и бегу обратно. Домой. Бегу, дышу, ориентируюсь по звездам. А жизнь ставит новые задачи. Вот сейчас ремонт задумал, модные обои придется доставать. Это уже сверхмарафон. Не верите? Приезжайте в наш город — сами убедитесь.

ЮРИЙ ПРОКОПЕНКО

**ПОЗВОЛЬТЕ
ЗАМЕТИТЬ**

Я подошел к строительной площадке и крикнул что есть силы:

— Эй, там наверху! Вы как кирпич кладете? А раствора почему так мало? Экономить на новоселах решили? А балконы зачем лепите? Они ж вам работать помешают. Вы сперва стены покрасьте, а затем балконы прикраивать будете.

Строители удивленно уставились на меня, а я между тем продолжал:

— А движения какие ленивые! Стыдно смотреть. Вы что, бережете силы для других домов? Вот ты, в серой майке, ты чего сидя красишь? У тебя ж так ничего не выйдет. Кроме мазни, конечно. А цвет какой ужасающий! Давай что-нибудь повеселее.

Строители буквально замерли на месте, ошарашенные моим монологом.

— И вообще,— продолжал я,— глазомер у вас такой, как чувство ритма у коровы. Даже окна не умеете правильно расставить. А потом, что за чепуха— одно окно больше, другое меньше...

— Это не окно, а балконная дверь,— уточнил какой-то верзила.

— Прорабу будете такие сказки рассказывать,— отрезал я.— Наделали разных дырок в стенах, а теперь их дверьми называют.

— Вы чего работать мешаете?— подошел ко мне человек в шляпе.

— Уже доработались,— повисил я голос.— Дом не туда фасадом выпалили! Вы б его лучше повернули градусов на сорок-пятьдесят...

— Послушай, ты,— высунулся из кабины водитель самосвала,— если тебя откуда-то выпустили на час-два, это еще не значит, что тебе дозволено хулиганить.

— А на твоём месте другой просто молчал бы,— с вызовом ответил я шоферу.— Кто ж так руль держит?! И колеса не туда повернуты, словно бежать

собрался от автоинспектора. Да и сидишь неправильно, орелик! Тебе бетон кастрюлями таскать, а не возить таким самосвалом.

— Послушайте, кто дал вам право людей оскорблять?— раздалось сверху. Это крановщица высунулась из кабины башенного крана.

— А ты чего крючком размахиваешь, разве так панели переносят?!— пристыдил я ее.

Видимо, кто-то вызвал милицию? Потому что ко мне приблизился молодой сержант и отдал честь:

— Вы как честь отдаете?— перебил я его.— А свисток как держите? Это ж вам не сигарета...

— Попрошу со мной!— с ледяной вежливостью сказал он.

По дороге в милицию я сделал замечание продавцу мороженого, который не там стоял, где мне бы хотелось его видеть. Обругал дворника за то, что он метет тротуар не слева направо, а, наоборот, справа налево. Предупредил велосипедиста, что у него ноги не с того места выросли, потому что он тормозить не научился, и посоветовал старушке, ко-

ВИКТОРУ САНЕЕВУ

Олимпийский высший класс!
Мы такого не видали:
Совершил в четвертый раз
Он тройной прыжок

к медали.

ИЛЬЯ МИЛАНИН

ЗОЛОТО

торая несла как минимум двадцатикилограммовую корзину, не так усиленно дышать.

Кабинет участкового уполномоченного милиции воодушевил меня на целую обойму замечаний, которую я выпустил единой очередью. Лейтенант даже глазами захлопал.

— Чего вы дымите, как заводская труба,— дышать же нечем. А сейф где поставили? Ни пройти ни проехать! За такой стол, как у вас, в комиссионном копееки не дадут. А ручку как вы держите? Сколько у вас в школе было по письму?..

— Кто вы такой, чтобы всех учить?— наконец опомнился участковый.— Кто вам дал такое право?

— Кто я такой?— удивленно переспросил я.— Футболист! Кто дал мне право всех учить? А разве вы, болельщики, сидя на трибунах стадиона, постоянно не учите меня, как бить, куда бежать, кому пасовать? Разве не мне адресуются все эти возгласы: «Куда бьешь, мазила!», «Кому даешь, олух!»? Вот я и решил, что тоже имею право на некоторые замечания...

*Перевел с украинского
Ян Островский*

На соревнованиях был установлен рекорд. Студент пединститута Александр Шутов оказался в окружении многочисленной группы спортивных обозревателей, комментаторов и фотокорреспондентов.

— Скажите, Саша,— послышался знакомый голос спортивного комментатора,— что вы почувствовали вчера, когда сыграли в предварительном забеге своему сопернику?

Александр подумал и, как бы подыскивая слова, ответил:

— Вчера я испытал... как ее... ну, эту... горечь поражения.

Корреспонденты дружно улыбнулись.

Журналист из молодежной газеты поддержал радиоколлегу:

— Ответь, Саша, какие чувства ты испытывал сегодня? Расскажи о сегодняшнем дне!

— Сегодня другое дело. Сегодня, честно говоря, была настоящая... эта... ну, как ее... бескомпромиссная борьба. И я взял... реванш.

Корреспонденты улыбнулись, но не так дружно и широко.

— А были вы уверены, Александр, что победите?— выстрелил очередным вопросом спортивный комментатор.

— Да, у меня был хороший психологический настрой. Я чувствовал, что это будет для меня золотой финиш,— сказал Саша, особенно подчеркнув благородное прилагательное к слову «финиш».

Корреспонденты уже не улыбались.

— Скажите, товарищ Шутов, вы сегодня впервые в своей жизни завоевали первое место на подобных соревнованиях?— заинтересовался маститый журналист.

— Да, я сегодня впервые поднялся на верхнюю ступеньку пьедестала почета. Я впервые увенчан медалью из металла высшей пробы,— с достоинством ответил Саша.

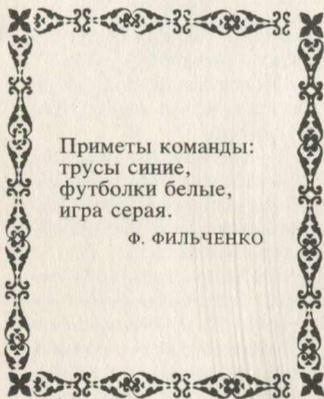
СУЛТАНУ РАХМАНОВУ

В списке прежних рекордов Султан
За поправкою вносит поправку.
Вот уж вправду спортивный гурман:
Всюду просит блины на добавку.

После неловкой паузы комментатор телевидения бодрым голосом задал вопрос:

— Кто вас готовит к соревнованиям, Саша?

Приметы команды:
трусы синие,
футболки белые,
игра серая.

Ф. ФИЛЬЧЕНКО

— Вы хотите спросить, кто мой наставник? Кто заслуженно делит успех своего питомца? Отвечаю. Это Сергей Николаевич Чугай, который меня все время опекает и щедро передает секреты мастерства.

При этом Саша тронул за плечо пожилого загорелого мужчину.

В механизме пресс-конференции что-то явно разладилось. В наступившей тишине резко прозвучали:

чали щелчок выключателя и стук захлопнувшейся крышки магнитофона.

— М-да,— грустно произнес один из интервьюеров.

— Вы, по-видимому, хотите спросить меня, чем я увлекаюсь, какое у меня хобби? Отвечаю. Принимаю участие в институтской самодеятельности, а кроме того, увлекаюсь поэзией и живописью, поскольку настоящий спортсмен должен быть не только физически сильным, но и духовно богатым, гармонически развитым человеком. Ну и, наконец, вы хотите задать мне последний традиционный вопрос: каковы мои дальнейшие планы? Отвечаю. Честно говоря, у меня и моего наставника планы с оптическим прицелом ...э-э-э... простите, с олимпийским прицелом.

Аплодисментов не было. Обычно шумная, веселая и галдящая стайка спортивных корреспондентов на этот раз расходилась молча и быстро.

Сергей Николаевич посмотрел на своего подопечного, обнял его за плечи и сказал:

— Кончай трепаться, работать надо...

**ФРИДРИХ
МАЛКИН**

**ПОСЛЕДНЯЯ
ТРЕНИРОВКА**

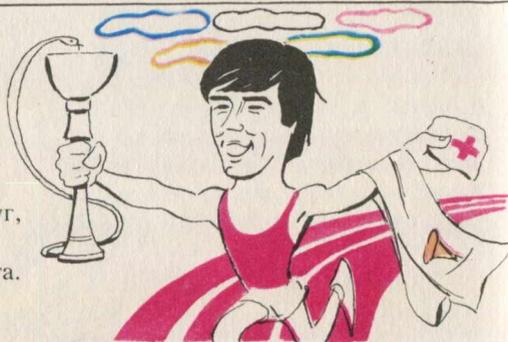
— Ну, ребята, завтра у нас ответственная игра, так что сегодня тренируемся на полную катушку! Основные приемы должны быть доведены до автоматизма. Верно я говорю?

Давай начнем с тебя, Коля. Выезжай сюда, на середину. А вы следите, ребята. Теперь к тебе приближается противник, и ты как подкошенный падаешь на лед. Понял задачу? Ну, давай! Падай! Ну что ты делаешь, Коля! Кто же так красиво падает? Так только в «Спартаке» падают, так то ж ба лет, а нам с «Крылышками» играть! Попроше надо, но и не очень грубо — тут переигрывать нельзя, главное — ответственность. Ну-ка, повторим! Падай! Имей только в виду, что в игре ты

ВИКТОРУ МАРКИНУ

Сенсация рождается не вдруг,
За ней работа до седьмого
пота.

Был камнем преткновенья
бег на круг,
Теперь он превратился
в круг почета.

не на этом месте должен упасть, а поближе к воротам противника. Упал? Теперь скорчись от боли. Да кто же так корчится? Ну-ка, Миша, покажи ему, как корчатся от боли! Т-а-а-к. Вот, Коля, смотри, как надо корчиться от боли! Ну-ка, повтори! Ага, сейчас ты недурно корчишься, только колленки к подбородку побольше подтягивай. Хорошо!

Теперь ты, Вася. Ты в этот момент прикрываешь Колю со стороны судьи, понял? Вот я судья, вот Коля лежит, а ты сюда, между нами, вкатываешься. Ага, вот так, только не боком, а грудью, грудью, да пошире плечи расправь! Еще разок эту сцену повторим. Я судья, я стою здесь, Коля оттуда выкатывается — выкатывайся, Коля! Теперь ты, Вася, заходи между нами, а ты, Коля, падай! Упал? Хорошо-о-о Вася проехал — судья ничего не видел! Вот теперь вижу, как Коля корчится! Хорошо! Отработали!

Теперь, ребята, сцена спора с судьей. Ты, Стасик, как наши во втором периоде станут выдыхаться, будешь спорить с судьей. Вот я судья. Подъезжай ко мне, подъ-

езжай. Т-а-а-к. Теперь спорь, доказывай. Что-о-о? Что ты сказал? Ну-у-у, Стасик, тут ты маленько перебрал — тебя за такие слова на десять минут могут с поля попросить. Тон у тебя верный, но только без этих... без грубостей. И руками, руками побольше жестикулируй. Ага, недурно! И возмущения побольше в лице подпусти. Стоп! Запомните, ребята, хорошенько это выражение лица. Если Стасик в нужный момент на скамейке штрафников окажется, любой из вас должен суметь его заменить. Правильно я говорю?

Теперь отработаем такой момент — сдвинуть ворота, если у нас заварушка. Ты, Женя, будешь сдвигать ворота. Знаешь, как это делать? Покажи. Стоп! Не так явно, Женя! Ты в падении на них навалишься, в падении! Не знаешь, как споткнуться? А ты клюшечку под конек себе сунь. Ну-ка, попробуй! А-а-а, вот это уже лучше. Только еще на полметра раньше начинай падать, тогда покрепче на ворота навалишься! Еще разок! В-о-т, теперь в самый раз!

Ну, и напоследок вратаря потренируем. Вот противник атакует, так? Что

В эстафете побеждает последний, который финишировал первым.

С. АФАНАСЬЕВ

делаем, Алик? Правильно, снимаем маску. Снимай! Жарко тебе в ней, дышать нечем, понял? И к бортику с маской в руке! Да не торопись так, Алик! Дай ребятам отдохнуть! Покажи судейской коллегии, что маска дышать не дает! Вот т-а-а-к. Теперь смени маску, приме-е-рь. Хорошо, можешь снова становиться в ворота.

Ну, ребята, кажется, все приемы отработали. Быстро в душ — и переодеваться! Тренировка окончена!

ВАЛЕНТИНУ МАНКИНУ

То, что он для яхты создан,
Всем доказывал не раз.
Вот и снова, в классе «Звездный»,
Показал сверхзвездный класс.

ШАХМАТЫ
ПО
ПЕРЕПИСКЕ

В последнее время увлекаюсь шахматами, обожаю играть, особенно если выигрываю,—но какого ж это требует большого ума! А также ума, скажу вам по секрету, чисто женского... Забьем читаю сейчас шахматную литературу: какая фигура как ходит при разных комбинациях—верите, оторваться нельзя, тем более если имеются жертвы в комбинациях, то и дело заглядываешь в эндшпиль—чем же все это кончится!

Особенно мне нравится, как ходит конь, этой самой буквой «Г». Фигура! О, если б он еще и другими буквами мог ходить... А эти маленькие беспомощные пешки, которых постоянно бьют! Все, кому не лень... И при этом они еще выбиваются в ко-

ролевы! Главное тут—методически ходить, не стоять на месте... И ходить-то всего ничего: е2—е4—е6—е8—е10... Ой, простите, не туда пошла! А это, доложу вам, самое опасное в шахматах! И это я усвоила с ходу...

Конечно, сидеть часами за какой-то деревянной доской да еще с противником напротив я уже не в силах, годы не те, к тому ж никак не привыкну к правилу: «*riécе toucher—riécе jouer*», как пишут в иностранных источниках, «тронул—ходи», обязательно все фигуры перещупаю! Зато в шахматах по переписке я, можно сказать, корифей! Судите сами. Недавно предложил младшему сыну:

— Давай, Вася, сыграем в шахматы по переписке! (Сын в другом городе живет.) Я—белыми.

— Что ты, мама,—смеется,—у меня третий разряд по шахматам! А ты, наверное, только учишься ходить.

— Да, конечно,—говорю,—могу иногда совсем не тем пойти, чем надо, а если тем, то совсем не так. Но чем черт не шутит...

Заставила его все же сесть за доску! Поначалу, правда, туго мне приш-

лось, схватила пешку, ну и безвременно лишилась слона! Такой симпатичный стоял... Хорошо, потом еще две пешки взяла—обе без лишений—и с огромным подъемом брала бы дальше. Но тут ему получился мат!

«Давай,—прислал сын телеграмму,—еще сыграем». Спортивный азарт! А мне что? Пожалуйста, тем более чувствую, что нахожусь в расцвете сил!

Стали мы, значит, играть по переписке вторую партию. Пожертвовала качество, в конце концов, перешли в этот... ладейный эндшпиль! Но с разноцветными слонами.

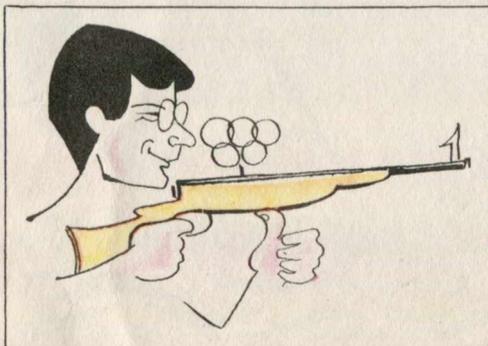
Сын предложил ничью.

— Соглашайся,—стали уговаривать меня родственники.—И без того растянулась партия. Ведь так можно всей своей жизнью пожертвовать!

— Что наша жизнь? Игра!—цитирую из литературы (не шахматной).

Тут родственники стали приводить бесчисленные цитаты из шахматной литературы, в том смысле, значит, что разноцветные слоны—это бесспорная ничья, тем более если с родным сыном играешь.

Но я продолжаю борьбу, точными ходами добиваюсь преимущества и,

ВИКТОРУ ВЛАСОВУ

Хладнокровие, меткость, сноровка,
Но, чтоб «яблочко» падало спелым,
Верно служит спортсмену винтовка
С золотым олимпийским прицелом.

хотите верьте, хотите нет. выигрываю вторую партию!

Между прочим, прослышав про мои успехи, и старший сын прислал телеграмму: «Давай тоже сыграем по переписке». А у него первый разряд! В общем, играю теперь на двух досках — и со старшим сыном: не знаю, как дальше пойдет, а пока у меня лишняя ладья... Интересно, как удается выигрывать? Могу открыть спортивный секрет, только соперникам ни слова! Мне один grosмейстер помогает... Сперва, конечно, и слышать не хотел, чтоб помочь, когда я пришла к нему не то перед вторым, не то перед третьим ходом и сказала:

— Если не поможет, то я уже на четвертом ходу проигрываю...

Он меня чуть не выгнал:

— Не разрешается помогать, — говорит. — Не этично это!

— Ничего страшного, — стала его успокаивать, — с родным сыном играю. Очень прошу, подскажете...

— Но почему взяли играть, если не умеете?

Пришлось признаться:

— А иначе ведь как дожидешься от сына письма?

КАК ЧУТЬ НЕ ЗАВАЛИЛИ КАНАРЕЙКИНА

Удивительный случай недавно произошел при защите диссертации... Защищаются у нас каждую пятницу (чтоб удовлетворить всех желающих, говорят, семь таких пятниц надо б на неделе!).

В тот день Канарейкин Ю. В. защищался. Графики и диаграммы повсюду развесил, основные выводы (золотыми буквами на ватмане) — как раз против ученого совета... А название диссертации (золотыми буквами на специальном щите) к стенке приставил — полтора квадратных метра заняло по площади! Три латинских непонятных слова, остальные все русские, тоже непонятные...

Сперва шло как обычно. Сергей Сергеич, старший член совета, едва началась защита, попросил экземпляр диссертации, углубился в нее и спустя минуту уже дремал... После чего сосед его слева попросил экземпляр, по-

том справа соседи стали просить...

— Нету больше экземпляров, товарищи! — вскоре сделал сообщение ученый секретарь. — Все на руках...

— Вечно мне не достается! — в сердцах произнес Петр Петрович, почетный член совета (как заместитель, он присутствовал только на четных заседаниях), и, вынув из бокового кармана лист бумаги с какими-то кружочками, стал рисовать новые кружочки...

Уже Канарейкин прочел доклад, а ученый секретарь — отзывы официальных оппонентов, а также неофициальных и просто отзывы...

Уже благополучно ответил Канарейкин на неизбежные в таких случаях вопросы, представленные в письменном виде, а также на один устный, и встал ученый секретарь и спросил:

— Есть ли еще вопросы?

Уже наступила пауза, означавшая, что вопросов больше нет, пора приступать к голосованию... И тут из дальнего конца зала явственно послышался голос ассистента Лямкина (видимо, дискутировали там):

ВЛАДИМИРУ КИСЕЛЕВУ

Удивлять алхимией старо,
Но бывают чудеса порою:
Он толкнул чугунное ядро,
А в траву упало золотое.

ЖОЗЕФ МОНЛУИ

САМОЗВАНЕЦ
№ 17

— Интересно, возьмет все-таки тбилиское «Динамо» кубок или не возьмет?

— Не возьмет,— машинально ответил Канарейкин.

Что тут поднялось! Сергей Сергеевич сразу протер глаза и к диссертанту:

— Да ничего вы, уважаемый, не смыслите в этом деле!

— Простите, — поправляется Канарейкин, — возьмет...

Но тут вмешивается Петр Петрович (почетный член совета):

— Профан вы! — Это в сторону Канарейкина. А в сторону своих коллег: — Вот увидите, московское «Динамо» возьмет кубок! А тбилиское...

— Не возьмет! — успев вставить Канарейкин.

Тут уж и ученый секретарь не выдержал:

— Да есть ли у вас, в конце концов, свое собственное мнение? Ведь собираетесь стать кандидатам наук!

И что вы думаете, под настроение чуть не завалили человека!

С ассистентом Лямкиным не здороваются теперь порядочные люди.

Поль дышал как загнанная лошадь, зеленая майка с номером 17 потемнела от пота. А втравил его в эту историю, как всегда, Жак с его неистощимыми запасами «гениальных» идей.

Пару дней назад Жак разработал план, позволяющий им вдвоем, располагая лишь одним билетом, посмотреть на стадионе финальный забег на десять тысяч метров.

— Находчивость прежде всего, а в этом нам не откажешь, — изрек Жак. — Достаточно достать майку национальной команды Палезии, номер на майку, шорты и шиповки. Для меня это пара пустяков.

Да, с тех пор как Поль его знал, Жаку не было равных в смекалке. В школе они сидели за одной партой. Жак списывал

у Поля контрольные работы и всегда умудрялся получить за них лучшие оценки, чем сам Поль. Потом они ушли в армию и потеряли друг друга из виду, а снова встретились на автосборочном заводе. И опять старая история: Поль по дружбе доделывал за Жака незаконченную работу, что не мешало Жаку принимать похвалы начальника цеха.

И сегодня Жак с чмоданчиком в руках важно прошествовал на трибуну, а Поль в трусах и палезийской майке пробежал мимо контролера, тореадорски отсалютовал рукой. Контролер ответил вежливым поклоном: зеленая майка работала безотказно. Очутившись на стадионе, Поль махнул было вверх по ступеням к Жаку, но ажан твердой рукой схватил Поля за локоть. «Вам туда, месье», — и любезно довел его до беговой дорожки.

...Только на пятом круге Поль понял, что произошло. Недалеко от выхода на поле, с трудом сдерживаемый судьями, отчаянно жестикулировал брютет в зеленой майке. Бедный малый, должно быть, опоздал — проснул-

ВИKTOPY KPOBOПУCKOBY

Он бесспорно ведущий саблист
В мировом фехтованье на сабле.
И, конечно, бесспорный солист
В золотом олимпийском ансамбле.

ся по своему палезийскому времени...

Поль старался как мог затеряться в толпе бегущих, но другие участники, похоже, были удивлены — они никогда не видели его в предвзятых забегах и словно спрашивали себя: откуда взялся этот тип с его расхлябанной манерой бега? У Поля было ощущение, что на него смотрят, как на собаку, выбежавшую на площадку, где идет игра в кегли.

Спортсмены расчетливо замедлили темп, выпуская Поля вперед: пусть-ка эта «темная лошадка» поведет бег, а мы пристроимся за ним, пока он не выдохнется. Но у Поля вовсе не было желания лидировать. Да, впрочем, он и не был способен на это: его опыт по бегу на длинные дистанции ограничивался пробежкой от дома до автобусной остановки, когда он опаздывал на завод.

Группа бегунов двинулась важно и медленно, как группа сенаторов на прогулке. Прощай, олимпийский рекорд! Прощай, рекорд мира и Европы!

Видя, что все молчат, Поль решил завести беседу. «Хэлло, месье,— обратился он к соседу,— почем у вас тут на рынке

наши палезийские бананы?» Но соседи ритмично дышали и отделялись вежливыми улыбками. Глаза у них были настороженные.

Тренеры в отчаянии рвали на себе волосы. Болельщики на трибунах, решив, что перед ними хитрейший тактический вариант, затаили дыхание.

В конце концов, за два круга до финиша один из участников все-таки решил нарушить сонное очарование забега. Он ускори темп, его инициатива разбудила весь «рой»: конкуренты ринулись вперед, и Поль остался в одиночестве.

Что было делать? Мужественно финишировать последним? Ничего позорного Поль в таком варианте не видел. Но на последней прямой, за сотню метров до конца этой авантюры, он заметил на финише толпу тренеров и судей, к которым присоединились и полицейские, не оценившие почему-то его шутки. Вряд ли они дожидались его для принесения поздравлений...

И тогда озадаченные зрители увидели, как номер 17 сделал спринтерский рывок... но в сторону от беговой дорожки, к трибунам.

Когда диктор объявил, что в забеге принимал участие неопознанный самозванец, смех был всеобщим.

Этот громовой раскат коллективного хохота Поль и Жак услышали в подтрибунном баре. Поль уже успел натянуть спортивный костюм, извлеченный из чемодана Жака. Белокурая барменша оторвалась от цветного телевизора и, усмехнувшись, подала парням по кружке пива.

В дверь заглянул запыхавшийся полицейский.

— Сюда не забежал нахальный тип под номером семнадцать? — спросил он.

— Я не нумерую своих клиентов, — пожалла плечами барменша.

*Перевела с французского
Т. Руденко*

ТАТЬЯНЕ КАЗАНКИНОЙ

Хотя, как утверждал поэт,
Гарун бежал быстрее лани, —
Сегодня он, сомнений нет,
Заметно б уступал Татьяне.

В техникуме начались приемные экзамены. Алексей Иванович Малахов, один из старейших педагогов, беседовал с белобрысым крепышом.

— Итак, Букашкин,— начал Алексей Иванович,— вы решили заняться технологией производства вязущих материалов?

— Да-да,— охотно согласился белобрысый.— Давно тоскую по чему-нибудь вяжущему...

— Прекрасно! Кстати, сколько вы классов закончили?

— Девять.

— Так... И где же работаете?

— На заводе.

— Это замечательно!— чуть не прослезился Малахов.— А кем? Слесарь? Токарь?

— Я старший тренер,— с достоинством ответил Букашкин.

— Что-что?— удивился Алексей Иванович и потер затылок.— Вот это да! Молодцом!

Следующим был Осетровский, высокий парень с модной челкой.

— Где и кем работаете?— задал вопрос Малахов.

— Заведующий заводской лабораторией,— отчеканил тот.

— Вот так даже?— изумился Малахов.— А сколько же вам, извините, лет?

— Девятнадцать. А что?

— Слушайте, вы не шутите, Осетровский?— Малахов подозрительно прищурился.

Когда вошел очередной абитуриент, огромный розовощекий верзила, Алексей Иванович настороженно осмотрел его с ног до головы.

— Работаете на заводе?— автоматически выпалил Алексей Иванович.— Небось, старший инженер?

— Нет, что вы,— покраснел тот.

— Неужели токарь?— радостно встрепенулся Малахов.

— Что вы!— еще боль-

ше смутился парень.— Начальником цеха вкальваю.

— Что вы все тут надо мной издеваетесь?— закричал вдруг Малахов.— Разыгрываете старика? Безобразие!

Когда дверь захлопнулась, Алексей Иванович ослабил галстук, сунул под язык валидол и дрожащей рукой стал набирать номер телефона.

— Дмитрий Федорович, это я, Малахов. Мальчишки тут меня, старого, разыграли. Один говорит, что он старший инженер, другой—начальник цеха, третий... Выгнал я их.

— Да вы что!— зарычала трубка.— Немедленно верните! Я совсем забыл вас предупредить— ребята оформлены на эти солидные должности. Они же за наш район в хоккее играют. Сообщайте?

КЕТЭВАН ЛОСАБЕРИДЗЕ

Направленный в прорезь прицела
Спокойный, уверенный взгляд,
И в самое «яблочко» стрелы,
Крылатские стрелы летят.

— На е7 не повезу:
нешком
дойдешь!

Подошел ко мне на работе начальник и говорит:

— Ты, Гриша, завтра на марафон побежишь от нашего учреждения.

— Никуда я не побегу! — возмутился я. — Мне скоро на пенсию.

— Так ты же, — говорит, — у нас самый молодой, да и бегство это будет в рабочее время.

— Ну, раз в рабочее, я согласен, — смягчился я.

Пришел я на следующий день на старт. Поздравляли нас, пальнули в воздух из револьвера, и мы побежали куда надо. Все участники норовили обогнать друг друга, а я не торопился — в рабочее же время бегая. Один бегун поймал на дороге такси и поехал к финишу.

— Что же это за безобразие такое! — возмутились другие участники. — Нет чтобы, как все люди, на автобусе ехать, в такси уселся, пизюн.

Сели они в свой автобус и поехали. А мне спортивная гордость не позволила воспользоваться общественным транспортом. Один я остался. Скучно мне стало, затосковал я да и голод почувствовал. Зашел в ресторан, пообедал. Вроде не так одиноко стало, потом в кино сходил.

«Где же я ночевать-то буду?» — задумался я.

Пошел в гостиницу. Мест там, естественно, не оказалось. Вспомнил я, что у меня здесь родственники живут. Пришел к ним, а там свадьба. Два дня не выпускали они меня, а на третий день ночью тайком выбрался я от них и пошел дальше.

Пришел через неделю к финишу. Думал, все про меня давно забыли, а оказалось, помнят. Ждали меня с нетерпением. Оркестр, цветы, девушки в лоб целуют.

— За что, — спрашиваю, — такая честь?

— Так ведь, — отвечают, — в Древней Греции чествовали не только победителей марафона, но и самого последнего марафонца. Ты и есть последний. А всех остальных вообще дисквалифицировали, потому что они прямо к финишу на автобусе прикатили. Не могли на предпоследней остановке слезть.

Ну что ж, приятно, конечно, что не забыли про меня. Начальник неделю отгула дал.

Пришел я на работу, а он мне говорит:

— Опять, Гриша, готовься к марафону. Завтра побежишь.

— С удовольствием, — отвечаю.

Так и бегу с тех пор.

ТЕМНОЙ НОЧЬЮ

Была холодная осенняя ночь. Планка стояла на высоте 2 метра 45 сантиметров.

Я разбежался, взлетел и бухнулся в мокрый песок. Планка не шелохнулась. Я засмеялся от расправившего меня счастья. Это был мой десятый мировой рекорд. На футбольном поле мелькнула чья-то тень. Я вздрогнул от неожиданности и растянулся на песке так, чтобы меня не обнаружили. Фигура растаяла в темноте. «Слава богу, — облегченно вздохнул я, — кажется, меня не заметили».

Представил я себе, что было бы, если б узнали про мои рекорды, и пришел в ужас: слава, деньги, женщины... Ни минуты покоя; где бы я ни появлялся — меня осаждают толпы поклонников. Мне с моей-то внешностью приходится выступать по телевизору. Женщины морочат мне голову, и я бросаю любимую работу лифтера. Жизнь моя разбита.

Вот почему по ночам, когда все честные люди спокойно спят, я тайком устанавливаю мировые рекорды.

Тренер мой Константин Прокофьевич, когда я бронзу в пятый раз проиграл, так выразился:

— Ты, — говорит, — Сеня, фигурист замечательный. Даже, извини меня, экстракласса. Только, понимаешь, артистизма в тебе чересчур много. Руками машешь, словно птица с огорода отпугиваешь. И судей это шокирует.

— Что же мне теперь делать, Константин Прокофьич? — спрашиваю. — В балет на льду уходить?

— Рано, — говорит, — себя ты, Сеня, хоронишь. Как сказал один прогрессивный философ, из любого тулупа, даже тройного, дубленки не сошьешь. И вот что я по этому поводу думаю. Сеня, надо тебе, дружок, в паре кататься. Мы тебе уже и партнершу подобрали. Девочка, извини меня, — упадешь не встанешь. Будет что показать в Европах.

Ну, прихожу я на следующий день тренироваться, залетаю в зал и действительно чуть не падаю. Потому что из дальнего угла зала прибегает ко мне какой-то карапуз примерно трехлетнего возраста и завывает:

— Здравствуйте, дядя! Будем работать вместе!

— Знакомся, — говорит Константин Прокофьевич. — Это наша Олечка!

— Что это, — спрашиваю, — за ясли?

— А это, — говорит тренер, — и есть твоя будущая партнерша. Она, между прочим, кандидат в мастера, на льду с двухгодичного возраста. Рядовой наш спортивный вундеркинд, одним словом.

— Да вы что, — говорю, — издеваетесь? Меня ж все ребята на смех поднимут, если узнают, что я с этой пигалицей катаюсь.

— Ну и пускай, — подмигивает Константин Прокофьевич. — А пусть-ка они попробуют со своими великовозрастными партнершами подкрутку в шесть оборотов продемонстрировать. А Олечка наша и не то исполнить умеет!

Ну, делать нечего, стали мы заниматься. Оля действительно очень способным дитем оказалась. Тройной ритбергер для нее — плевое дело, а дорожку «серпантин» она вообще выполняет как заведенная. Я ее только любить успевал.

— Стой, — говорю, — дай дух перевести. Замотала ты меня до предела.

А Оля не слушает, вырывается. Прыгает, бега-

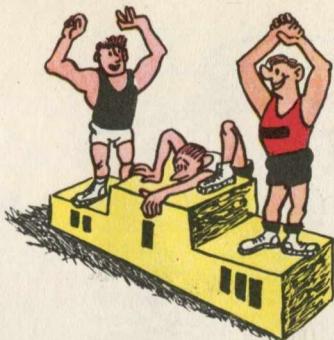
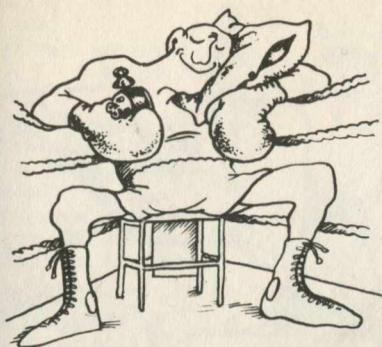
ет, только косички свисят.

Короче, выбрались мы с ней на международные соревнования. Константин Прокофьевич гоголем ходит, сенсацию мирового масштаба предчувствует. Я тоже весь из себя торжественный. «Ну, — думаю, — сейчас точно золото завоюю. Потому что моложе и энергичнее моей партнерши быть уже вовсе не может!»

И тут объявляют:

— На льду итальянский фигурист Джулио Сидорелли в паре с восьмимесячной Лолой Виrado!

У меня прямо в глазах потемнело. А Константин Прокофьевич как стоял, так за сердце схватился и медленно оседать начал. Но, на наше счастье, итальянца дисквалифицировали: его партнерша не умела ходить, и Джулио приходилось все время носить ее на руках. Так что меня и Олю уже ничто не отделяло от пьедестала почета!

ВЛАДИМИР ПОРТУГАЛОВ

ЗНАМЕНИТОСТЬ

С тех пор как я себя помню, родители мечтали видеть меня чемпионкой. И не какой-нибудь рядовой знаменитостью, а непременно ослепительной олимпийской звездой. Едва мне исполнилось пять лет, мама купила мне спортивный костюмчик и повела на просмотр в секцию фигурного катания.

— Ну что же, — пришел к заключению тренер, — девочка подвижная, гибкая. Надо работать.

— Вы думаете, есть надежда? — спросила мама.

— Увидим, — ответил тренер уклончиво.

Через некоторое время, когда я уже твердо стояла на коньках и без посторонней помощи могла передвигаться по льду, произошло непредвиденное. Я начала так бурно расти,

что скоро все дети в группе оказались мне по плечо.

— Если так дальше пойдет, — предупредил тренер маму, — на чемпионские лавры трудно рассчитывать. Наш вид спорта несовместим с гигантизмом. Просто фигуристка из нее, может, и выйдет...

— Нет, — отрезала мама. — Только чемпионка. И только олимпийская. На другие условия мы не согласны.

— Тогда не обессудьте, — развел тренер руками.

Вечером в результате долгих семейных дебатов маму озарила идея:

— Слушайте! А не отдать ли ее в баскетбол?

Мысль показалась разумной, и меня отвели в баскетбольную секцию. Так я научилась достаточно сносно прыгать и даже изредка попадать по кольцу. Но зато, к расстройству родителей, непонятно почему перестала расти.

— Неужели ничего нельзя сделать? — с умоляющим видом обратилась к тренеру мама, но тот лишь пожал плечами.

— В таком случае девочку я от вас забираю, — заявила мама обиженно и глянула на тренера так, словно именно он был во всем виноват.

Долго после этого родители не могли придумать ничего конструктивного. Но вот когда в пионерском лагере я поправилась сразу на пять килограммов, маму вновь осенило:

— А иди-ка ты в легкую атлетику! Будешь толкать ядро.

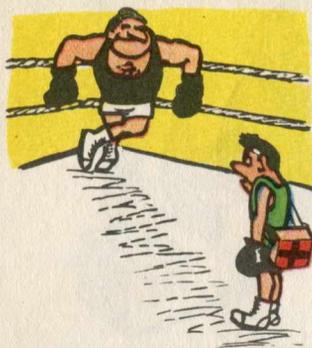
Для развития силы папа велел мне заниматься гантелями, а для стимуляции веса мама перевела меня на мучную диету. Наверное, одно нейтрализовало другое. Сколько я ни ела мучного, вес мой — хоть лопни! — был близок к нормальному.

— Что же делать? Что делать? — впала в отчаяние мама. — Не выйдет, не выйдет из нее чемпионки!

— Может, отдать ее в шашечный клуб? — внес предложение папа. — Там рост и вес не имеют значения.

— Не смеши людей, — отмахнулась мама. — Где ты видел, чтоб шашкист по телевизору показывали?..

И вновь на семейном совете решается вопрос: как совместить мои природные данные со спортивными передачами Центрального телевидения? Желательно в цветном изображении.

**САВЕЛИЙ
ЦЫПИН**

**ФИГУРНОЕ
КАТАНИЕ**

У мамы после работы собрание, и Дианку в школу фигурного катания отводит отец.

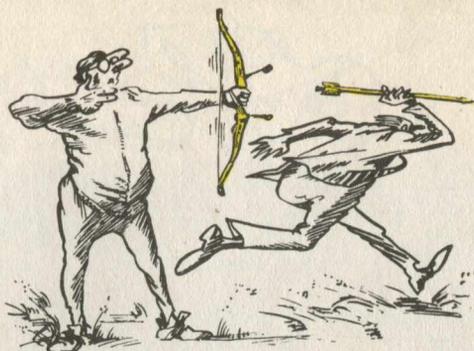
— Товарищ Белявский,— окликает его тренер.— Вас вызывают.

Директриса, откатавшая свое блондинка, встречает родителя с ледяной суровостью.

— Вы, разумеется, хотите воспитать свою дочь честной?

— Разумеется,— не понимает Белявский.

— А какой родительский пример подаете ей сами?— директриса с наслаждением выдерживает паузу.— Вам известно, как трудно попасть в нашу школу? В этом году в группе начинающих было только одно,— она показывает палец, украшенный сверкающим, как льдинка, бриллианчиком в

**ЮРИЙ
ЗОЛОТАРЕВ**

НЕПОНЯТЛИВЫЙ.

скромной, но изящной золотой оправе,— одно свободное место.

— Знаю,— кивает отец.

— А вы знаете, что на это одно-единственное место было шесть претендентов: врач, пианист, инженер, педагог и даже уборщица из магазина подписных изданий. А взяли вашу Дианку. Как думаете, почему?

— Не знаю,— краснеет Белявский.

— Знаете, и притом отлично! Прикинулись, что работаете кем? Грузчиком на мясокомбинате. А кем оказались на самом деле, а, Белявский? Стыдно сказать — профессором, доктором биологических наук. Коварный и низкий обман.

— Я пошутил...

— Хороша шуточка! Я собираюсь сообщить об этом позорном поступке ректору вашего университета.

— Не стоит,— Белявский глядит директрисе в глаза.— Я искуплю свою вину. И, ради бога, не говорите ребенку.

— Ладно уж, что я, не понимаю,— смягчается та.— Ведь у меня самой дочь. Кончает десятилетку. Мечтает стать биологом.

Время матча идет к концу. Счет один—ноль. Мяч вылетает за пределы поля, и судья жестом показывает, что надо вбросить аут.

Футболист кивает и хочет пробить штрафной.

Судья еще раз показывает, что надо делать.

Футболист пожимает плечами и разводит руками.

— Аут!— кричит с бровки помощник судьи.

— Аут!— кричат с трибун.

Футболист радостно кивает: дескать, все понял— и... отдает мяч своему вратарю.

Тогда к нему подбегает разъяренный соперник:

— Не соображаешь, что ли?

— А что?

— Да ведь тебе ясно, кажется, говорят.

ВЛАДИМИР ПАНКОВ

**СПЕЦИАЛИСТКА
ПО ФУТБОЛЬНЫМ
ЭМОЦИЯМ**

— О чем?
— Аут надо сбросить!
— А-а... Пожалуйста,
вбрасывайте.

Тут судья высоко поднимает секундомер и показывает на него: прибавляю время!

И футболист выигрывающей команды мгновенно вбрасывает аут. Он как-то сразу все понял!

РАЗОШЛИСЬ ВО ВЗГЛЯДАХ

Жена известного полузащитника повздорила однажды с женой не менее известного нападающего. Разошлись во взглядах. То ли на фасон сумки, то ли на длину юбки.

Перед очередной календарной игрой жена полузащитника строго сказала супругу:

— Наставление будет такое. Мужу этой негодницы пас ни в коем случае не давать!

— А если он окажется в выгодном положении?

— Тем более. Сколько раз я тебе говорила: зачем из невыгодного положения помогать тому, кто попал в выгодное? Дашь пас — перестану тебя уважать. Все. Иди. Бегай.

А в это время жена нападающего той же команды поучала своего супруга:

— На поле с мужем этой безобразницы не смей поддерживать никаких контактов! Вздумашь сыграть в стенку — между нами вырастет глухая стена. Пусть эта семейка сама забивает голы. Твоя хата — с правого краю. Все. Иди. И не бегай.

Вот кто скажет, что самое главное в футболе? Некоторые считают, что ноги, некоторые — что голова, но я-то точно знаю, что в футболе самое главное — это... поцелуй.

Да сами посмотрите: как только гол забит — игроки целуются. Да они, может, из-за этого только и голы забивают — чтоб поцеловаться лишний разок.

Ну, голы-то эти свои они еще как-то забивают, с горем пополам, но вот целоваться, с моей точки зрения, не умеют...

Ну разве ж так целуются? На бегу, кто в щечку, кто в ухо... Так только в дворовых командах целуются, а не в командах мастеров. И кто только им поцелуи ставил?..

Специалистов разных в командах сейчас пруд пруди — и старший тренер, и просто тренер, и психолог, и по физподготовке, и по воспитательной работе, а вот по поцелуям — такого специалиста почему-то нет.

А я бы пошла, если бы меня пригласили. На мои тренировки игроки всегда бы с охоткой шли. В белой рубашечке с галстучком, бритые, как лимончики...

Для начала они бы у меня перед зеркалом по-

упражнялись. Воздушные поцелуи со значением. Разминка, так сказать. Для губ, для бровей.

Потом поцелуи с чувлом. На меткость. В губы поцеловал — десятка, в лобик — восьмерка, в ухо — три очка, остальное — в молоко.

Дальше — тренировка на время. Кто дольше. Это очень соперника будет нервировать. Ему отыграться не терпится, а вы впилитесь друг в дружку и время тянете.

Следующее упражнение — лобзания. Лобзание от поцелуя отличается глубиной. Тут уже одной техники мало, тут глубина нужна, чувство. При особо глубоком лобзании даже судья оторвать не сможет.

Но все это пока тренировки с чулом. Прежде чем игрокам дадут целовать человека, им придется, как это всегда делается в науке, испытать себя ну хотя бы на кроликах.

Это приучит их к реальности. Потому что иной раз такой крокодил гол забьет, что целоваться с ним без тренировки будет выше сил. Но настоящему мастеру поцеловать такого крокодила должно быть все равно что раз плюнуть...

Так что чем больше будет у нас в футболе поцелуев, тем больше голов, тем больше побед. А когда-нибудь, может быть, мы даже станем чемпионами мира. По поцелуям, разумеется...

Ну вот, а теперь скажите: разбираются женщины в футболе или не разбираются?..

— Ты такой рассеянный и легко можешь заблудиться.

Почему в наш XX космический век, в век, когда, кажется, все и вся поставлено на научную основу, мы не используем в футболе электронно-вычислительную машину? ЭВМ и только ЭВМ может объективно в тысячные доли секунды проанализировать обстановку, из сотни вариантов выбрать оптимальный и подсказать единственно верное решение.

Лучше один раз посмотреть, чем десять раз подслушать, поэтому закрыйте глаза и представьте себе такую картину...

Середина XXI века. Еще светит солнце. Из репродукторов летает пение птиц. Сегодня в Лужниках небывалый спортивный праздник. В товарищеском матче встречаются фаворит латино-американского футбола бразильский клуб «Васко да Гама» и московский «Спартак».

За воротами соперников установлены небольшие ЭВМ пятого поколения. Главный тренер команды «Спартак» — доктор физико-математических наук, работает здесь на полставки — восседает за пультом управления. Игроки разминаются в поле. Тренер привычными движениями нажимает кнопки, прове-

ря работу отдельных узлов. Рядом рассаживается вычислительная группа.

Мерно посвечивают голубым светом экраны телеметрических систем. Осциллограф выдает одну синусоиду за другой. Парафазная антенна вращается.

Тренер начинает проверять радиосвязь:

— Пятый? Пятый, как слышно? Шестой? Шестой, отзовись.

У игроков за правым ухом установлен универсальный радиоприемник. Футболисты поднимают руки, что означает — слышимость нормальная.

Зрителей на трибунах пока мало. Болельщики сидят внизу в библиотеке и изучают матобеспечение соперников.

Итак, наконец свисток... Игра началась.

Центрфорвард команды «Спартак» экстра-суперзвезда Александр Нечайкин, овладев мячом, рванулся вперед и хотел обвести бразильского полузащитника, но радиосвязь передала: «Пас десятому». Александр нехотя расстается с мячом. Десятый тотчас осведомлен: «Рывок на тридцать метров. Ждите дальнейших указаний». Когда он пробежал двадцать пять мет-

ров, за ухом прозвучало: «Пас налево, вразрез, де-вятке»...

Но вычислительная группа «Васко да Гама» не дремлет, всевозможные варианты нападения учтены. ЭВМ «Спартак» ищет ключи к защите бразильцев, но пока безрезультатно. Напряжение возрастает. Счет идет на тысячные доли секунды.

Что творится у ЭВМ за обоими воротами — это надо видеть! Сотрудники в лихорадке, их руки мелькают, как спицы в колесе. Сколько тумблеров! Сколько кнопок!

Трибуны затаили дыхание. Кто — кого? Кто — кого?

И, наконец, о счастье! — наконец, наша ЭВМ выдает алгоритм нестандартной комбинации:

- 1) Восьмой, чтобы остаться без опеки, подворачивает ногу и падает.
- 2) Пас открытому восьмому.
- 3) Восьмой, не вставая, накидывает мяч Александру Нечайкину.
- 4) И Нечайкин, развернувшись,
- 5) приняв мяч на грудь,
- 6) размахнувшись,
- 7) не давая мячу опуститься на землю,
- 8) с правой ноги
- 9) по эллиптической траектории с эксцентриситетом $\epsilon = 0.99753$,
- 10) с номинальным ударным давле-

Прходная пешка:
— Я от Ивана Ивановича!

нием 887·37 кг/см² 11) лупит в левый верхний...

Трибуны — ах!

Но мяч еще не оторвался от кончика бутсы Нечайкина, а ЭВМ «Васко да Гама» телеметрической системой замеряет скорость и начальный вектор мяча. Сразу вычисляются элементы траектории и передаются вратарю. Голкипер вытягивается в броске, немного не достает... и мяч, чиркнув по перчатке, ввинчивается в сетку ворот. Го-о-о-о-о-о!!!

Прямо удивительно, как от такого термоядерного рева трибун стадион не рассыпался на куски! Вычислительная группа команды «Спартак» встает и раскланивается. Да, они потрудились на славу. Один из сотрудников, пока мяч несут в центр поля, прилег рядом с ЭВМ отдохнуть.

А игра продолжается... И опять инициативу перехватывает «Спартак». Молниеносные комбинации, карнавал финтов, все отлажено до сантиметра, до доли секунды. Мяч немолимо движется к воротам «Васко да Гама». На острие атаки Александр Нечайкин. Вот он уже в штрафной площадке. Вот заключительная часть комбинации... И тут, вид-

но, у тренера бразильцев не выдерживают нервы. Он врывает искроразрядное устройство, создавая тем самым радиопомехи.

Игроки останавливаются. Трибуны свистят. Судья идет разбираться. Да, такой футбол нам не нужен!

Пожалуй, тут пахнет пенальти. Так и есть, арбитр показывает тренеру гостей — сеньору Армандо Нунес Амарал да Кастанейра Дондино желтую карточку, отбирает незаконное устройство и назначает одиннадцатиметровый.

Мяч устанавливается против ворот. В ЭВМ «Спартак» срочно вводятся все известные данные о вратаре «Васко да Гама» — всемирно известном, легендарном «бикампеоне» — вплоть до веса и роста при рождении. Куда же бить?! Сто тысяч сердец болельщиков замирают как одно. Неожиданно в нашей ЭВМ перегорает предохранитель. Его заменяют. Новый предохранитель летит опять. Судья останавливает секундомер и выходит на связь:

— Сколько можно тянуть резину? — спрашивает он тренера «Спартак».

Третий предохранитель тоже не выдерживает. Южную трибуну, где сидят бразильские «горседорос», охватывает вихрь безумия. От грохота барабанов, тамбуринов, педард, сурдос и тарелок дрожит стадион. Сотрудники «Спартак» смотрят вопросительно на тренера. Тот не хочет брать на себя ответственность и связывается с «Федерацией футбола». Сверху приходит приказ:

— Ставьте гвоздь.

И вскоре машина начинает выдавать информацию: **Привет участникам соревнований! Играйте в «Спортлото»...ото...ото...оооооооо**

Да, ЭВМ перегрелась. Вынужденный тайм-аут. Придется подождать.

Вот таким будет футбол будущего: виртуозный, с использованием всей гаммы научных достижений. А основным игроком будет ЭВМ. И к этому надо готовиться уже сейчас. Ну, а в случае ничейного результата обе машины будут играть блицпартию в шахматы.

Усиленная тренировка

Экзамен в институте физкультуры.— Следующий!

ПАУПИКО

**ПОЧЕМУ
Я СТАЛ
БОДЕЛЬЩИКОМ**

— Почему я футбольный болельщик? Что за глупый вопрос! Я болею, потому что у меня есть на то четыре основных и много вспомогательных причин.

Во-первых, я нигде не могу кричать, а это мне просто необходимо. Понимаете, у меня такой организм, что время от времени ему нужен крик. При чем чтобы кричали не на меня, а чтобы кричал я. Футбольное поле для этого—самое подходящее место. Помните: я служащий, женат на крупной, тяжелой—я имею в виду и характер, и вес—женщине, довольно несимпатичной. Поэтому ли, а может быть, по какой-то другой причине у нас шестеро детей. Целый день я работаю в тишине, я не

могу сказать начальнику, что он лоботряс и что я все бы сделал намного лучше, чем он. Это ужасная несправедливость. Я сижу за простым столом в конторе. Он блаженствует в кабинете. И не потому, что умнее меня,—просто так сложились обстоятельства. И, как вы понимаете, он на меня может кричать, а я на него—нет.

Дома я тоже не могу кричать. Жена запретила. Если бы вы ее увидели, вы бы поняли, что ослушаться ее я не могу. Вы бы не стали больше спрашивать, почему я болею... Каждое воскресенье я иду на стадион, где чувствую себя человеком. Я начинаю громко говорить уже у входа и замолкаю, как только кончается матч. А какое это удовольствие—назвать судью «ослом»! Ведь в этот момент судья для меня—и шеф, и жена, и шестеро детей, и даже переполненный трамвай.

Кроме того, о чем я могу говорить с сослуживцами? Все мы ходим на футбол, и нам есть о чем поспорить. Много лет назад не было футбола, и никто о нем не говорил. Но потом в газетах начали расходовать тонны чер-

нил, описывая цвет волос футболистов, их привычки, их тетей и дядей, их автомобили. Вы сами нас заразили. Мы уже не можем говорить ни о чем другом. Поэтому-то я болею...

Куда я могу пойти в воскресенье вечером, где бы мне за небольшую плату показали представление высшего класса? В кино очереди. В кафе скучно, да и там говорят только о футболе. В театрах ерунда. Осенью холодно, но на стадионе я никогда не замерзаю. Мне это интересно. Поэтому я люблю футбол.

За небольшую плату я вступил в общество болельщиков, и теперь со мной даже советуются. Поэтому вы не должны критиковать нас за то, что мы ходим на футбол и кричим. Такова наша участь...

*Перевела с испанского
А. Неими*

— Вы слабо
знаете предмет!
— Зато я силен
в самбо

Хоккейная команда ЖЭКа № 7 ушла на перерыв. Первый период прошел в непрерывных атаках и контратаках, но «Искра» уверенно выигрывала у команды «Пламя» соседнего ЖЭКа. Три шайбы забил Юра Барышкин — лучший нападающий «Искры» и фаворит публики.

В перерыве начальник ЖЭКа влетел в подъезд, где отдыхали спортсмены.

— Ай да Юра! Ай да Барышкин! — закричал он с порога. Порадовал, ничего не скажешь. Как ты им в левый верхний угол шайбу вколотил! Ну прямо заглядение. Я от лица всей жэковской общестственности выношу тебе благодарность.

Юра спокойно посмотрел на начальника ЖЭКа и мечтательно произнес:

— Уйду я от вас.

— Куда это? — спросил начальник, продолжая по инерции улыбаться.

— В «Огонек», — коротко ответил Юра.

— Ну это ты брось, Барышкин, — нахмурился начальник, — молод еще со старшими шутить.

— Я не шучу. Меня давно приглашают.

— Чем же тебе здесь плохо, Юрочка? — запричитал начальник, который наконец понял, что с ним

говорят серьезно. Швы, я на зиму вам заделал? Заделал. Когда кран потек, сантехника прислал? Прислал. Соседи вам не нравились — выселили. Что ж тебе еще надо?

— Да вроде бы все ничего, — задумчиво произнес Юра. — Только вот паркет потемнел; отец говорит — циклевать надо. Штукатурка осыпалась — побелить. Ну и вообще квартира маловата: тренироваться негде. А в «Огоньке» меня этим обеспечат.

— Что ж ты раньше, Барышкин, молчал? — почти весело сказал начальник. — А что мы? Хуже других? Неужели не сможем нашего лучшего нападающего, форварда можно сказать, квартирой побольше обеспечить? У меня сейчас в доме № 17 первый этаж освободился. Туда библиотека должна въехать. Подождет. Тут честь ЖЭКа на карту поставлена. Так что на будущей неделе туда и переезжайте. С этим все, Юрочка?

Барышкин утвердительно кивнул.

— Ну вот видишь, — обрадовался начальник, — а ты заладил — перейду да перейду.

Барышкин с жалостью

посмотрел на начальника ЖЭКа и сказал:

— Уйду я от вас.

— За что, Юрочка? — взмолился начальник. — Я ж тебе этаж отдал, а ты...

— Они мне тоже дают. У них там под гастроном был оставлен, но это не главное. Жена у ихнего начальника в одном классе с моей учительницей по арифметике училась. А у меня двойка выходит, так мне начальник обещал пять в четверти.

— Тебе двойку?! Нашему лучшему нападающему двойку?! Она в какой квартире живет? Я ей покажу! Будет тебе пятерка, Юрочка, играй спокойно, а я пойду распоряжусь, чтобы ей воду отключили.

— И отопление, — добавил Барышкин. — Вот именно. И не включу, пока тебе пять не выведет. Шестиклассник Юра Барышкин удовлетворенно кивнул и поехал на точку вбрасывания.

ВЫДЕРЖАЛ!

Да, да, я выдержал экзамен! Я сидел в середине скромно освещенного зала и внимал словам растрепанного бородатого председателя. Я помню каждое его слово.

— Скажите, уважаемый кандидат, что бы вы сделали в следующем, очень часто встречающемся случае? Вы судите матч. Один из защитников ударяет по мячу — свечка. В этот момент над полем появляется самолет и сбрасывает мяч. Следовательно, на поле падают два мяча. В то же время случайно свирепствует ураган. Ветер заносит один мяч в сетку одних ворот, второй — в противоположную. Кому вы присудите гол?

Вот что спросил у меня председатель экзаменационной комиссии, и я тотчас вспомнил, что этот вопрос разбирается на 65-й странице сверху. Я сразу же ответил:

— Я велю принести оба мяча. Если они оба соответствуют правилам, каждой команде засчитывается гол. Если только один соответствует, гол присуждается команде, в ворота которой этот мяч попал. Если оба мяча не соответствуют стандарту, прошу третий мяч. В пос-

леднем случае я докладываю о случившемся судейской коллегии. Самолет, конечно, сбиваю.

Лицо председателя озарила улыбка.

— Очень правильно ответили! Если на следующий вопрос я получу такой же ясный, подробный ответ, вы выдержите экзамен.

Я внимал ему раскрыв рот.

— Этот случай, пожалуй, встречается еще чаще. Гроза, вы судите матч. Гол кажется неминуемым, но разверзлись небеса — молния ударяет в мяч. Что вы сделаете?

Конечно, я тотчас же смог ответить. Вопрос был очень простым.

— Если гол казался неминуемым, я его присуждаю, прошу новый мяч и приспосабливаю на него громоотвод.

— Bravo, мой молодой друг! Вы поистине будете ведущей силой в нашем судейском коллективе. Вы блестяще выдержали испытание!

Я стремительно вскочил с места, гордо прижав к груди диплом. Хвала небесам!

Ведь даже страшно представить, что было бы, если бы меня спросили о простом офсайде...

*Перевела с венгерского
Е. Тумаркина*

ПОЛИГЛОТЫ
НА ПОЛЕ

Давайте знакомиться! Засухин Иван Семенович, бывший худрук Дома культуры, ныне начальник заводской футбольной команды. Откровенно говоря, в футболе разбираюсь не шибко, мое хобби хоккей, зато опыт у меня большой, ни на каких должностях никогда не терялся. Как я стал футбольным боссом? Очень просто: Дом культуры закрыли на долговременное капитальное переоборудование, надо было худрука трудоустроить. Заводская команда выиграла городское первенство, надо было дать ей достойное руководство. Так что все правильно.

Поначалу тренер команды товарищ Запорожко встретил меня без симпатии. Но я ему сказал прямо:

— Будем работать по принципу разделения сфер: мое дело — культура, ваше дело — физкультура. Футболистам голова дана не только для того, чтобы брать верхние мячи. Вы будете решать, как забивать голы головой. Я буду решать, чем забивать головы футболистам.

Тренеру это понравилось.

Первым долгом я повел

команду в Третьяковскую галерею. Ребята обошли все залы, умаялись, некоторые даже стали валиться с ног.

Товарищ Запорожко объяснил, что по роду своей деятельности футболисты приучены не ходить, а бегать.

В следующий раз я повел их в Зал имени Чайковского на вечер органной музыки. Тут выяснилось, что сидеть в мягких креслах футболисты тоже не приучены. К концу второго отделения они так умаялись, что своим храпом разбудили весь зрительный зал.

Тут мне в голову пришла интересная идея. После тренировки я зашел в раздевалку и в порядке викторины задал такой вопрос:

— О чем должна мечтать каждая футбольная команда, будь то столичная, периферийная, заводская или даже дворовая?

С места поднялся вратарь Сандро Голия и сказал с присущим ему восточным акцентом:

— Каждый грудной ребенок знает, что мечта футболистов играть на международных соревнованиях.

— Правильно,— сказал я.— Теперь представим себе, что нас ожидает, если мы прибудем на иностранную территорию без переводчика. Ни в кафе зайти, ни памятный сувенир купить любимой девушке или в крайнем случае маме.

— Больше того,— подхватил товарищ Запорожко,— никто из нас не сможет понять, что там ихний тренер кричит своим игрокам во время матча.

И тогда я сказал:

— Приобрели все необходимое для нашего спортивного общества!

— Товарищи, без паники! Есть выход. У нас в команде одиннадцать основных игроков и пять запасных. Итого шестнадцать. Если каждый изучит один иностранный язык, у нас на вооружении образуется шестнадцать языков, и мы совершенно спокойно сможем поехать в любую страну, имея собственного переводчика в своем составе.

Идея понравилась. Тогда я крикнул в дверь: «Сева, вход!» И вошел Сева Кострицын.

— Разрешите представить вам,— торжественно сказал я,— лучшего голкипера цеховых команд нашего завода...

— А чего его представлять?— удивился тренер.— Севу Кострицына мы хорошо знаем. Счет пропущенных мячей у него положительный. Заводские болельщики подсчитали на электронно-счетной машине, что за одну игру он в среднем пропускает ноль целых, пять тысяч шестьсот двадцать пять десятитысячных гола. Вполне нормальный результат. Мы Севу собираемся взять в заводскую команду вторым вратарем.

— Это очень приятно слышать,— обрадовался

я.— Дело в том, что в Доме культуры он тоже не подкачал. Отличился по изучению иностранных языков. На той же электронно-счетной машине подсчитано, что Сева в среднем заучивает в день ноль целых, семь тысяч триста двадцать десятитысячных немецкого слова. Сева, скажи товарищам что-нибудь по-немецки!

— Битте шейн... Ауфдерзейн,— сказал Сева.

— Так поручим же Сева возглавить движение за изучение иностранных языков в нашей команде. Немецкий оставим ему, а остальные товарищи пусть выберут себе другие языки на основе полной добровольности.

Футболисты быстро разобрали языки, доступные изучению, один Сандро замешкался— никак не мог решить, какой легче. В результате ему достался японский.

Дальнейшие подробности я опускаю, обо всем рассказывать — времени не хватает. Скажу о главном. В конце лета мы получаем приглашение в ГДР. Играть с лучшей ихней заводской командой. Общему восторгу не было предела. Один Сева помрачнел. Видимо, понимал парень, какая ответстен-

— Как только тебя унесли с поля, судья сразу же сделал замечание грубияну

ность на него ложится. Навалился на немецкий. Обедая с учебником, спал с учебником, даже пытался у фрезерного станка работать с учебником, но мастер цеха живо пресек это безобразие.

И вот наконец мы в Берлине. Стадион переполнен, бутылку из-под сидро некуда поставить. Болельщики совсем как наши — шумят, поют, пьют безалкогольные напитки.

Товарищ Запорожко решает поставить в ворота второго вратаря — Севу Кострицына. Как специалист по немецкому языку, он сумеет разобрать что, кто, кому подсказывает на поле.

Игра началась резко. Наши нападающие рванулись вперед. Берлинский вратарь берет мяч за мячом. Болельщики воют. А Сева загорает. Ходит вправо-влево вдоль своих ворот, потом опирается на штангу и начинает водить глазами по бортам стадиона. И тут Сандро Голия, который сидит рядом со мной на скамье запасных, толкает меня локтем в бок.

— Вай-вай! — восклицает он. — Что происходит с Севой? Чего он шевелит губами? Неужели молится?

Не успел я проанализировать ситуацию, как наши ребята совершают ошибку. Неудачную передачу перехватывает берлинский нападающий и влетает в штрафную площадку Севы...

А тот хоть бы что! Водит глазами по бортам поля, шевелит губами, и лицо у него блаженное.

— Се-е-е-ва! — закричал я не выдержав. — То-о-оварищ Ко-острицын!

Мой голос погонул в воплях болельщиков. Мяч влетел в сетку наших ворот.

— Что он делает! Что он делает! — застонал Сандро.

— Читает рекламы на бортах, — хладнокровно пояснил тренер. — Практикуется в немецком языке, выбирает себе марку фотоаппарата.

Игру нам с трудом удалось свести к ничьей. 1:1. Во втором тайме мы поставили в ворота первого вратаря — Сандро. По-немецки он, слава богу, не читает. Он изучает японский...

**БОРИС
РЯБИКИН**

КЛЮШКА

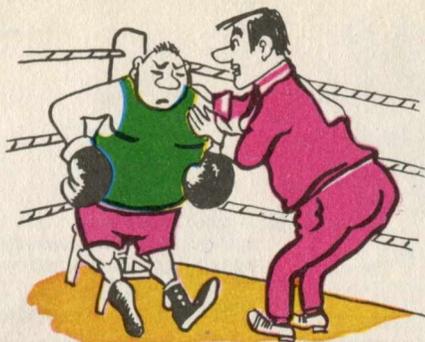
Хоккей вы, конечно, знаете. А знаете ли вы, что такое настоящий хоккей?

Настоящему хоккею не нужны вдохновенные репортажи Николая Озерова. Не требуется полированный как зеркало лед. Даже коньки ему не нужны. Не нужны! Только — клюшка. Вот клюшка в настоящем хоккее должна быть настоящей.

Пусть на ногах прежнеевременные валенки или запоздавшие кеды, пусть жаркая голова уже не держит цигейковую ушанку, пусть ворота Третьяка заменяет проволочная тара для молочных бутылок, а роль благородной шайбы исполняет протертый до черноты старый теннисный мяч. Пусть!

Но клюшка...

Тренер:
— На удар противника
ты даже не среагировал.
— Как не среагировал? Я
тут же упал.

АПОСТОЛ КАРАМАНОВ

КРЫЛАТАЯ
НОВИЧЕСТВО

Клюшка — фирменная! Тонкая, изящная, как молодая балерина, исписанная заграничными словами, перебинтованная, для надежности, изоляционной лентой, она часто не поспевает за быстрыми ногами. Путаётся среди ботинок противника. Норовит верхним концом своим зацепить счастливо-го владельца за нос.

Клюшка эта — предмет зависти и преклонения. Говорят, сам Мальцев отложил ее в сторону перед матчем с канадцами.

— Ну дай подержать-то.

— Сломаешь... Отваливай!

И вот уже новая жаркая схватка возле неосмотрительно поставленных «Жигулей». Мечется у молочной тары вратарь с фанеркой в руках. Поздно!

Удар! Еще удар! Гол!!!

Вот что такое настоящий хоккей.

Общегородские соревнования по легкой атлетике прошли на отличном уровне, один молодой журналист даже назвал их «Малой олимпиадой».

В эстафете для женщин наша организация завоевала первое место. Скажу без ложной скромности — в этом целиком моя заслуга.

Незадолго до соревнований меня вызвали к начальству и объявили, что мне поручено тренировать женскую команду. Я пытался объяснить, что окончил экономический институт и в спорте ничего не понимаю. Мне возразили, что это не имеет значения. Практика знает случаи, когда товарищи, окончившие физкультурный институт, работают экономистами, хотя в эко-

номике понимают еще меньше моего.

Я вернулся к своему столу сокрушенный. Поразмыслив, однако, я набрел на идею, оказавшуюся победоносной.

Бежавшей на первом этапе секретарше Костовой я перед стартом шепнул сенсационную пикантную новость об отношениях между экономистом Пешевым и Пановой из планового отдела. По сигналу стартера Костова помчалась как бешеная, чтобы никто, упаси боже, не мог раньше нее сообщить новость секретарше Ивановой (2-й этап). А Иванова полетела к Цутовой (3-й этап), и так до финиша.

Наши девушки первые!

Правда, информация, пущенная мною на старте, на финиш пришла в несколько измененном виде. Получалось, что пикантные отношения у Пановой не с Пешевым, а со мной. Я получил солидную взбучку от своей жены. Но это уже, так сказать, издержки спортивной жизни. Главное — мы победили, а победителей не судят...

*Сокращенный перевод с болгарского
Н. Лабковского*

— Мы подобрали прекрасную танцевальную пару! Смотрите, с какой легкостью он ее поднимает

ЯКОВ ЗИСКИНД

**ШТРАФНОЙ
УДАР**

...Итак, через шесть-семь секунд все решится! А вы знаете, что такое шесть-семь секунд? Этого времени вам не хватит, чтобы прочитать фразу из десяти слов.

Значит, через шесть-семь секунд... Однако постараюсь побыстрее (секунд за сорок!) объяснить вам в чем дело. Так вот, только что мы сыграли одну из труднейших игр первенства. (Мы — это весьма популярная футбольная команда, название которой я сознательно опускаю.) Мы играли с опытным и крайне неудобным соперником и забили два красивых и трудных мяча. Но и наш противник играл хорошо и тоже забил два гола. Одно время отменили ничью — назначали серию пенальти. Так вот — они пробили пять,

и наш вратарь в великолепном броске один мяч достал. Мы пробили четыре пенальти — и все удачно. На табло счет: 6:6! У нас в запасе последний удар. Бить должен я и через шесть-семь секунд пробью по воротам. Если удачно — нам запишут в таблицу крайне необходимое очко. Если же нет...

Даже не хочется думать, что будет, если же нет!.. Итак, через шесть секунд все решится...

...Судья поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку, и я, чтобы выиграть время и успокоить нервы, наклоняюсь над мячом и поворачиваю его вокруг оси...

Говорят, что люди, приговоренные к казни, за несколько последних секунд успевают вспомнить и чуть ли не прожить заново всю свою прошлую жизнь. Видимо, это правда, потому что сейчас и моя прошлая жизнь проходит предо мной. И не удивительно: сейчас я себя чувствую как перед казнью. На стадионе злобующая тишина, тысячи глаз смотрят на меня в упор. Смотрят зрители, смотрят мои товарищи — игроки, тренер и массажист, комментатор и телеоператоры, смотрят люди у своих голубых экранов.

И большинство из них думают, что пробить пенальти удивительно просто. Доверь это ему, он бы — уж будьте уверены! Было время и я так думал...

...Я снова наклоняюсь над мячом и устанавливаю его получше. Ни малейшей необходимости в этом нет. Я выигрываю время...

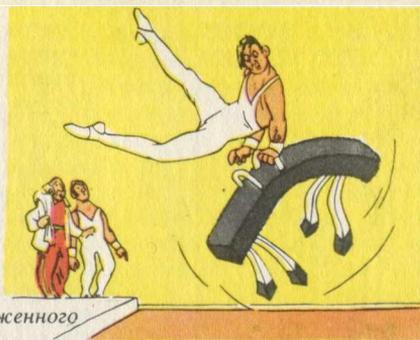
...и вспоминаю. Я в пятом классе. Наш пятый «А» играет с шестым. Играем на пустыре возле школы. Я — центр нападения и ношу по пыльной площадке, как дикий мустанг. После игры ко мне подходит высокий человек в ковбойке, говорит, что из меня может получиться футболист, и приглашает в школу юных футболистов. В этот день человека счастливей меня не было во всем мире.

...Я выпрямляюсь и не спеша поворачиваюсь спиной к вратарю. Сейчас отойду метров на двенадцать, разбежусь и...

...и вспоминаю: первая травма. Представьте себе, и травма может доставить радость. Я пришел домой хромым. Мама плакала, а я был горд и счастлив: настоящий боец! Мама сказала, что ни на какой футбол я больше не пойду... Не вышло! Вирус футбола уже прочно поселился во

Награждение
баскетболистов

— Необъезженного
подсунули!

мне, и через два года я играл в дубле нашего клуба. Разве я забуду первый матч? От волнения пересохло во рту, и первые минуты я бегал по полю как слепой. Прошло время и...

...Я медленно удаляюсь от мяча. Считаю шаги. Так, наверно, забуду первый матч? От волнения пересохло во рту, и первые минуты я бегал по полю как слепой. Прошло время и...

А, между прочим, все это очень похоже на дуэль. Две секунды назад я встретился взглядом с вратарем. Тяжелый, холодный взгляд, кажется, гипнотизировал меня. «Пробей мимо! Пробей мимо!» — приказывал мне этот взгляд. Сейчас я ощущаю его спиной. Нельзя, ни в коем случае нельзя смотреть на вратаря! Я это знаю и...

...Иду. Медленно. Совсем медленно. До удара не больше пяти секунд. Пройду еще десять шагов, повернусь и...

...вспоминаю: свадьба! Моя свадьба. Шумная, веселая и... трезвая. За весь вечер я выпил один бокал шампанского. Нет, полтора! И то тренер смотрел на меня тигром. Режим! До чего же трудно всегда жить под дамокловым мечом режима. Создается такое впечатление, что тебе ничего нельзя, кроме

Его Величества Футбола! Помню, было такое: все-таки нарушил режим... Нет, лучше и не вспоминать! Каялся, извинялся, произнес самый длинный монолог в своей жизни и чуть не плакал... И возникает вопрос: а зачем все эти мучения? На свадьбе были и мои друзья — не футболисты. Вместе учились в школе... Один защитил кандидатскую, другой художник, третий работает на автомобильном заводе. Живут как люди, без всякого режима! Нет, не то чтоб они позволяли себе лишнее. Но иногда... Кто им что скажет? Живут, как говорится, по собственному желанию. Курят. Ходят в театры. Ложатся спать когда хотят. Ездят куда нравится. С женами. А я...

...Иду. Прошел три метра. Пять...

И зачем все это нужно? Мне двадцать пять. Еще не поздно перестроить свою жизнь. Могу из моего инфизкульта перейти в другой институт. Выбрать любую профессию. А так? Стукнет тридцать — ветеран. В лучшем случае стану тренером.

...Иду. Семь метров... Восемь...

А у кого еще столько недоброжелателей, сколько у тренера? А советчики?

А меценаты? Советовать инженеру трудно — у него расчеты, формулы... Композитору — надо знать ноты. А тренеру? Тут любой специалист. «Иванова в атаку! Петрова в защиту!» Тренеры... Они же несчастные люди! Сидеть на стадионе, нервничать, курить сигарету за сигаретой и сидеть на глазах... Зачем это мне? Уйду из команды — и точка! Прощай, футбол...

...Иду. Десять метров. Двенадцать. Поворачиваюсь. Сейчас разбегусь и... Встречаюсь взглядом с вратарем. «Пробей мимо! Пробей мимо!» — диктует его тяжелый, гипнотизирующий взгляд. Клянусь, этот удар стоит года жизни, а их не так много нам и отпущено! Уйду, честное слово, уйду! Разве плохо быть архитектором или врачом? Лечить людей, вырывать их драгоценные жизни из холодных объятий сме...

Разбегаюсь... Удар! Гол!!!

Черта с два я уйду из футбола! Футбол — моя жизнь, моя судьба!

Честное слово, хорошая игра — шахматы! Конечно, по части остроты или спортивного накала она, может, и уступает лото или подкидному, но зато что касается пользы, то тут шахматам равных нету. Я в этом на своем опыте убедился. Мне шахматы, можно сказать, семья спасли и душевное спокойствие. Раньше-то мы с женой ссорились чуть не каждый день. Семья прямо на глазах разваливалась!

И тогда выучились мы в шахматы играть. Вот этот-то общий интерес нас и спаял. Стали мы на шахматном языке разговаривать. Раньше, если я, допустим, поздно домой возвращался, вовлекала меня жена в диспут о семейной жизни, который чуть ли не до утра продолжался. К утру, бывало, так охрипнешь, как будто всю ночь в кафе-мороженом просидел. Теперь же, если я задержусь, жена встречает меня в прихожей с шахматной доской в руках. Расставляем мы быстренько фигуры и, ни слова друг другу не говоря, садимся за партию. Поскольку в этой ситуации инициатива жене принадлежит, я ей, как джентльмен, белый цвет уступаю.

Любому гроссмейстеру известно, что в шахматах глубокий смысл скрыт. Вот мы с женой и стараемся этот смысл раскрыть. Скажем, сделала она первый ход пешкой. Я сразу догадываюсь, что это означает: «Я для тебя просто пешка! Вожу целый день с кастрюлями, а тебе до меня никакого дела нет! Ты меня ни капельки не уважаешь! И вообще!»

Я в ответ сразу коня вывожу, как бы желая этим подчеркнуть: «Работаешь целый день как лошадь, приходишь усталый, а тебя только попрёками встречают!»

Жена делает ход слонем, словно бы заявляя: «Слон толстокожий. Вот и ты такой! Сам шляешься неизвестно где, а меня в театр уже два года не приглашал...»

Вывожу второго коня, развывая свой немой диалог: «Помимо работы везу на себе целый воз общественных нагрузок. Какие уж тут театры!»

Жена тоже конем ходит, что нетрудно расшифровать так: «Ты думаешь, что ты один устаешь! Я работаю не меньше тебя, да еще на мне домашнее хозяйство...»

Я ставлю своего коня рядом с конем жены: «Ну можно ли сравнивать твою работу с моей? Разве у тебя такая ответственность?»

Жена моментально делает рокировку: «Ах, так?! Ну и оставайся со своей работой! А я уйду к маме!»

После некоторого раздумья ядвигаю вперед пешку от королевы, как бы говоря: «Я давно знаю, что ты просто пешка в руках своей мамы! Это

она тебя против меня настраивает, старая кочерга!»

Жена со стуком бьет мою пешку своей. Я-то знаю, что она этим хочет сказать: «Не смей трогать маму! Она всем для нас пожертвовала!»

Я, не будь дурак, ем белую пешку черной королевой. То есть иными словами: «Твоя мама меня съест готова!»

Жена бьет моего коня своим слонем и объявляет шах моему королю. Это означает: «Завтра же схожу к тебе на работу и пожалуюсь твоему начальнику, как ты относишься ко мне и к моей маме!»

Ну, дальше следует обмен угрозами, разные тактические выпады, а заканчивается все, как правило, массовыми разменами. Завершается наш поединок обычно вничью ввиду, как говорится, взаимного истощения сил. Обмениваемся мы рукопожатием и, дружески обняв друг друга за плечи, идем пить чай. Может, вы мне не поверите, но за последние два года не сказали мы с женой друг другу ни одного грубого слова. Вот так спорт и принес в нашу семью мир и согласие. Жаль только, что не знаком я лично с изобретателем шахматной игры. Хотелось бы поблагодарить его душевно и пожелать здоровья и долгих лет жизни.

Ну, а если кто-нибудь заинтересуется моим опытом, могу выслать ему составленный мной толкователь шахматных ходов. Думаю, он об этом не пожалеет...

**НИКОЛАЙ ЕЛИН,
ВЛАДИМИР КАШАЕВ**

**ЖЕРТВА
БЕРМУДСКОГО
ТРЕУГОЛЬНИКА**
Сатирико-фантастическая
повесть

Океан был синий-синий, как обои в спальне у Олега Ямщикова. И с такими же беленькими разводами. Олег эти обои из прошлой поездки привез жене в подарок. Их можно было стирать, гладить и даже вытирать о них руки—никаких следов не оставалось. Жена тогда долго ворчала, что он такую дурацкую расцветку выбрал, которая со шторами не гармонирует. Даже клеить не хотела, думала, может, обменять можно. А как он ей обменяет? Не поедет же он из-за этого обратно в Италию! Да и кто его одного пошлет, без команды?.. А теперь и с командой-то не пошлют—после того что вчера случилось!

Ямщиков отвернулся от самолетного иллюминатора, откинулся в кресле и закрыл глаза. Это ж надо, как глупо все получилось! В кои-то веки их футбольная команда «Трикотажник» была приглашена в Южную Америку на турнир родственных обществ—и вот, такая неприятность! И как только его угораздило перед первым же матчем нарушить спортивный режим? Лучше бы модный галстук себе купил, чем польститься на эту дурацкую бутылку! И главное, хоть бы удовольствие получил, а то тыфу, дрянь несусветная! Только что этикетка красивая.

Ну, а ребята раскипятились. «Команду подвел!», «Доверять тебе больше не можем!» и все такое...

Он уж и каялся, и прощения просил—не помогло!

«Мы,—говорят,—тебя уже много раз прощали, а ты опять за свое! Все! Терпение лопнуло!»

Ямщиков им русским языком пытался объяснить, что он выпил-то всего с гулькин нос и что такая смехотворная доза на игре никак не может отрицательно отразиться. Да разве они станут слушать! Проголосовали—отправить его первым же рейсом домой. И вот, вместо того чтобы играть в престижном международном турнире трикотажников, левый защитник Олег Ямщиков сидит в самолете и рассматривает в иллюминатор этот дурацкий океан! Да еще неизвестно, чем вся эта история закончится, когда ребята после турнира вернутся. Запросто из команды могут отчислить... Э-эх, лучше об этом не думать! Чего себя без толку изводить!

Олег открыл глаза и повернулся к сидевшему рядом мужчине, сосредоточенно изучавшему какую-то испещренную формулами, по виду очень занудную рукопись.

— Сосед, в домино сыграть не желаете?

Мужчина, с головой ушедший в свои формулы, на предложение не отреагировал.

— Сосе-ед!—подтолкнул его локтем Ямщиков.—К вам обращаются. Не хотите, говорю, в домино сыграть? Или, может, в шахматки перекинемся?

— Что?..—встрепенулся мужчина.—В шахматы? Нет, благодарю вас, я должен поработать...

— Дома поработаете,—возразил Олег.—В транспорте читать вредно, глаза будут болеть. Вы сами-то откуда летите?

— Я? С международного симпозиума.

— Вон что,—понимающе кивнул Ямщиков.—Ну и какие же вопросы вы там обсуждали?

— Проблему Бермудского треугольника. Слышали, наверно, про такую?

— Факт. Это где корабли-самолеты исчезают? Ну и чего же вы там решили? В чем причина-то?

— Ну, видите ли, пока трудно судить,—развел руками мужчина.— Да и симпозиум еще не закончился. Мне, к сожалению, раньше пришлось уехать...

— Что, тоже режим нарушили?— оживился Олег.

— Какой режим?— не понял собеседник.

— Спортивный, какой же еще! Или как там он у вас называется? Научный, наверно...

— Нет,—вздыхнул мужчина,— режима я не нарушал. Просто у нас в институте завтра ученый совет собирается, ну и мне там необходимо присутствовать.

— А-а,—разочарованно протянул Ямщиков.—Ну, бог с ним, с этим советом. Вы мне лучше скажите, куда все-таки из Бермудского треугольника транспорт девается? Я давно над этим думаю. У меня даже идея одна есть, только вот не знаю, как наука на нее посмотрит...

— Ну-ну,—подбодрил сосед.— Интересно послушать. Тем более что мы сейчас как раз над этим районом пролетаем.

— Над этим?— ахнул Олег.— А мы не того?.. Не исчезнем?

— Не думаю. Это случается не так уж часто, так что практически можно не беспокоиться. Так в чем же состоит ваша идея?

Ямщиков опасливо поглядел в иллюминатор, поежился и неуверенно произнес:

— Я так думаю: может, тут климат такой особенный?..

— Какой особенный?

— Ну, такой, что человеку тут все время выпить хочется. Может, влажность тут виновата или еще что. Вы не улыбайтесь, я дело говорю. По себе чувствую. Ну вот... Глядишь, другой летчик не удержится от искушения, а после и заснет за штурвалом... А самолет-то в океан и тютю.

— Жалко, что вас не было на симпозиуме,— заметил собеседник.— Мы там эту версию не догадались проработать.

— Вы вот смеетесь, потому что вы теоретик. От жизни оторваны,— убежденно заявил Ямщиков.— А жизнь—она штука сложная, в ней всему есть место...

— Ну, а куда корабли деваются?— поинтересовался сосед.— Ну, предположим, рулевой, как вы говорите, нарушил режим. Ну, сбился корабль с курса, но ведь куда-нибудь он все равно должен приплыть. С чего бы ему ко дну-то идти?

— Да, тут загвоздка,— согласился Олег.— Тут я еще не продумал.

Он снова с опаской взглянул в иллюминатор и поинтересовался:

— Ну, а вы сами-то как считаете? В чем тут собака зарыта?

— Гм... С уверенностью, конечно, сказать не могу... Есть, например, такая гипотеза, что как раз в этом месте находится, так сказать, окно в антими́р. И при определенных обстоятельствах самолеты или корабли туда как бы засасывает...

— В антими́р?— нахмурился Ямщиков.— Что это еще за пакость такая?

— Это не совсем пакость,— пояснил сосед.— Это просто мир, похожий на наш, только там все наоборот.

— Как это?— удивился Олег.— Абсолютно все?

— Абсолютно все. Вот мы с вами, скажем, дышим кислородом, а выдыхаем углекислый газ. А в антими́ре... в антими...

Но договорить он не успел. Самолет резко тряхнуло, потом еще раз, и Ямщиков с ужасом почувствовал, что он проваливается куда-то в бездну. Неодолимая сила вдавила левого защитника в кресло, в глазах у него потемнело, как будто его стукнули мячом по затылку... Он вспомнил детство, вспомнил своего первого тренера, вспомнил второго... Второго числа должны были выдавать зарпла-

ту, а он ее не успел получить. Вот так всегда и выходит! Обидно... Он хотел еще вспомнить жену и товарищей по клубу, но этого ему не было суждено. Раздался страшный, ушераздирающий грохот, и на том месте, где только что был самолет, осталось только небольшое белое облачко, неторопливо плывущее по безмятежному небу.

ЧП В «АНТИЛОПЕ»

Собрание игроков «Антилопы» — одной из ведущих футбольных команд антимира — подходило к концу. Тренер Антей Антипыч, яростно жестикулируя, втолковывал понурившимся футболистам:

— Когда вы, наконец, преодолете комплекс своего поля?! Это что же получается? Как на выезде играем — тут вы орлы! Никого не боитесь. Но, как только, не дай бог, на своем поле противника принимаем, вас просто узнать невозможно! Сколько мне с вами еще воспитательную работу проводить на эту тему?! Взять хоть тебя, Антихонов! Ты почему так слабо в последнем матче выступал, можешь ты нам объяснить? Как будто в первый раз на поле вышел!

— У меня жена на трибуне сидела, — покраснев, буркнул Антихонов. — Вместе с тещей. Ну, и я... разволновался...

— Разволновался! — передразнил тренер. — Бром надо пить! А ты, Бантиков? Из-за тебя ведь четвертый гол пропустили! Ты почему ворон считал?

— Меня поддержка зрителей из колеи выбивает, — потупился Бантиков. — Комплекс у меня сложился. Как кто с трибуны крикнет: «Бантиков, жми!» или, не дай бог, аплодисментами подбадривать начнет, так у меня прямо руки опускаются. Закрепощает меня доверие зрителей. Хочу его оправдать — и не могу!

— Закрепощает его! — рассердился Антей Антипыч. — Если ты такой закрепощенный, чего ж ты во втором тайме разные предметы с поля в зрителей бросал? Бутылки

пустые и еще какую-то дрянь! Ну, что молчишь?.. Я тебя спрашиваю: отчего ты бросал на трибуну пустые бутылки?

— От минеральной воды, — подавленно прошептал Бантиков.

— Но зачем, зачем ты это сделал? — не унимался Антей Антипыч. — Что ты этим хотел доказать?

— Это я от радости, — развел руками провинившийся. — Когда мы седьмой гол забили. Ну, я и не выдержал. Такой вот эмоциональный всплеск допустил...

— Он не один бросал, Антей Антипыч, — вмешался капитан команды. — Мы все тут виноваты. И я в том числе.

— А уж от тебя-то я не ожидал, Пантилеев, — покачал головой тренер. — Ты тоже с радости бросал?

— Я?.. Нет, я от возмущения. Там у одного зрителя в седьмом ряду вид был очень неопрятный. Рубашка на штаны выпущена, один носок чуть не до колена натянут, второй вниз съехал. Сам лохматый какой-то, нечесаный... Ну, я и не выдержал. Можно ли в таком виде на футбол ходить? Это ведь не танцплощадка все-таки!

— Я тебя понимаю, конечно, — смягчился Антей Антипыч. — Его внешний вид оскорблял твое достоинство. Но ты все же впредь воздержись. Есть же и другие меры воздействия. Побеседуй с ним после матча, узнай, отчего он такой. Может, у него дома нелады или на службе. Может, ему помощь надо, а ты в него — бутылкой...

— Больше не повторится, Антей Антипыч, — взволнованно заверил капитан. — Признаю: погорячился. После первой же игры его отыщу и по душам побеседую. Постараюсь привить ему чувство прекрасного... Разрешите, я его в нашу библиотеку запишу?

— Разрешаю, — кивнул тренер. — Ну, на сегодня, кажется, все. Можете разойтись.

Футболисты зашумели и нестройной толпой потянулись к выходу. В

этот момент к столу, за которым сидел Антей Антипыч, протиснулся молодой нападающий Кондратьев.

— Подождите, ребята,— негромко, но с чувством произнес он.— Я хочу вам кое-что сказать...

Голос его был полон такого внутреннего напряжения, что все сразу остановились.

— В чем дело, Антон?— удивленно спросил капитан.— Говори, мы слушаем... Ну, что же ты?

— Понимаете...— замялся Кондратьев,— я не хотел говорить... Я думал, он сам... Но он скрыл от вас... от всех нас... В общем, мне совесть не позволяет умолчать...

— Да что случилось-то?— загадели все.— Ближе к делу!

— Давай говори, не стесняйся!

Кондратьев набрал в грудь воздуха и, поблдевав, отчеканил:

— Игрок нашей команды Антильский во время последнего матча оскорбил соперника!

В комнате повисла зловещая тишина. Все обернулись к Антильскому. Тот сделался красным, как борода влюбленного петуха, и принялся застенчиво ковырять ботинком пол.

— Что... Что ты ему сказал?— тоном, не предвещающим ничего доброго, поинтересовался капитан.

Антильский, уставясь в пол, молчал.

— Он сказал...— не выдержал Кондратьев,— он назвал соперника... назвал его бессовестным!

Все замерли в оцепенении. Кто-то ахнул тихо. Антильский сидел ни жив ни мертв.

Первым пришел в себя капитан.

— Как ты мог...— с трудом подбирая слова, начал он.— Как ты мог так ужасно... так грубо оскорбить своего же товарища, тем более из команды соперника! Как у тебя язык повернулся?!

— Так ведь он...— пробормотал виновато Антильский,— он ведь снес меня около штрафной площадки...

— Он что, не извинился перед тобой?— строго спросил Антихонов.

— Извинился,— еле слышно прошептал Антильский.— Три раза извинился...

— Так почему же ты... почему ты позволил себе такое?

— Я сгоряча! Простите меня... Я больше никогда! Слово даю! Очень уж обидно было: я бы мог гол забить, а он меня...

— Разве гол—это главное?— рассердился капитан.— А ты подумал, какую ты ему нанес моральную травму?!

— Да он не слышал,— слабо защищался Антильский.— Я шепотом! И потом, я к этому времени уже к своим воротам вернулся...

— Пусть он не слышал!— перебил Бантиков.— Но где была твоя совесть? Если человек не слышит, значит, можно его оскорблять?

— Самое ужасное, что это произошло во время игры,— задумчиво произнес тренер.— Антильский поступил не по-мужски... Осквернил дух рыцарства, который должен царить на поле. Горько, очень горько сознавать, что член нашего коллектива унизил своего соперника... Что будем с ним делать?

— Предлагаю на первый раз выговор,— решительно заявил Бантиков.

— Нет,— жестко сказал капитан,— такое нельзя прощать! Вношу предложение: дисквалифицировать Антильского на три игры.

— Может быть, на две?— поддал голос Антихонов.— Я думаю, он сам осознал...

Капитан хотел что-то возразить, но в этот миг дверь распахнулась, и в комнату вбежал массажист Антигоныч.

— Слыхали?!— с порога крикнул он.— К нам опять из того, обратного, мира самолет затянуло! Вместе с пассажирами!

— Футболистов среди них нет, случайно?— взволнованно поинтересовался тренер.

— То-то и оно, что есть! Правда, только один, но зато парень что надо! Сорок четвертый размер обуви! Пред-

ставляете, какой удар у него должен быть!..

— Так где он?—вскочил тренер.— Зови его скорей сюда!

— С ним уже руководство клуба беседует,—радостно потер руки массажист.— Сам Антимоньев в аэропорт за ним ездил.

— А ты откуда знаешь?

— Так Антимоньев только что по телефону звонил. Просил вас, Антей Антипыч, через час к нему зайти.

— Так чего ж ты молчишь?—рассердился тренер и, на ходу надевая пиджак, помчался к выходу. И уже откуда-то с улицы до растерявшихся игроков донеслось:

— Собрание команды считаю закрытым...

ЖЕСТ, ЗАМЕНЯЮЩИЙ РУКОПОЖАТИЕ

В просторном кабинете руководителя клуба Антимоньева уже второй час шла задушевная беседа. За большим письменным столом восседал в кресле ничего не понимающий, еще не успевший толком прийти в себя Ямщиков. Сам же хозяин, застенчиво сложив руки на коленях, робко сидел перед ним на стуле.

— Вот я и говорю,—смушенно мямлил Антимоньев,—в нашем футболе назрел... в некотором роде... кризис. Понимаете, наметилась нездоровая тенденция: все команды отсиживаются у чужих ворот, в нападении, полностью пренебрегая защитными построениями. В нашем чемпионате всего лишь две-три команды играют по системе 1—2—2—6. А остальные применяют 1—1—2—7, а то и вообще играют без защиты, уповая на универсализм игроков, то есть на то, что нападающие должны время от времени приходить к своим воротам и помогать вратарю. Но на практике эти эпизодические отходы ничего не дают, и, как правило, все матчи заканчиваются у нас с астрономическим счетом. Вот, например, наша команда последнюю игру проиграла

7:9. А перед этим мы одержали две победы на выезде—14:11 и 19:15. Понимаете, такой вот перекося. Этих создателей нам уже некуда девать, а вот разрушителей—раз-два и обчелся.

— Ну, дела!—покачал головой Ямщиков.— Как это вы дошли до такой жизни?

— Не думайте, что мы не боролись с этим!—вдохнул Антимоньев.— Мы уж чего только не перепробовали! И приз мелкого счета учредили, и зачет специальный ввели, по которому за нулевую ничью командам по три очка начисляется. Но ничего не помогает! А ведь сами посудите: что это за футбол без нулевых ничьих?

«...А может, я сплю?—неожиданно осенило Ямщикова.— Наверно, мне все это снится! Надо незаметно проверить, чтоб этот тип не догадался...»

Олег поднял под столом колено и изо всех сил наступил сам себе на ногу. Он давил и давил и даже покрутил для верности каблуком, но боли не почувствовал.

«Ну факт—сплю!—обрадовался Ямщиков.— Приснится же чертовщина! Однако интересно, чем все это кончится...»—и, повеселев, принялся слушать дальше.

— Одна проблема порождает другую,—нервно дернув щекой, продолжал Антимоньев.— Такое обилие голов привлекает на трибуны дополнительное число зрителей. Стадионы не могут вместить всех желающих, получается давка. В прошлом месяце в соседнем городе в толпе задавили контролера с двадцатилетним стажем. Мы просто не успеваем реконструировать стадионы и готовить все новые кадры контролеров и продавцов мороженого. К тому же футбол отрывает людей от домашнего хозяйства, от домино, от телевизора, наконец! Вот к чему приводит бездумное, одностороннее увлечение атакой! Одним словом, нам позарез необходимы хорошие защитники. Вот мы и хотели бы... мы

хотели бы узнать... не согласитесь ли вы выступать за наш клуб?.. У нас хорошие условия, мы вам интересную работу подыщем, жилплощадь предоставим из антикварного фонда...

— Та-а-ак...— задумчиво произнес Олег.— Значит, вы хотите, чтобы я за вашу «Зебру» играл?

— За «Антилопу»,— смущенно поправил его Антимоньев.— Я понимаю, с моей стороны не совсем этично просить вас об этом вот так, сразу, когда вы только что прилетели к нам и еще не успели оглядеться, освоиться, но... у нас завтра очень важный матч, мы играем со своим извечным соперником, и нам хотелось бы... чтобы вы в нем приняли участие... Если можно, конечно...

«А может, все-таки, не сплю?— снова засомневался Ямщиков.— Уж больно отчетливо я этого ихнего начальника вижу...»

Олег протер глаза и еще сильнее наступил себе на ногу. Боли по-прежнему не ощущалось. Ямщиков хитро улыбнулся и решил пока не просыпаться. Ему стало интересно, как оценивают его мастерство в этом сонном царстве.

— Ну и какие условия вы мне можете предложить?— снисходительно поинтересовался он.

— Самые лучшие,— засуетился Антимоньев.— О квартире я уже говорил: что касается профессии, вы можете сами выбрать, что вам по душе. Ну, скажем, антиквар, дантист, антигравитатор...

— Антигравитатор?— заинтересовался Олег.— Это звучит ничего, солидно... А какой там оклад?

— Триста сантимов,— с готовностью откликнулся Антимоньев.

— Мало,— на всякий случай сказал Ямщиков.— Триста пятьдесят.

— Хорошо... Но тогда вы должны будете стать старшим антигравитатором.

— Подумаешь!— пренебрежительно пожал плечами Олег.— Мне приходилось числиться и начальником пожарной охраны.

— Тогда можете сразу получить аванс,— предложил Антимоньев и протянул Ямщикову несколько больших зеленых купюр.

Олег нерешительно взял их, посмотрел на свет, помял в руке... Сомнений не оставалось: деньги были настоящие.

— Ничего не понимаю...— пробормотал он и в третий раз грохнул своей правой пяткой по большому пальцу левой ноги.

— Ай!— вскрикнул Антимоньев.— Извините, больше терпеть не могу!

Он с трудом выдернул свою худую длинную ногу из-под Олеговой пятки и принялся ее растирать.— К сожалению, я не знаю, что означает в ваших краях этот жест, когда собеседнику трижды наступают на ногу. Полагаю, что это знак дружелюбия... Надеюсь, вы позволите мне истолковать его как сердечное рукопожатие?

— По... позволяю...— растерянно пролепетал Ямщиков.

— Тогда будем считать, что мы договорились!— радостно заключил Антимоньев и что есть мочи, от всей души наступил Олегу на ногу...

«АНТИЛОПА» МЕНЯЕТ ТАКТИКУ

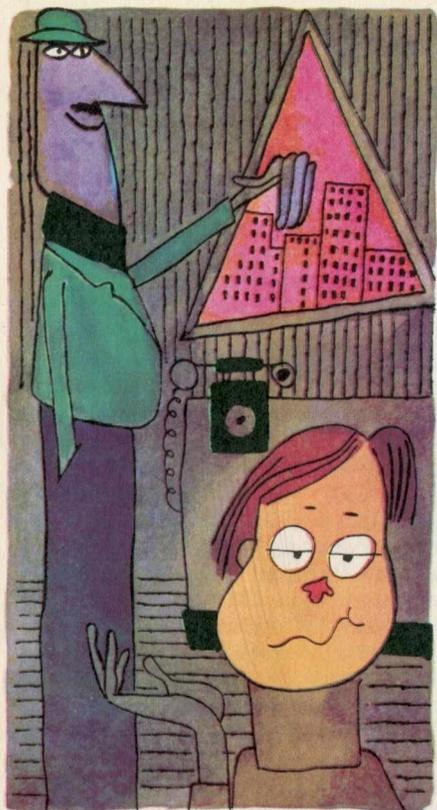
До матча оставалось полчаса. В раздевалке «Антилопы» Антей Антипыч давал последние указания.

— Значит, все поняли? Главное— забить этой «Атлантиде» на один гол больше, чем пропустим!

— Это на своем-то поле!— скептически покачал головой Бантиков.

— Ты эти разговоры брось!— одернул его тренер.— Будешь команду разлагать— в дубль переведу. Тож мне, Антарктику открыл! Каждому младенцу известно, что на своем поле играть трудно. А ты вот попробуй в таких условиях не стушеваться и выиграть. Покажи, что у тебя характер есть!

— А зачем обязательно выигрывать?— удивился Ямщиков, натягивая на себя новенькую, с иголки, форму

«Антилопы».— Можно ведь и ночью сделать. На чужом поле будем на выигрыш играть, а дома нам и ничьей хватит.

— Так-то оно так,— согласился Антей Антипыч.— Да противник с этим вряд ли согласится. Зачем ему ничья? Он голы захочет забивать...

— Не позволим!— твердо заявил Олег.— Раз такое дело, мы въездную модель применим.

— Что еще за модель?— заинтересовался тренер.— Никогда не слыхал...

— Неужель не слыхали?— удивился Ямщикова.— Это очень просто. Уйдем все на свою половину поля. Вместе с мячом. Крепость выстроим. Костями ляжем, но за центральный круг не перейдем! Пусть эта

«Атлантида» попробует к нашим воротам пробиться!

— Боюсь, что пробьются,— вздохнул Антей Антипыч.— Наши ребята защищаются слабовато. Опыта у них мало. Даже позицию правильно выбрать не могут...

— Какая там позиция!— небрежно махнул рукой Олег.— Зачем она им нужна! Сыграем «персоналку»— и дело с концом!

— «Персоналку»?.. А... как ее играть?

— Ну как? Скажем, нашу «пятерку» приставляем к их «пятерке», «шестерку»—к «шестерке»... Неужели вам такая игра не знакома?

В комнате воцарилось молчание. Первым нарушил его капитан.

— Пятерку приставить к пятерке, а шестерку—к шестерке?— задумчиво переспросил он.— Кажется, мне знакома такая игра... Она, по-моему, называется «домино»...

— Ну при чем тут домино?— рассердился Ямщикова.— Это называется «персональная опека»! К каждому их игроку прикрепляем нашего— чтоб он ему играть не давал. Так мы всех игроков разменяем— и забивать будет некому. Понятно?..

— А что? В этом что-то есть...— после некоторого раздумья заявил тренер.— Попробовать можно... По крайней мере счет будет поменьше... Значит, так... Вы, Ямщикова, возьмите на себя их десятого номера. Он у них самый опасный игрок. Панталеев нейтрализует «семерку», Бантиков— «девятку»...

Антей Антипыч быстро распределил между игроками новые обязанности, и «Антилопа» выбежала на поле.

После небольшой разминки команды выстроились в центральном круге. Капитаны обменялись рукопожатием и принялись разыгрывать ворота.

— А судья-то где?— громко удивился Олег.— Заснул, что ли, где-нибудь под трибуной?

— У нас нет судей,— шепнул ему стоящий рядом Антихонов.— Вон, видите, лозунг?

Ямщиков поднял глаза и увидел укрепленный возле табло огромный транспарант:

«ЛУЧШИЙ СУДЬЯ—ВАША СОВЕСТЬ!»

— Вот это да!— хмыкнул Ямщиков.— Во удудили! Да как же это можно— без судьи?

— А для чего, собственно, нужен судья?— сделал большие глаза Антихонов.— Разве вы не доверяете сопернику?

Олег смерил его взглядом и хотел сказать что-нибудь эффектное, чтобы осадить этого мальчишку, но не смог найти достойного ответа и, молча сплунув, повернулся и побежал к своим воротам. Игра началась.

Футболисты «Атлантиды» сразу же пошли в атаку, но, встретив столько народу в штрафной площадке «Антилопы», опешили. С такой системой защиты им еще не приходилось встречаться. Помыкавшись в тесноте, они попытались выманить противника на себя, но антилоповцы не поддались на эту уловку и продолжали мужественно отсиживаться на своей половине. Наконец, мяч попал к десятому номеру гостей, обладавшему незаурядной техникой. Он прошел с ним по краю, серией искусных финтов оставил за спиной Ямщикова, потом еще двух защитников, дошел до угла штрафной и приготовился уже нанести удар, но в это время сзади его догнал подоспевший Олег и, сделав энергичный подкат, вынес мяч вместе с противником за боковую линию. Полежав несколько минут на гаревой дорожке, нападающий кряхтя поднялся и вопросительно посмотрел на Ямщикова, ожидая извинения. Однако, увидев, что тот никак не реагирует, он недоуменно пожал плечами и, подковыляв к месту, откуда началась траектория его полета, принялся внимательно изучать поле. Наконец, он нашел неподалеку какой-то микроскопический бугорок. Лицо его просветлело. Он удовлетворенно кивнул, приветливо помахал Ямщикову рукой и снова включился в игру.

Теперь Олег стал действовать внимательней. Он плотно опекал атланта дова и старался не отпустить его ни на шаг, но в конце тайма тот все-таки улучил момент и на скорости проскочил с мячом мимо. Мгновенно сообразив, что догнать его теперь вряд ли удастся, Ямщиков, охнул, картинно взмахнул руками и рухнул на землю. Услышав шум за спиной, нападающий оглянулся, побледнел и, забыв про мяч, бросился к Олегу.

— Извините меня!— принялся хлопотать он вокруг закатившего глаза Ямщикова.— Вам плохо? Я сейчас воды принесу... Прошу вас, не сердитесь на меня, пожалуйста... Я, честное слово, не хотел...

Он сбегал за фляжкой, набрал в рот воды и принялся брызгать на пострадавшего. Олег брезгливо поморщился и открыл глаза.

— Ладно уж, чего там,— ворчливо произнес он.— На первый раз прощаю. Только, гляди мне, если это повторится!..

— Даю вам слово впредь быть осторожнее,— горячо сказал нападающий, с трудом поднимая Ямщикова с земли и отряхивая с его трусов прилипшие травинки.— Сам не знаю, как это у меня получилось...

Пока они выясняли отношения, капитан «Антилопы» Пантилеев установил неподалеку мяч и приготовился бить штрафной. Он энергично разбежался, занес ногу для удара, но вдруг остановился как вкопанный.

— Ты чего стал?— удивился Ямщиков.— Муха в глаз попала?

— Нет, просто не имею морального права бить. Вы только посмотрите, где соперники выстроили «стенку»! Они же отошли от мяча метров на пятнадцать!

Услышав эти слова, часть игроков «Антилопы» подбежали к «стенке» и принялись силой придвигать ее ближе к мячу. Соперники отчаянно упирались, не желая сделать ни шагу вперед. Уступать никто не хотел. Минут через десять был, наконец достигнут компромисс, однако к этому моменту

время первого тайма истекло, и игроки в обнимку с соперниками побежали к раздевалке.

...Едва началась вторая половина игры, как десятый номер снова подбежал к Олегу.

— Ну, как вы себя чувствуете? Ничего не болит? Мне очень совестно перед вами за мой поступок...

— Чего?—насторожился Ямщиков.—Какой еще поступок?!

— Ну, тот самый, помните? Я вас, наверно, очень ушиб?

— А, вон ты о чем! Да, я в перерыве еле отвалился. Ну да ладно, я не злопамятный. Играй себе, только не носись как угорелый.

— Я постараюсь,—заверил атлантидонец.—Вы не думайте, что я грубиян! Я обычно играю очень корректно.

— Ну и на здоровье!—сказал Олег и сделал шаг в сторону.

— Но у вас в самом деле ничего не болит?

— Отважись ты!—буркнул Ямщиков и засеменил к своим воротам.

Но было поздно. Пока они разговаривали, случилось непоправимое. Один из соперников обвел зазевавшегося Бантикова, сделал навес в штрафную, и причавшийся туда на помощь своим отчаявшимся нападающим вратарь «Атлантиды» в высоком прыжке головой послал мяч в ворота «Антилопы».

Трибуны горестно ахнули, но все же нашли в себе силы для вежливых аплодисментов. Игроки «Антилопы» по традиции бросились целовать удачливых соперников, однако автор гола, с трудом расцепив дружеские объятия повисшего на нем Бантикова, грустно, но твердо заявил:

— Не надо меня поздравлять. Не за что. Я был в офсайде!

— Ничего подобного,—возразил Бантиков.—В момент удара я был к воротам ближе. Офсайда не было.

— Нет, был,—стоял на своем соперник.—Мне лучше знать.

— А вот и нет,—поддержал Бантикова вратарь «Антилопы».—Мне

было отлично видно. Никакого офсайда. Стопроцентный гол.

— Ты не прав,—возразил прибежавший на помощь партнеру капитан соперников.—Офсайд был. Мяч не засчитываем.

— Какое же вы имеете право не засчитывать, если вы нам забили?!—возмутился Бантиков.—Нам не нужно липового очка!

Антилоповцы струдились вокруг вратаря противника и принялись вытalkingивать его из своей штрафной площадки.

— Иди к своим воротам. Мы начинаем с центра!

— Не пойду,—решительно покачал головой вратарь.—Не встану в ворота, пока вы не пробьете свободный.

Вскоре к дискуссии подключились все игроки обеих команд, кроме Ямщикова и ходившего за ним по пятам десятого номера «Атлантиды». Отчаянно жестикулируя, футболисты насакивали друг на друга, били себя в грудь и тщетно пытались доказать соперникам свою правоту. Наконец, Ямщикову это надоело.

— Хватит митинговать!—громко объявил он.—Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы засчитать гол в наши ворота?

Все игроки «Антилопы» дружно взметнули вверх руки.

— Десять...—сосчитал Олег.—Опускайте. Теперь подымите те, кто за офсайд.

На этот раз руки подняли все атлантидовцы, кроме «десятки».

— А ты чего не голосуешь?—удивился Ямщиков.

— Я... если можно... воздержусь... Я с вами разговаривал и не видел, к сожалению, что там происходило...

— А-а... Ну, зато я видел. Был чистый офсайд...—и Олег решительно поднял руку.

— Итого одиннадцать. Гол не засчитывается!

Игроки «Антилопы» пробили свободный, и игра продолжалась. Нездо-

ровая тенденция забивать голы подошла в антимире к концу...

СХВАТКА В НОЧИ

К великому неудовольствию Ямщикова, должность старшего антигравитатора, которую он для себя выбрал, заключала в себе функции бригадира грузчиков на базе антисырья. Причем силы гравитации преодолевались здесь в основном методом «раздва — взяли!». Из техники на базе был лишь старенький автокар, который к тому же мог передвигаться только задним ходом. Автокаром управлял одноклубник Олега Кондратьев, а капитан «Антилопы» Пантилеев и его приятель Бантиков, едва успевшие наскоро пообедать после сегодняшнего матча, с энтузиазмом толкали по двору тяжелые ящики с антисырьем. Увидев Ямщикова, одноклубники бережно опустили ящики на землю и бросились пожимать ему руку.

— Вы тоже к нам? Правильно! Вот здорово! Вместе будем работать.

— Ну и что за радость? — сухо заметил Олег. — Для того чтоб таскать с места на место эти грязные ящики, не обязательно быть классным футболистом!

— Ну что вы! — застенчиво возразил Кондратьев. — Если бы вы не были известным футболистом, вам ни за что бы не устроиться на эту должность. Специальность антигравитатора у нас самая престижная. Ведь на этой базе антисырья из разных отходов после переработки изготавливают товары широкого потребления.

Ямщиков пожал плечами и почему-то вспомнил, что «там» отходы всякие, или, как здесь говорят, антисырье, сжигают или запросто сбрасывают в реки, что, как ему показалось, гораздо проще.

Однако вслух он не сказал об этом, а, обратившись к Кондратьеву, спросил:

— Неужели тебе всерьез нравится это дело?

— Очень! — прочувственно сказал Кондратьев. — У нас вся молодежь сюда стремится. Конечно, ее можно понять! Кому охота в наше время быть, скажем, киноактером, писателем или, например, каким-нибудь начальником?! Что за радость — протирать штаны за письменным столом да ездить по заграницам?! На это разве что какой-нибудь неудачник согласится... А антигравитатор — это профессия для настоящего мужчины!

Ямщиков хмыкнул и, сославшись на то, что ему надо получать ключи от новой квартиры, исчез с базы, оставив вместо себя за старшего Пантилеева.

...Как и обещал Антимоньев, жилье Олегу предоставили из антикварного фонда. Видимо, поэтому, сколько ни крутил Ямщиков ключом в замочной скважине, дверь открываться и не думала. Какой-то прохожий, увидев мучения Ямщикова, остановился и с изумлением уставился на него. Он стоял так минут десять, не произнося ни слова, и, наконец, не выдержал:

— Простите мою бесцеремонность, вы не скажете, что это вы делаете?

— Что-что! — огрызнулся Олег. — Сам, что ли, не видишь? Дверь отпираю!

— Дверь?! — еще больше удивился прохожий. — А зачем ее отпирать, если она не заперта?

— Не заперта?! — не поверил Ямщиков. — А чего же она тогда не открывается?

— А в этом доме ни одна дверь не открывается, — с готовностью объяснил прохожий. — Они все с самого начала были перекошены. Разве вам не говорили, что этот дом из антикварного фонда?

— Говорили. Ну и что из этого?

— А то, что относящиеся к этому фонду антиквартиры нельзя трогать руками. Поэтому не советую вам так наваливаться на дверь — она может рухнуть вместе с косяком.

— А как же мне попасть в квартиру?— растерялся Олег.

— Как все,— пожал плечами собеседник.— Через окно. Тем более что ваша квартира на первом этаже и вам не придется взбираться по водосточной трубе.

Ямщиков внимательно поглядел на него, пытаясь понять, не морочит ли этот тип ему голову. Убедившись, наконец, что тот не шутит, Олег отошел от двери и сердито поинтересовался:

— А может, окна в этом сумасшедшем доме тоже не открываются?

— Нет-нет,— заверил его мужчина.— Окна, наоборот, не закрываются. Так что вы легко сможете попасть к себе домой.

Ямщиков вышел на улицу, обогнул угол дома. Окна действительно были нараспашку. Квартира, распахнув объятия, приветствовала своего нового владельца. Олег поплевал на руки, взобрался на подоконник и, спрыгнув внутрь, приступил к осмотру отведенной ему скромной антикварной обители.

Комната была обставлена просто, но со вкусом. Больше всего Ямщикова заинтересовал диван, широкий и зеленый, как штрафная площадка. И такой же жесткий. Это выяснилось, когда Олег с размаху сел на него. Диван громко крикнул и, набирая скорость, поехал вдоль стены. Волосы зашевелились на голове у Ямщикова. Он на полном ходу спрыгнул на пол и заворожено смотрел, как диван самостоятельно, без седока, добрался до окна и, вздрогнув, остановился. Только теперь Олег заметил, что пол возле окна был значительно ниже, чем у противоположной стены, так что оставалось только удивляться, почему диван не съехал под откос еще раньше, при прежнем владельце.

Скользя на натертом паркете, Ямщиков поднялся по нему в гору и прошел в кухню. Слегка взволнованный увиденным, Олег открыл кран с холодной водой и подставил под него разгоряченный лоб. Когда он понял,

что этого делать не следовало, было уже поздно. Из крана мощной струей хлынул кипяток. Ямщикову пришлось бы совсем плохо, но в тот же миг чья-то уверенная рука решительно завернула кран и знакомый голос взволнованно произнес:

— Осторожно! Какое отчаянное безрассудство! Разве можно так легкомысленно обращаться с бытовыми приборами? Вы пренебрегаете техникой безопасности!

Олег повернулся и увидел того самого прохожего, который столь любезно ознакомил его со спецификой антикварного жилого фонда.

— Вы что тут делаете?— подозрительно прищурился Ямщиков.— Как вы сюда попали?

— Как все,— пожал плечами гость.— Видите ли, я из жилищной конторы, пришел к вам по поводу квартплаты...

— Еще чего не хватало!— возмутился Олег.— Какая может быть квартплата, когда я и въехать-то толком не успел! Наоборот, чуть не выехал отсюда на этом дурацком диване!

— Квартплату у нас принято вносить вперед,— твердо возразил пришелец.

— Да у меня еще и денег нет!— беззастенчиво соврал Ямщиков.— Получка только через две недели будет...

— Об этом не беспокойтесь,— великодушно сказал гость.— Деньги вам не понадобятся. Я вам дам без сдачи.

— Что... что дадите?— не понял Олег.

— Как что? Квартплату. Неужели вы не в курсе? За жилье из антикварного фонда мы сами выплачиваем жильцам квартплату. Нам ее перечисляют строители, которые возвели эти дома. Мы стараемся вносить квартиросъемщикам деньги вперед, а то, сами понимаем, всякое может случиться. Я вчера одному жильцу не успел заплатить, а он сегодня ногу о паркет сломал. Теперь ищи его по

всем больницам... Так что вы уж не взыщите!

Он отсчитал опешившему Ямщикову несколько купюр, добавил мелочи и, пожелав всяческих успехов, исчез в окне.

...Утомленный событиями дня, спать Олег лег рано. Решив больше не иметь никаких дел с диваном, Ямщиков облюбовал для отдыха могучую полированную кровать, рассчитанную, по-видимому, на две семьи. Помня уроки прошлого, он опустился на нее робко и нежно, словно стрекоза на одуванчик. Кровать лягнула зубами, но осталась на месте. Тогда он несмело вытянулся на ней во весь рост, укрылся одеялом и осторожно, соблюдая все правила техники безопасности, закрыл глаза...

Среди ночи Олег проснулся от какого-то неясного шума. Жалобно звякнуло стекло, потом еще раз. Тихо заскрипела рама. Ямщиков испуганно открыл глаза и всмотрелся в темноту. Над подоконником показалась какая-то тень, потом исчезла. Кто-то тихо, но вежливо выругался, ему ответили, и снова мелькнула тень. Сомнений быть не могло: в квартиру пытались проникнуть злоумышленники.

Первой мыслью Олега было броситься бежать. Он уже потянулся было за носками, но в этот момент вспомнил, что все пути для побега отрезаны: дверь не открывалась, а в окне зловеще маячила чья-то преступная голова.

«Что делать?!— билась в мозгу судорожная мысль.— И как эти жулики узнали, что я квартплату получил?! Ладно бы уж только деньги взяли, а то ведь еще убьют, мерзавцы, ни за грош!»

Ямщиков инстинктивно вжался в кровать, но она в ответ не проявила ни малейшего великодушия и так недовольно, хрипло заворчала, что Олег в панике соскочил с нее и заметался по комнате, ища куда бы спрятаться. Медлить было нельзя. Один из злоумышленников уже взобрался на подоконник и, сидя на кор-

точках, протягивал руку второму. Все решали минуты. Ямщиков подбежал к дивану, слегка отодвинул его от стены и, юркнув в образовавшийся просвет, затаил дыхание.

Тем временем грабители неловко прыгнули в комнату и принялись шарить по углам.

— Куда же он подевался?— шепотом спросил один.— Кровать пустая...

— На диване тоже нету,— недоуменно отозвался второй.— Я же говорил тебе, надо было прийти пораньше!

— Раньше никак не мог! Ты же знаешь, я в операции участвовал...

— Как будто твои ребята без тебя не могли там управиться!

— Не могли. Никак не могли. Операция очень сложная была...

Пока незваные гости шарили по квартире, Ямщиков лежал за диваном и пытался потихоньку смахнуть с носа прилипшую паутину.

«Только бы не чихнуть,— мысленно заклинал он себя.— Только бы не чихнуть...»

— Надо в ванной посмотреть,— снова подал голос первый грабитель.— Может, он там?

Натыкаясь в темноте на мебель, он на ощупь выбрался из комнаты и направился к совмещенному санузлу. Олег замер. Под ванной у него была спрятана самая заветная вещь, которая только и связывала его последней тоненькой ниточкой с тем далеким, когда-то родным ему миром. И вот теперь грабитель покушался на самое дорогое, что было у Ямщикова.

Неожиданно из санузла послышался звон, и в тишине что-то жалобно забулало.

— Что ж ты наделал, гад!— вскрипел Олег.— Ты же мне последнюю водку разбил! Жулик проклятый!

Забыв об опасности, он одним яростным прыжком выскочил из-за дивана и, словно раненая пантера, бросился на грабителя. Тот испуганно отпрянул и, таща на плечах повисшего на нем Ямщикова, кинулся искать

защиты у напарника. Тем временем второй грабитель, услышав шум, на шарил на стене выключатель и зажег свет.

— Добрый вечер,—извиняющимся тоном произнес он.—Вы меня не узнали? Я тот самый десятый номер команды «Атлантида», который в сегодняшнем матче нанес вам травму... Пожалуйста, извините нас за столь поздний визит, но я... я никак не мог уснуть сегодня... Я причинил вам боль... Я видел, вы так, страдали...

— Чего-о?—изумленно протянул Олег.—Кто страдал?!

— Вы,—кротко пояснил ночной посетитель.—Вы страдали из-за моей неловкости. Но поверьте, это случилось случайно... Я так боялся... боялся—вдруг у вас вывих или перелом?!. Я привел к вам своего приятеля. Он очень опытный врач, и он... любезно согласился осмотреть вашу ногу... Скажите... скажите честно: вы больше не сердитесь на меня? Мне это очень важно знать...

— Пошел ты!...—задохнулся от возмущения Олег,—пошел ты со своим приятелем... к чертовой теще! Ты... ты...—он хотел добавить что то очень выразительное, но тут силы оставили его, колени сами собой подогнулись, и, закрыв глаза, Ямщиков медленно опустился на штрафную площадку ставшего ему родным зеленого дивана.

КОНЕЦ ОДИНОЧЕСТВА

Прошло три недели. Авторитет Ямщикова в местном футболе рос, результативность команд падала. В очередном матче «Антилопа» встречалась с командой «Антибиотик». На установке Антей Антипыч был краток и откровенен.

— Команда у них, сами знаете, слабоватая, но бдительности терять нельзя. Особенно надо опасаться их седьмого номера, Антиресова. Он у них лучший бомбардир. Активный игрок! Хорошо бы его разменять на кого-нибудь...

Тренер обвел глазами команду, и взгляд его остановился на Ямщикове.

— Возьми его на себя. Твоя задача—выключить его из игры. Пускай сам не сыграешь, но и ему не дашь. Чтоб он у тебя шагу не мог ступить. Да что мне тебя учить, сам все знаешь... Ну, а теперь—все на поле! Соперник уже ждет.

...Едва начался матч, Олег подбежал к Антиресову и встал так близко от него, что даже в очереди за пивом в родном мире Ямщикова расстояние между людьми бывало больше.

— Добрый день,—вежливо сказал Антиресов.—Как хорошо, что вы сами явились. А я только собирался бежать за вами.

— Чего это я тебе понадобился?—удивился Олег.

— Установка такая!—развел руками соперник.—Согласно последним тактическим веяниям, мне поручили вас опекать по всему полю.

— Да что ты?—обрадовался Ямщиков.—Значит, ты от меня не отойдешь?

— Ни на шаг!—подтвердил Антиресов.—И не надейтесь. А вы, наверно, рассчитывали нам гол забить? Сразу вас предупреждаю: только через мой труп.

— Во чудак!—пожал плечами Олег.—Да зачем мне забивать? У меня и задания-то такого не было. Не, ты не думай, я к тебе со всей душой, без всякой задней мысли. Мне просто надо тебя нейтрализовать.

— А, это другое дело!—облегченно вздохнул противник.—Значит, уважает меня ваш тренер?

— Если б не уважал, не приставлял бы к тебе персонального сторожа. А ты меня уважаешь?

— Конечно, еще бы! Я вас очень ува... Извините, мне пас дали. Побегу!

— Какой смысл?—возразил Ямщиков.—Все равно я помешаю тебе как следует его принять. В лучшем случае уйдет мяч на аут.

— А если я сделаю рывок?

— У меня скорость, как у трамвая!—предупредил Олег.—Я тебе не уступлю. В крайнем случае наступлю. Нечаянно, конечно.

— М-да...—заколебался Антиресов.— Действительно... Но пас же мне адресовали. Как-то неудобно игнорировать...

— Сделай вид, что не заметил,— посоветовал Ямщиков.— И потом, какую тебе установку дали: за мячом бегать или за мной?

— За вами.

— Ну и плюнь на мяч! Представь себе, что я побежал в другую сторону.

— Гм... Тогда... В таком случае я вас попрошу: сделайте хоть несколько шагов, чтобы у меня было алиби...

Олег слегка сместился к центру. Соперник последовал за ним.

— Так вы считаете, что нам лучше всего стоять здесь и ни во что не вмешиваться?

— Факт! Ты ведь, надеюсь, не хочешь прослыть нарушителем игровой дисциплины?

— Нет, конечно.

— Ну так стой рядом со мной и будем выключать друг друга. Кстати, можешь называть меня на «ты». Чего нам считаться? Одно дело делаем...

Они помолчали.

— А ты хороший парень,—после паузы сказал Антиресов.— Рассудительный и неглупый...

— Еще бы!—хмыкнул Ямщиков.— Старшим антигравитатором кого попало не назначат!

— Да, это верно,—согласился соперник.— У меня брат давно мечтает антигравитатором стать, да ничего не получается. Претендентов слишком много...

— Пусть зайдет как-нибудь,—покровительственно заметил Олег.— Постарайся помочь...

— Правда?—обрадовался Антиресов.— Вот спасибо! А вы... а ты приходи ко мне в субботу в гости! Посидим, повеселимся...

— А девочки будут?

— Конечно!

— Ну, тогда заметано.

Постепенно разговор приобретал все более оживленный характер. Вскоре Ямщиков и его новый приятель так увлеклись, что перестали обращать на игру всякое внимание. Однако минут через двадцать темы начали иссякать.

— Скучно!—зевнул Антиресов.— Не знаешь, чем и заняться...

— Может, в «балду» сыграем?—предложил Олег.

— А я не умею...

— Ерунда! Я тебя научу. Называй какую-нибудь букву...

Сражение в «балду» было в самом разгаре, когда на голову Антиресова неожиданно опустился мяч.

— Тьфу ты!—выругался он.— Вот досада! Нужное слово из головы выбили! Разве можно заниматься интеллектуальными играми в таких условиях?

— Да, то и дело отвлекают!—поморщился Олег.

— А знаешь что?—задумчиво сказал Антиресов.— Что мы здесь как пни торчим? Кому это нужно? Пойдем лучше в раздевалку, доиграем!

— А не будет это нарушением дисциплины?—недоверчиво спросил Ямщиков.

— Какое же это нарушение?—удивился соперник.— Тренеры же решили нас разменять друг на друга. Решили или нет?

— Ну, решили... Так что из того?

— Ну вот мы друг друга из игры и выключим. Пошли, пошли, не будь формалистом!

И, не слушая возражений, он дружески обнял Олега за плечи и увлек в раздевалку. Игра продолжалась.

Олег Ямщиков не был больше одинок в антимира. У него появились здесь друзья и единомышленники...

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Новый приятель Ямщикова жил в пригороде. То и дело сверяясь с бумажкой, на которой был записан ад-

рес, Олег долго плутал по незнакомым улицам, пока наконец не вышел к большому неосвященному скверу.

«Про сквер мне Антиресов говорил,—вспомнил он.—Сразу за сквером должна быть парикмахерская, а потом его дом...»

Ямщиков сунул бумажку в карман и свернул в безлюдную темную аллею. Неожиданно от дерева отделилась высокая тощая фигура и загородила ему дорогу.

— Простите, у вас закурить не найдется?—с нехорошей ухмылкой поинтересовалась фигура.

Олег сделал шаг назад и нерешительно оглянулся. Однако отступать было уже поздно: из кустов выходили еще четверо. Они окружили Ямщикова плотным кольцом и принялись молча ждать развития событий.

Поняв, что достойно ретироваться не удастся, Олег решил быть предельно корректным. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда пачку «Явы», которую еще в том далеком, нормальном мире всегда держал при себе для представительства.

— Вот, угощайтесь... Как говорится, чем богаты...

Высокий взял у него пачку, посветил на нее фонариком и, брезгливо поморщившись, выбросил в кусты.

— Что ж ты меня угощаешь такой гадостью? Ты разве не знаешь, что они без антеникотина?! Хочешь меня на тот свет отправить?..

— Вот мерзавец!—рассвирепел широкоплечий приземистый тип в тельняшке и зеленой шляпе.—Таких наказывать надо! Врежь ему как следует, Антипат!

— Погоди, Антипат!—осадил его высокий.— Не горячись раньше времени. Может, мы с ним по-хорошему договоримся... Слушай, ты, отравитель!—обратился он к Ямщикову.— Деньги у тебя есть?!

Олег побледнел и сдавленным голосом пробормотал, инстинктивно втягивая голову в плечи:

— Не захватил, к сожалению...

— Ну вот и отлично!—обрадовался Антипат.— На, держи!

Он достал из-за пазухи толстую пачку денег и протянул ее Ямщикову.

— Держи, тебе говорят! Да поторапливайся, а то сейчас схлопочешь!

Увидев, что жертва плохо соображает, чего от нее хотят, Антипат рванул на себя пиджак Ямщикова, небрежно запахал деньги в карман и застегнул его английской булавкой. Затем критически оглядел Олега с ног до головы и остался недоволен.

— А почему на тебе плаща нет?!

— Так ведь... жарко...

— Я тебе дам, жарко! На-ка вот, надень!

Он снял с себя какой-то длинный балахон и напялил на Ямщикова.

— Вот, носи на здоровье! Импортный! В магазине такой не достанешь!

Пока Антипат любовался делом своих рук, два его сподвижника молча и яростно напяливали на запястье Олега две пары наручных часов, а мордастый ловко подвязал Ямщикову на шею ярко-оранжевый галстук с изображенной на нем полуодетой негритянской.

Покончив со всеми хлопотами, налетчики на прощание дали Олегу пару подзатыльников и, велев не поднимать шума, исчезли так же внезапно, как и появились. А изумленный Ямщиков еще долго стоял в раздумье, не зная, что ему предпринять. Потом он вытащил из кармана деньги, тщательно пересчитал их, вздохнул и, пожав плечами, отправился в гости.

ЧЕЛОВЕК КРАСИВОЙ ДУШИ

Антиресов встретил Олега в фартуке.

— Наконец-то! — обрадовался он.— Ты чего так долго? А я тут, понимаешь, хозяйством занимаюсь... Да раздевайся, чего стоишь!

Ямщиков трясущимися пальцами попытался расстегнуть подаренный ему плащ, но от волнения никак не

мог найти пуговицы. Хозяин, наконец, заметил его состояние.

— Да что это с тобой? На тебе лица нет! И одет ты как-то странно...

— Я... на меня какие-то злоумышленники напали,—сбивчиво произнес Олег.—Ну, и вот, одели... с головы до ног... Я сопротивлялся, двоих чуть не убил. Но их там пятеро было. Силой заставили...

— Да что ты!—побледнел Антиресов.—Вот негодяи! Я давно слышал, что у нас тут шайка орудует, но как-то не верил... И что же... что же они с тобой сделали? Издевались, наверно?!

— Ага... Денег кучу надавали. И вот часы еще...

— Ну и подлецы!—покачал головой хозяин.—У них это любимое занятие—оскорбить человека подкачкой! Унизить деньгами его достоинство... Деньги ты уже, конечно, выбросил?

— Конечно,—не моргнув глазом соврал Ямщиков.—Как только они разбежались, я деньги тут же в урну сунул. Да еще плюнул сверху!

— Вот это правильно!—одобрительно кивнул Антиресов.—А эти тряпки мы сейчас в мусоропровод спустим.

Он решительно сорвал с Олега импортный плащ и вместе с галстуком бросил в ведро. Туда же он хотел отправить и две пары часов, но Ямщиков воспротивился.

— Нет, часы пока оставь. Я на обратном пути брошу их этой шпане прямо в лицо!

Антиресов с уважением взглянул на него и, ничего не говоря, крепко пожал руку.

— Слушай,—задумчиво произнес Олег.—Я тут человек новый и никак в толк не возьму: для чего им надо было меня одевать?

— А!—со злостью махнул рукой хозяин.—Ничтожные личности! Жулье! В основном это недобросовестные торговые работники. Понимаешь, импортную одежду никто не хочет покупать. Так они, вместо того чтобы улучшить рекламу, проводить

беседы с покупателями, убеждать их,—вместо всего этого они пошли по скользкому пути: подкарауливают людей в укромных местах и натягивают на них силком импортные вещи! Конечно, милиция борется с этим, но пока недостаточно.

— Поня-ятно...—кивнул Ямщиков.—С барахлишком все ясно. Вот только насчет денег до меня не доходит. Деньги-то они мне зачем сунули?

— Так они ведь понимают: кто же будет бесплатно в этой импортной дряни ходить? Вот и суют, вроде как взятку. Если человек деньги у них взял, он себя как бы обязанным будет чувствовать. Придется ему эти вещи носить, служить ходячей рекламой. У этих делег тонкий расчет! Ну ладно. Постарайся забыть. Да проходи ты, чего у двери стоишь? Проходи, не стесняйся, а я тут пока по хозяйству хлопоты закончу...

Немного отдышавшись, Олег прошел в комнату и осмотрелся. В переднем углу красовался уставленный закусками стол. Из приемника тихо лилась музыка. Зажженные свечи создавали уютный полумрак.

— А где же девочки?—недовольно поинтересовался Ямщиков.

— В ванне,—донесся издали голос хозяйки.—Я их купаю. Хочешь посмотреть?

Олег устремился в ванну и увидел там двух девочек года по четыре от роду, которым Антиресов заботливо намыливал голову.

— Сейчас я их выкупаю и спать уложу,—вернулся он к гостю.—А потом мы с тобой за стол сядем. Ты там подожди пока полчаса, журналы посмотри, можешь телевизор включить...

— Так ты что... Ты женат, значит?—разочарованно спросил Олег.

— Ага. Уже пять лет. Душа в душу живем!

— А где же сейчас твоя... половинка?

— Как всегда. В преферанс играет у соседки. Теперь часа в три вернется...

— Ну да?! И часто это она у тебя так?

— Два раза в неделю. Иногда три. Они с приятельницами жить без этой пульки не могут!

— Так это, выходит, все хозяйство ты один тянешь? А от нее помощи — кот наплакал?

— Что с нее взять? — развел руками Антисеров. — Женщина... Да, кстати! Ты ведь, кажется, не женат? Может, тебя с кем-нибудь познакомиться, а? Ты не стесняйся, у жены подруг много...

— Н-нет... — задумчиво сказал Ямщиков. — Лучше, пожалуй, не надо... Я с детства... этот... как его... жено-ненавистник!

В это время в дверь неожиданно позвонили.

— Кто это? — испуганно спросил Олег. — Может быть, опять они... Дайка я на всякий случай плащ из ведра достану...

— Не бойся, — похлопал его по плечу хозяин. — По квартирам хулиганы не ходят. Это, скорей всего, наш старший тренер. Он меня попросил с тобой его познакомиться...

Антисеров открыл дверь и впустил высокого интеллигентного мужчину.

— Антипирин Анатольевич, — представился вошедший и дружески протянул Олегу узкую ладонь. — Прошу любить и жаловать! А вы, значит, и есть тот самый знаменитый Ямщиков? Наслышан, наслышан о вас... Ну, что ж мы стоим? Давайте пройдем в комнату, у меня к вам серьезный разговор имеется...

Он проводил Олега к дивану, сам сел в кресло напротив и с места в карьер предложил:

— Не хотите ли вы, голубчик, перейти в нашу команду?

Ямщиков поперхнулся от неожиданности, но марки не уронил и с достоинством поинтересовался:

— А какие будут ваши условия?

— О, условия прекрасные! — обрадовался Антипирин Анатольевич. — Поймите меня правильно, я не хочу сказать ничего плохого о вашей

«Антилопе», но у нас, в «Антибиотике», условия намного лучше! Во-первых, у нас гораздо богаче библиотека. Во-вторых, при нашей команде организованы курсы антильского языка. В-третьих, мы гораздо чаще ходим в театры, проводим диспуты, встречи с интересными людьми...

— И это все? — спросил Олег. — А где же главное?

— Ах, да! — хлопнул себя по лбу тренер. — Главное-то я и забыл! У нас ведь на голову выше поставлена лекционная работа!

— Ну, вот что, батя! — с чувством сказал Ямщиков. — Я человек образованный, ваши лекции для меня — это позавчерашний день. Поэтому давай так договоримся: дадите машину — перехожу в ваш «Антибиотик». Не дадите — тогда не взыщи. Мне и в «Антилопе» неплохо. Как-никак я у них там старший антигравитатор!

— Гм, машину, — стушевался Антипирин Анатольевич. — Насчет машины я не уверен...

— Ну, не уверен, тогда и говорить нечего!

— Но я... я попробую поговорить с кем нужно...

— Попробуй, попробуй. А пока что отложим этот разговор.

— Ладно! — решил, наконец, тренер. — Будет вам машина! В лепешку разобьешь, но достану! Только к нам вы перейдете прямо на этой неделе!

— Вот это деловой разговор! — одобрил Ямщиков. — Значит, решено и подписано! А теперь это дело надо обмыть! А то я уже целых три недели в рот не брал!

— Как это обмыть? — не понял Антипирин Анатольевич.

— Водочкой, батя! Водочкой! — усмехнулся Олег. — Как она у вас там называется? Антиповка какая-нибудь?

— Антабусовка, — хмуро сказал тренер. — Только стоит ли обмывать? Ведь это же все-таки нарушение режима...

— Никто не узнает! — махнул рукой Ямщиков. — И потом, я же пока

не в твоей команде числюсь. Тебе же самому приятно будет, что в какой-то там «Антилопе» игроки режим нарушают! Так что доставай, батя, бутылочку—и к делу...

— А где ее взять?—растерянно спросил Антипирин Анатольевич.— Антабусовку у нас только до одиннадцати утра отпускают...

— Это ничего!—успокоил Олег.— Можно достать у таксиста.

— У таксиста?!—вытаращил глаза тренер.— Таксисты антабусовку не продают!

— Извини, батя, не могу поверить,—возразил Олег.— Жди меня здесь.

Он накинул на плечи пиджак и весело застучал каблуками по лестнице...

Ямщиков вернулся через полчаса и вытащил из карманов три поллитровые бутылки. На лице его лежала печать задумчивости.

— Вот чудак...—бормотал он себе под нос.— Ну и чудак этот таксист! Это ж надо—отдать водку за полцены! «Что вы, что вы,—говорит,—она же теплая, да еще в машине целый день побталась, растряслась вся...» С ума сойти! Нет, что он все-таки имел в виду?.. Может, тоже унижить меня хотел?

Однако вид накрытого стола медленно заставил Олега забыть свои сомнения. Он потер руки, откупорил бутылку зубами и наполнил стаканы...

Вкус у антабусовки оказался знакомым, но на организм она подействовала как-то странно. Вместо приятного опьянения Ямщиковым вдруг овладело острое недовольство собой. Пробудившаяся совесть, словно изжога, начала жечь грудь. По всему телу энергично разливалось благородство.

— Вот что, батя!—рубнул рукой воздух Олег.— Не надо мне машины! Я так, даром к вам перейду!

— О чем ты говоришь?—возмутился Антипирин Анатольевич.— Разве я это допущу? Через три дня будет у тебя машина!

— А я говорю, не надо!

— Нет, надо!—упорствовал тренер.— Раз я сказал, что дадим тебе машину, значит, дадим!

— Я подарю ее детсаду!—заявил Ямщиков.

— Это очень благородно!—согласился Антипирин Анатольевич и, помолчав, добавил:— Слушай, а может, тебе к нам не переходить? «Антилопа» такая хорошая команда! А у нас, честно говоря, играть-то некому! Загубишь ты у нас свой талант! Не переходи—и все тут!

— Нет, раз я обещал, то перейду! Но перейду с тем условием, чтобы вы наладили у них, в «Антилопе», лекционную работу. Иначе вы не наладите, я знаю. Все некогда будет...

— Решено!—кивнул тренер.— Ты человек красивой души! Жаль только, что имя у тебя сложное, никак его не запомню... Слушай, можно я тебя буду называть просто Антиох?

— Валяй, батя, раз тебе так приятней.

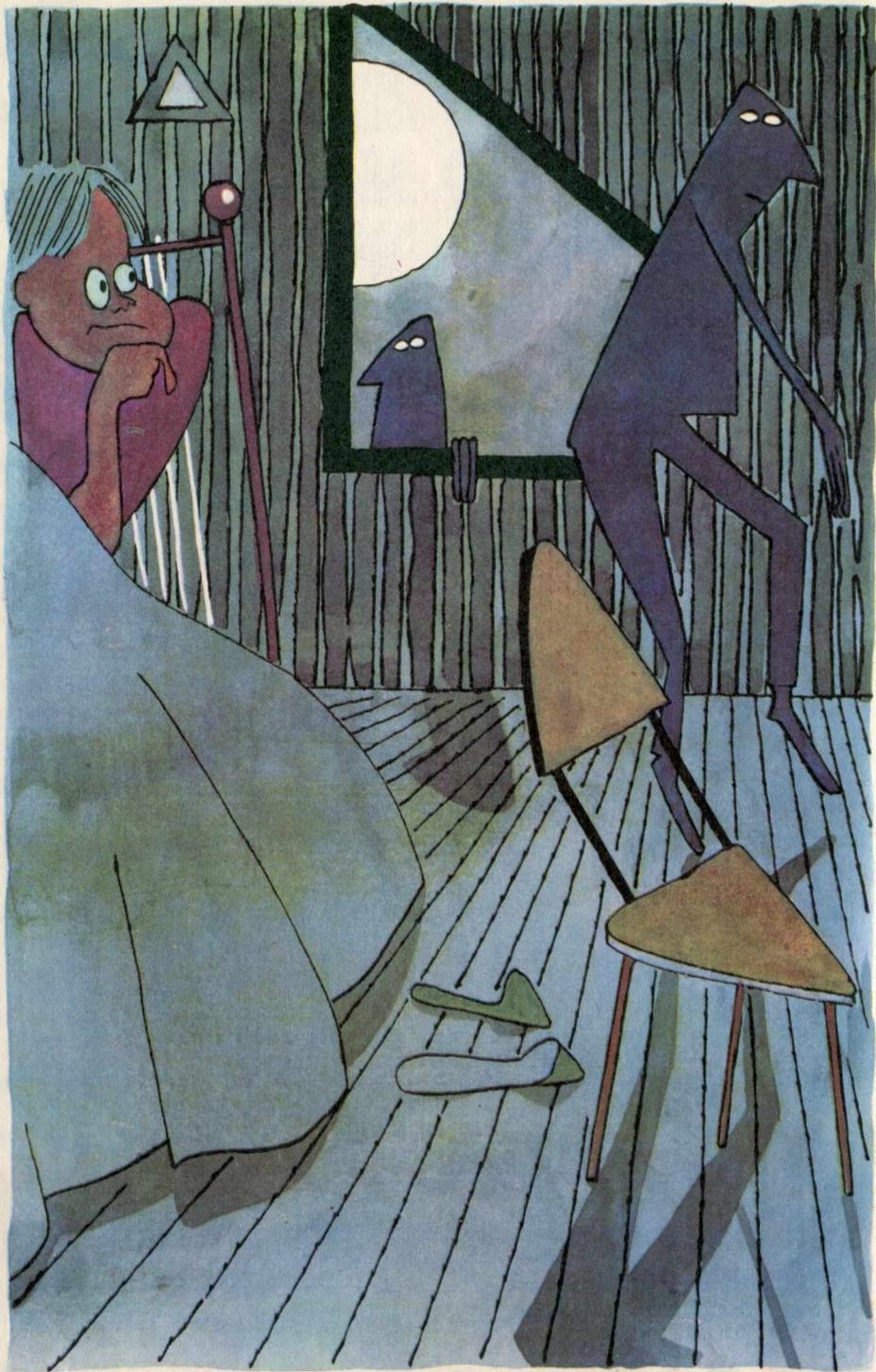
— У тебя большое сердце, Антиох! Мы выделим тебе целый дом с гаражом и сараем!

— Я буду жить в сарае,—скромно сказал Олег.— И не будем больше об этом. Давай лучше поговорим о чем-нибудь возвышенном...

Разговор по душам продолжался. Последнее, что запомнил Ямщиков в этот вечер, была толстая пачка денег и две пары часов, которые он брезгливо вытащил из кармана и с презрением бросил в форточку...

ДВОЙНАЯ ПОГОНЯ

Ночь была черная, как душа негодя. Часы показывали без десяти три. Ямщиков в последний раз оглядел свою комнату, где прошел целый месяц его жизни. Кажется, все в порядке, ничего не забыто. Краны он завернул, газ выключил, квартплату получил за месяц вперед. Больше ничто его не задерживало. Олег подхватил уложенный еще с вечера чемодан и выпрыгнул в окно.

В целях конспирации машина должна была ждать на соседней улице. Ямщиков осторожно огляделся и, не заметив ничего подозрительного, взвалил чемодан на плечо и заспешил к условленному месту. До цели оставалось уже совсем недалеко, когда из неосвещенного подъезда выскочил какой-то лысый тип и с воплем метнулся ему наперерез. В одной руке он держал карандаш и несколько листов бумаги, в другой — домашние тапочки. Одет он был легко — единственный его наряд составляли длинные, до колен, сиреневые трусы, которые он на бегу придерживал локтем.

В Олеге вскипела неподдельная ярость. Не говоря ни слова, он приблизился к незнакомцу, развернулся и — бросился бежать.

«И куда только милиция смотрит! — раздраженно думал Ямщиков на бегу, стараясь, чтобы чемодан на его плече не слишком наезжал на голову. — Хулиганов как мух развелось, и никому дела нет! Если только мне сегодня удастся удрать, запишусь в народную дружину...»

Тем временем лысый, набирая скорость, бросился за ним.

— Эй, стойте, куда вы?! Стой, тебе говорят! Остановись!

— Сейчас, как же! — язвительно буркнул Олег. — Так я тебе и остановился, держи карман!

Почувствовав, что человек в трусах его догоняет, Ямщиков бросил в кусты чемодан и помчался налегке. Теперь он вырвался вперед метров на тридцать. Однако преследователь, увидев, что ситуация изменилась не в его пользу, отшвырнул тапочки и понесся за Олегом с одними лишь письменными принадлежностями в руках. Расстояние снова сократилось до минимума.

«Вот черт непричесанный! — неприязненно подумал Ямщиков. — Только этого еще не доставало! Сейчас он мне импортную бумагу будет навязывать!»

От этой мысли в нем проснулась такая злость, что он обернулся на

бегу и крикнул прямо в лицо своему преследователю:

— Бросьте бумагу! Не смейте унижать подкачками мое человеческое достоинство!

Это было его роковой ошибкой. Преследователь воспользовался секундной заминкой, резким прыжком настиг Ямщикова и ухватил его за пиджак. Поняв, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, Олег остановился и на всякий случай по-солдатски вытянулся «во фронт».

— Эврика! — заорал незнакомец в самое ухо Ямщикова. — Эврика!

— Очень приятно! — вежливо протянул руку Олег. — Ямщиков! Сердечно рад познакомиться... В торговой сети служите?

— Я?! — удивился человек в трусах. — С чего вы взяли?! Я ученый, автор многих выдающихся изобретений. Может, слышали такую фамилию — Антимухин?

— Много раз! — не раздумывая соврал Ямщиков. — Над чем сейчас работаете?

— Можете меня поздравить, молодой человек! — торжественным голосом произнес Антимухин. — Я только что сделал величайшее закрытие нашей эпохи, о котором должен немедленно сообщить людям! Еле догнал вас! Вы будете первым, кто узнает об этом. Знайте, что я полчаса назад закрыл закон Архимеда! Помните, тот самый — о теле, погруженном в жидкость?

— Помню, помню, — быстро согласился Олег. — Душевно поздравляю! Долго работали над своим... э-э... закрытием?

— Совсем нет! — торжествующе воскликнул изобретатель. — Это пришло неожиданно, как озарение! Я мылся в ванне, намыллил спину — и вдруг меня осенило! Ведь этот закон совершенно не нужен! Он морально устарел, не созвучен эпохе! Вот здесь у меня неопровержимые доказательства! — он потряс в воздухе бумажными листками, густо испещренными записями.

— Если хотите, можете ознакомиться! Как все гениальное, это очень просто!

— Извините, сейчас не могу,— возразил приободрившийся Ямщиков, который, наконец, понял, что унижать подачками его сегодня не будут.— Как-нибудь в другой раз. Сегодня очень спешу!

— Жаль!— искренне огорчился Антимухин.— Тогда заходите завтра. Я буду вас ждать и все подробно объясню. Вы увидите, какое это замечательное закрытие! Придете?

— Обязательно,— кивнул Олег и снова пожал изобретателю мокрую руку.— Физкульт-привет!

— Одну минуточку!— остановил его изобретатель.— Я же не оставил вам адреса!

Он оторвал клочок бумаги, нацарапал на нем несколько слов и сунул в карман Олегу.

— Вот. Можете прийти с друзьями. Им будет интересно.

— Мы придем всей командой!— пообещал Ямщиков и, брезгливо вытерев руку о полу пиджака, отправился на поиски своего чемодана.

...Через десять минут Олег уже подходил к условленному месту. Машина ждала его с включенным мотором и погашенными фарами. Ямщиков устало плюхнулся на заднее сиденье, захлопнул дверцу и нервно сказал:

— Гони, шеф!

Автомобиль взревел и рванулся с места. Но не успел он проехать и двухсот метров, как откуда-то из-за угла вынырнул большой черный лимузин с фигуркой антилопы на радиаторе. Лимузин лихо развернулся и, словно голодная пантера, стремительно понесся за ускользящей добычей.

— Быстрой, шеф, быстрой!— ерзая на сиденье, нервничал Ямщиков.— Если они нас догонят, все пропало! Добром «Антилопа» меня не отпустит...

Они промчались под «кирпичом», свернули направо и проходными дворами выехали на кривую темную улицу. Но лимузин уже поджидал их там,

развернувшись поперек мостовой. Они дали задний ход, проехали через сквер, снеся гипсовую статую мальчика без горна, и принялись петлять по закоулкам. Однако лимузин, мгновенно сориентировавшись, промчался по параллельной аллее, опрокинул статую мальчика без барабана и снова настиг беглецов.

Через полчаса все было кончено. Несмотря на все ухищрения преследуемых, лимузин загнал их в тупик и прижался к машине боком, намереваясь взять ее на бордаж. Олег закрыл глаза, сполз под сиденье и приготовился к самому худшему.

Через несколько секунд дверца открылась, и радостный голос Бантикова возвестил:

— Ребята, сюда! Он здесь!

Сильные руки подняли Ямщикова, бережно страхнули с него прилипший мусор и поставили на тротуар.

— Что ж ты, чудак-человек, нам ничего не сказал?— укоризненно покачал головой Пантилеев.— Ох, погубит тебя твоя скромность... Мы в самый последний момент узнали, еле успели вас догнать...

Он открыл портфель и вытащил оттуда объемистый сверток:

— На вот, пирожки тебе на дорогу. Жена Антея Антипыча пекла. Ты уж извини, они подгорели немножко. Все ведь в спешке делали. Не знали даже, какие ты больше любишь—с рисом или с капустой. На всякий случай и тех, и других положили...

— А вот тут огурчики малосольные,— протянул трехлитровый баллон Кондратьев.— Всей командой солили...

— Погоди ты с огурчиками!— перебил Бантиков.— А то главное забудем. Держи, Олег...

Он протянул Ямщикову перевязанный розовой ленточкой пакет.

— Мы тут с ребятами посоветовались и решили подарить тебе комплект формы нашей «Антилопы». А то когда-то тебе в «Антибиотике» выдадут! Или вдруг у них не найдется нужного размера... Всякое может слу-

читься. Так ты первое время нашу поноси, пока все что нужно подготовят...

— Там за тобой инвентарь кое-какой числится,— сказал капитан.— Так ты не думай об этом, езжай спокойно. Я его на себя переписал...

Ямщиков долго стоял молча, уставясь на свертки неподвижным взглядом. Наконец, в носу у него защеколело. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать, но в этот миг, заглушая дебаты мелодичным тарактением, к нему подлетел мотоцикл, и запыленный Антей Антипыч, сняв шлем и достав из него сложенную вчетверо бумажку, протянул ее Олегу.

— Вот, спрячь подальше. Это ходатайство от нашей команды в федерацию футбола, чтобы они тебе разрешили за «Антибиотик» играть. Мы тут упираем на то, что у них там воспитательная работа лучше поставлена и твой талант там полней раскроется...

Он вытер платком вспотевший лоб и удовлетворенно улыбнулся:

— Уф, еле успел у Антимоньева печать поставить. Пришлось его с постели поднимать... Ну, не будем больше тебя задерживать. Езжай скорей. Там ждут тебя твои новые товарищи!

И он нежно, по-отцовски, троекратно облобызал Олега.

ЯМЩИКОВ ОСВАИВАЕТ ГЕКЗАМЕТР

В команде «Антибиотик» все были студентами. Человек десять училось в медицинском, остальные изучали античное искусство. О медицине Ямщиков не желал и слышать. Пришлось посвятить себя античности. К глубокому удовлетворению Олега, изучать ее оказалось значительно проще, чем он думал. Ему выдали на дом магнитофон с кассетами и попросили, перед тем как он ляжет спать, поставить одну из кассет и оставить магнитофон включенным. К утру содержа-

ние кассеты намертво застревало в голове. Этот метод назывался гипнопедией и давал в антимире очень неплохие результаты.

После трех ночей Ямщиков почувствовал в голове какую-то холодноватую тяжесть. Почему-то хотелось опохмелиться, хотя абсолютно никаких оснований для этого не было. Помаявшись с полчаса, Олег надел галстук и пошел к Антипирину Анатольевичу.

У тренера было подавленное настроение. Увидев Ямщикова, он усадил его в кресло и принялся жаловаться на судьбу.

— Плохо мне, Антиох! Очень плохо! Просто места себе не нахожу. Понимаешь, завтра у нас самый главный матч сезона. Завтра должно решиться: зайдем мы опять последнее место или поднимемся на две ступеньки выше. И надо ж такому быть: именно в этот момент у нашего лучшего нападающего, у нашей, можно сказать, надежды— Антиресо́ва— случился приступ «звездной болезни».

— Ну да?!— не поверил Олег.— У этого скромняги— и вдруг «звездная болезнь»?!

— Именно что скромняга!— согласился тренер.— Приходит позавчера ко мне и заявляет, что у него слабая техника и что он не достоин выступать в основном составе!

— Во дает!— удивился Ямщиков.— Ну и что же он думает делать?

— Сказал, что, пока не ликвидирует свое отставание, играть не будет, чтобы не позорить команду! И стал тренироваться по ночам. Освещение выключат, так он при звездах тренируется, технику отрабатывает. А днем в библиотеках пропадает, изучает теорию! Как тебе это нравится?!

— Да, тяжелый случай!— согласился Олег.— А может, с ним того... по душам поговорить?

— Да я уж несколько раз пытался!— безнадежно махнул рукой Антипирин Анатольевич.— Но он слушать ничего не желает! Уперся на своем— и все тут. И не желает подумать:

каково мне-то! Ведь мы уж и без того три года подряд последнее место занимаем...

— Три года!— присвистнул Ямщиков.— И вас до сих пор не сняли с работы?!

— Наоборот,— вздохнул тренер.— Три раза оклад повышали. Чтоб мне легче работать было. Думали, может, я получаю мало, поэтому у меня дело не ладится. Квартирные условия улучшили. Телевизор цветной подарили. В общем, поддерживали как могли. Но увы... Все напрасно! И вот теперь, когда у нас был такой грандиозный шанс уйти с последнего места, произошла эта нелепая случайность! Теперь завтрашний матч нам наверняка не выиграть! Значит, опять все сначала начнется: прибавят снова оклад, путевку в лучший санаторий дадут... Эх, разнесчастный я человек!..

— М-да...— задумчиво произнес Олег.— Жизнь, я смотрю, у вас тут не сладкая... Водка—и та «антабусовка»! Разве ж это удовольствие? Выпьешь—и начинаешь: «Простите, извините...» Тьфу! Срам! Сам себе делаешься противен!

Они помолчали. Наконец, Антипин Анатольевич встал, прошелся по комнате из угла в угол и мечтательно сказал:

— Нам бы завтра хоть один гол забить...

Олег хмыкнул, почесал в затылке и вдруг, неожиданно для самого себя, слегка завывая, обнадежил тренера классическим гекзаметром:

— Ладно, не дрейфь ты, о трижды судьбою облаканный батя! Чтонибудь к завтраму нам милосердные боги позволят придумать...

ЕЩЕ ОДНО ВЕЛИКОЕ ЗАКРЫТИЕ

Остаток дня Ямщиков провел в размышлениях. Он энергично расхаживал по комнате из угла в угол, сосредоточенно хмурил лоб, яростно скреб затылок, но, несмотря на форсированную мозговую деятельность,

ничего путного придумать не мог. Тут нужна была какая-то свежая идея, позволяющая раздвинуть рамки человеческих возможностей, во всяком случае возможностей Ямщикова. Почти отчаявшись, Олег машинально сунул руки в карманы и вдруг нащупал в одном из них мятый клочок бумаги. Это был адрес изобретателя Антимухина. Сначала Ямщиков в раздражении хотел выбросить его в форточку, но неожиданно в его голове мелькнула мысль. Она показалась своему хозяину настолько любопытной, что он отряхнул замурзанный листок от прилипших к нему крошек, бережно разгладил его пальцем и, переложив в другой карман, отправился в гости к легкому на ногу автору выдающихся закрытий.

...Антимухин обрадовался Олегу, как любимому ученику. На этот раз он был одет более по-европейски, что произвело на Ямщикова положительное впечатление.

— Ах, это вы!— засуетился изобретатель вокруг гостя.— Очень рад! Очень рад! Вы пришли узнать подробности моего нового закрытия! С удовольствием приведу вам свои выводы и доказательства! Уверен, что они убедят вас в моей правоте.— Он провел Олега в комнату, усадил в кожаное кресло и принял застилать стол белоснежной скатертью.

— Да вы не хлопочите,— заметил Ямщиков.— Я ничего не хочу. Я к вам ненадолго...

— Нет-нет,— возразил хозяин.— Уж раз пришли, то подчиняйтесь.— И он эффектно взмахнул рукой:

— Прошу к столу!.. Или прежде хотите руки помыть?

— Ничего, я недавно мыл,— сказал Олег, подсаживаясь к столу.

— Ну, как знаете,— согласился хозяин.— Тогда начнем, пожалуй...— он достал из шкафа и разложил на столе перед гостем пухлые потрепанные папки.— Вот здесь вся моя научная деятельность. Основные закрытия, материалы дискуссий, переписка...

— Ого!—опешил Олег.— Вот это я понимаю! Вы, я вижу, большой ученый... Скажите, а много уходит времени на то, чтобы закрыть что-нибудь? Закон там какой-нибудь или просто?

— Много,— покачал головой Антимухин.— Очень много! Вы даже представить себе не можете, сколько роготок на пути настоящего ученого! Поверите, порой легче сделать какое-нибудь важное закрытие, чем внедрить его в жизнь! Вот взять хотя бы это...

Он открыл одну из папок, достал оттуда несколько бумажек и протянул Ямщикуву.

— Можете убедиться сами. Тут вся история одного из моих закрытий.— Он задумчиво провел рукой по лысой голове и добавил:— Волосы дыбом становятся, когда вспомнишь, сколько мне пришлось из-за этого вынести...

Олег с некоторой опаской придвинул к себе бумажки и не спеша, вдумываясь в каждое слово, принялся читать:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

В Бюро по делам открытий
от гр. Антимухина А. П.

Прошу выдать мне авторское свидетельство на закрытие третьего закона Ньютона, ввиду того что я первый пришел к заключению о ненужности и антигуманной сущности указанного закона. Предлажаю в кратчайшие сроки, не откладывая дела в долгий ящик, закрыть этот закон, гласящий: «Действие равно противодействию».

Основания:

1. Указанный закон подчеркивает бессилие человека в борьбе с различными жизненными препятствиями, призывает к пассивности, бездействию. Ибо кому же охота в ответ на действие получить противодействие? Закрытие этого закона раскрепостит людей, укрепит их веру в собственные силы. Они заживут более полноценной жизнью, если не будут на каждом шагу встречать противодействие.

2. Отмена третьего закона Ньютона снизит перегрузку школьников, которые вынуждены тратить силы и здоровье на его изучение. Высвободившееся время можно будет посвятить общественной работе, сбору макулатуры и т. д.

3. Означенный закон не может найти поддержки у всех прогрессивно мыслящих людей. Кто захочет, тот преодолет любое противодействие. Значит, этот закон устарел и является лишь ширмой для инфантильных личностей и еще оставшихся кое-где антитрудовых элементов. Только они могут за него цепляться.

4. Для сохранения памяти о всеми уважаемом Ньютоне двух остающихся законов, носящих его имя, достаточно.

Прошу мою заявку рассмотреть в первую очередь, так как больше нет сил терпеть этот невыносимый закон, пережиток прошлых времен. Мы и так слишком долго терпели. Хватит! Настала пора принять решительные меры!

С уважением А. Антимухин.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Бюро по делам открытий
от гр. Антимухина А. П.

Месяц назад я направил в ваш адрес официальную заявку на закрытие мною третьего закона Ньютона. В ответ я получил от вас письмо, где в качестве возражения вы приводите единственный довод: отменить законы природы невозможно.

Позволю себе заметить: очень странный взгляд на вещи, пахнувший мистицизмом, фатализмом, антиоптимизмом, а может, и еще чем-нибудь похуже. Законы пишутся для людей. А если закон плохой, его надо переделать или вовсе отменить. И нечего на природу ссылаться. Человек— это царь природы, он должен покорить ее и переустроить. Мы и не такие вещи делаем: пустыни обводняем, болота осушаем, погоду предсказываем. А уж с третьим законом Ньютона как-нибудь справимся. Тем более что это не закон, а сплошное беззаконие. И защищать его могут только безнадежно оставшие от времени или недобросовестные люди, злопыхатели, закрывающие глаза на наши успехи в покорении природы. А таким людям не место среди нас!

А. Антимухин.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В городскую прокуратуру

Хочу привлечь ваше внимание к работникам Бюро по делам открытых, берущим под крылышко антигуманные законы, цепляющимся за все старое, отжившее.

От имени многих миллионов граждан, пострадавших от недобросовестного, антиобщественного отношения к делу работников Бюро.

А. Антимухин

ЗАЯВЛЕНИЕ

В судебно-медицинскую экспертизу от гр. Антимухина А. П.

Прошу проверить подлинность получения инфаркта миокарда начальником Бюро по делам открытых гр. Мантиссовым, давно известным своим меркантилизмом. У меня имеются основания думать, что данный инфаркт—это всего лишь повод для того, чтобы уклониться от выдачи мне гр. Мантиссовым авторского свидетельства.

А. Антимухин.

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящим удостоверяется, что гр. Антимухин А. П. является первооткрывателем третьего закона Ньютона. Согласно пожеланиям гр. Антимухина, указанный закон с двадцатого числа объявляется закрытым.

Врио начальника Бюро по делам открытых Крантиков

ЗАЯВЛЕНИЕ

В Бюро по делам открытых от гр. Антимухина А. П.

Уважаемые коллеги! Выдачу мне вами авторского свидетельства рассматриваю как еще одно подтверждение недействительности третьего закона Ньютона. По-настоящему энергичный человек преодолеет любое противодействие.

А. Антимухин».

— Д-да...—задумчиво сказал Олег, перевернув последнюю страницу.—Вы большой ученый... А вот скажите, могли бы вы закрыть парочку футбольных правил? Мне это позарез нужно!

— Футбольных правил?!—удивился Антимухин.—Гм... Никогда не приходилось над ними работать... А что за правила?

— Ну, скажем, правило, по которому мяч, забитый в ворота соперника из офсайда, не засчитывается... Его бы закрыть не могли бы?

— М... м... Думаю, что смог бы,—прикинув что-то в уме, заверил изобретатель.

— А сколько вам на это потребуется времени?—оживившись, спросил Ямщиков.

— Сколько времени?—Антимухин задумался.—Пожалуй... пожалуй, года полтора. Ну, если вам очень надо, то можно попробовать за год упрямиться...

— За год?!—присвистнул Олег.—Да вы что! Мне завтра к обеду нужно!

— К обеду?!—испуганно переспросил великий закрыватель.—Это совершенно исключено! Вы же сами видите, сколько приходится бороться! Новое всегда с большим трудом пробивает себе дорогу в борьбе с косностью и консерватизмом... На это уходят годы! А вы хотите за один день...

— Ну, тогда и говорить нечего!—сухо сказал Ямщиков.—До свиданья, профессор, счастливо оставаться!

— Куда же вы?—удивился Антимухин.—Ведь я еще не познакомил вас с моим последним закрытием...

— Некогда, некогда, старина! После как-нибудь познакомлюсь...—и, холодно отстранив от себя попытавшегося его удерживать изобретателя, Олег вышел из дома.

В небе уже загорались первые звезды. До матча оставалось меньше суток. Ямщиков медленно шагал по улице, рассеянно заглядывая в витрины магазинов, и продолжал прерванный мыслительный процесс. И вдруг... Взгляд его остановился на

одной из витрин. Кажется... кажется, это было именно то, что ему нужно! Во всяком случае, попробовать стоило.

Олег хмыкнул, пожал плечами и решительно открыл дверь магазина.

ПОСЛЕДНИЙ ГОЛ АНТИОХА

...В день матча в раздевалке «Антибиотика» толпилось множество людей. Многих Ямщиков видел в первый раз.

— Кто такие? — наклонился он к уху тренера.

— Наши шефы, — так же тихо ответил Антипирин Анатольевич. — Из соседнего села. Когда у нас прорыв, они всегда на выручку приезжают. Так что сегодня выпустим на поле семнадцать человек. Я им дал указания из своей штрафной площадки не отлучаться. Пусть теперь нам забить попробуют!..

— А как сами забивать будем? — поинтересовался Олег.

— Вот этого не знаю, — вздохнул тренер. — Противник тоже своих шефов привез. Так что вся надежда на тебя, Антиох. Знаю, что ты защитник, но если ты не забьешь, то не забьет никто. Придумай что-нибудь, а? Ты же у нас на тактические выдумки горазд...

— Ладно, батя, — посмотрел на него отсутствующим взглядом Ямщиков. — Есть у меня одна задумка. Ты выпускай ребят на поле, а мне на минутку отлучиться надо. Я их догону... — и, плотно притворив за собой дверь, Олег исчез.

Он появился на поле за несколько секунд до начала матча и сразу же ринулся в атаку. Причем вел он себя как-то странно: то кружился с мячом на одном месте, то вдруг резко кидался вперед, энергично размахивая руками, словно собирался взлететь. Антипирин Анатольевич застыл у бровки, наморщив лоб. В повадке Ямщикова ему чудилось что-то неуловимо знакомое, но что именно, он никак не мог вспомнить.

Тем временем Олег обошел одного за другим трех соперников и рванулся к воротам, но на пути у него выросли два здоровенных вражеских шефа. Обходить их было уже поздно. И тогда Ямщиков, часто-часто замахав руками, ко всеобщему изумлению, вспорхнул над головами опеших соперников и, выйдя один на один с вратарем, неотразимым ударом направил мяч в угол.

Трибуны взорвались овацией. Соперники бросились качать Олега, но он, вырвавшись из восторженных объятий, неторопливо добежал до собственной штрафной и тихо простоял там, ни во что не вмешиваясь, до самого конца тайма.

— Ты великий игрок, Антиох! — сказал в перерыве тренер и смахнул со щеки скупую слезу. — Я сорок лет отдал футболу, но такой гол вижу впервые! Где ты научился таким финтам?

— погоди, батя! — отмахнулся Ямщиков. — Дай-ка мне лучше вон ту бутылочку... Видишь, там, в углу, под скамьей? Во-во, давай-ка ее сюда, а то у меня заряд кончился...

Антипирин Анатольевич взял в руки бутылку, и лицо его сделалось белым, как холодильник. На бутылочной этикетке под черепом со скрещенными костями виднелись жирные буквы: «АНТИМОЛЬ». Только теперь тренер сообразил, что именно ему напоминали финты его ведущего игрока.

— Ну, чего ты там застрял, батя? — нетерпеливо сказал Олег. — Сейчас перерыв кончится!

— Антиох... — помертвевшими губами произнес тренер, — сынок... А может, лучше не надо, а?..

— Брось ты, батя, охватывать меня лекционной работой! — перебил его Ямщиков. — Диспуты в библиотеке будем устраивать, а на поле надо голы забивать!

Он торопливо вырвал бутылку и, сойдясь с ней горлом к горлу, бесстрашно начал поединок с ее злоевидным содержимым. Одержав скорую и

полную победу, Олег вынул из шкафчика горбушку черного хлеба с солью, наскоро закусил и, замысловато кружась, побегал на поле, где уже начинался второй тайм встречи. Встречи, решающей судьбу команды «Антибиотик».

На этот раз Ямщиков перепорхнул сразу пятерых и приземлился во врагтарской площадке соперников. Врагтарь отчаянным прыжком попытался накрыть мяч у него в ногах. И тогда Олег, энергично взмахнув руками, оттолкнулся и взмыл в воздух. Уже в полете он понял, что не рассчитал силы толчка, но затормозить было невозможно. Ямщиков мысленно сказал Антипирину Анатолевичу последнее прости, зажмурил глаза и со скоростью падающего на добычу коршуна врезался головой в перекладины...

ЭПИЛОГ, СЛУЖАЩИЙ ОДНОВРЕМЕННО И ПРОЛОГОМ

Первый, кого увидел Ямщиков, открыв глаза, был склонившийся над ним врач команды «Трикотажник» Юльев.

— Ты как сюда попал?— удивился Олег.

— Как обычно,— пожал плечами Юльев.— Судья мне разрешил на поле выйти...

— Какой еще судья?— поморщился Ямщиков.— Ты разве не знаешь, что лучший судья— это наша совесть?

Доктор нахмурился, озабоченно покачал головой и, отбив горлышко у какой-то ампулы, с размаху всадил в Олега шприц. В это время к ним подбежал одноклубник Ямщикова по «Трикотажнику» Малокуров.

— Ну, как дела?— поинтересовался он.

— И ты тоже здесь?!— ахнул Олег. Он попытался приподняться, но в тот же миг в голове у него что-то щелкнуло, и, снова откинувшись на траву, Ямщиков с чувством произнес:

— Сколь благосклонно фортуна ко мне отнеслася.

Дав мне возможность опять лицезреть Малокурова личность...

Малокуров испуганно отпрянул и, поглядев на доктора, многозначительно покрутил пальцем возле виска.

— Значит, вы тоже в антимире?— после паузы снова перешел на прозу Олег.

— Нет,— решительно возразил Малокуров.— Мы на «Авангарде».

— А играем мы сегодня с кем? С «Антистатиком»?

— Да ты что?! Такой команды нет! У нас сегодня игра с «Многостаночником». Неужели тебе всю память отшибло? Конечно, трахнулся ты здорово...

— Обо что трахнулся?

— И этого не помнишь?— вздохнул Малокуров.— А ведь всего минут пять прошло, не больше... Их нападающий возле наших ворот мяч на голову хотел принять. Ну, а ты прыгнул и этого нападающего прямо в воздухе за лицевую линию вынес. Он-то там удачно приземлился, а ты— головой в штангу... Ну, вспомнил теперь?

— Теперь... теперь вроде вспомнил...— просветленно сказал Ямщиков.— Так значит... значит, команда наша называется не «Антибиотик»?

— Нет. «Трикотажник»...

— И я... И мы с тобой... мы сейчас находимся не в антимире?

— Нет...

— И выходит... выходит, что меня не дисквалифицировали за нарушение спортивного режима?!

— Да нет же!— заверил Малокуров.— Конечно, нет! Только еще собираются. Как раз завтра по этому вопросу собрание команды будет...

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент над футбольным полем разнесся протяжный свисток, извещающий о том, что матч между командами «Трикотажник» и «Многостаночник» после напряженной борьбы закончился с боевым счетом: ноль— ноль...

ЕВГЕНИЙ ВЕРБИН

ЮРИЙ БЛАГОВ

МИХАИЛ РАСКАТОВ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

Жаңы
жаңы

БОРИС ЮДИН

ЯКОВ КОСТЮКОВСКИЙ

БОРИС БРАЙНИН

БАКУРИАНИ

Солнце жарит, как в июле!
Наст хрустит арбузной коркой.
Горнолыжники, как пули,
Снег взрывают на пригорке!

Промелькнут в одно мгновенье,
Проскользнут, как легкий ветер!
Где, скажите, сила трения?
Или нет ее на свете?

Куртки яркие пылают,
Тело согнуто в полете.
Облака пурги взлетают
На опасном повороте.

Остановятся—так с шиком:
Сразу встанут—как застынут!
Где инерция, скажите?
Вам за физику не стыдно?

А они повиснут в креслах:
Что нам, дескать, до дискуссий?
...Видно, нет науке места,
Где победа за искусством!

ЮРИЙ БЛАГОВ

ОДИН И ПЯТЕРО

...Он молча поднял пистолет,
Слегка нажал курок,
И пять мужчин в расцвете лет
Пустились наутек.
Они неслись на полный ход,
Держась к плечу плечо,
Причем один рванул вперед
До выстрела еще.
Но тут и прозвучало:
— Фальстарт! Начнем сначала...

МИХАИЛ РАСКАТОВ

НЕ ДЛЯ МЕНЯ...

Белле АХМАДУЛИНОЙ

Зачем?.. Да так, как входят
в глушь времен
для важного, непрадного
познания,—
для расшифровки
странности названья
пришла я на столичный
стадион.

Был стадион глубокий
и голобок.
Следила я за тем,
как скачет мячик,
как будто глупый,
непослушный мальчик,
а может быть, как умный
колобок.

До боли на судьбу
слепую зол,
летел он не в ворота—
на трибуны,
за ним и рев, и свист,
как атрибуты
игры с печальным именем
Футбол.

Я видела, как клуб пошел
на клуб
в присутствии футбольного
начальства...
И лишь вратарь во рту
ворот качался,
как старый, никому
не нужный зуб.
Зачем, зачем мне вся эта
возня—
офсайды, угловые
и навесы
с капризами стареющей
невесты?..

Не для меня она,
не для меня!

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

БАЛЛАДА О ЛЕВОМ ПОЛУЗАЩИТНИКЕ

Евгению ЕВТУШЕНКО

Устав от болтовни
и бездейности,
заняться я хочу
полезной деятельностью,
в работу окунувшийся
по циклолотку,
я в левые иду
полузащитники.
Что б ни болтали
шкурники и лодыри,
в команде нашей
стал я первым номером!
Я получаю мяч. Бегу.
Мне некогда,
тем более,
что пасовать мне некому,
а если бы и было —
на-кась, выкуси! —
я сам хочу
финты красиво выполнить.
И вот уже
защита проворонила,
и я уже возник
перед воротами,
вопят трибуны —
мальчики и девочки, —
и мне вратарь
глазами знаки делает...
Я бью с размаху
в правый верхний угол.
Бросок! Вратарь
летит на землю пугалом,
но где уж там...
Удар неотразимый!
Как материт меня
вратарь-разиня!
Я оглушен
команды нашей криками,
и тренер
как-то очень странно кривится,
и голос информатора
противный:
«Счет 0:1».
Ликует... наш противник,

и по трибунам
ходят волны ропота.
Ах, черт возьми,
я бил в свои ворота!
И сам себе я
повторяю шепотом:
«А что потом,
а что потом,
а что потом?..»

МАРТ ПРОСТОДУШНЫЙ

Булату ОКУДЖАВЕ

Собирайтесь, фехтовальщики, боксеры,
теннисисты,
велогонщики, жокеи —
все, кто сердцем юн и чист!
Разобьемся мы на пары:
с шахматистом шахматистка,
с теннисистом теннисистка,
с фигуристкой фигурист.
Мы куда-нибудь отправимся,
далеко или близко,
по дороге напевая
летку-енку или твист.
А потом перемешаемся:
с боксером фигуристка,
с футболистом акробатка,
с теннисисткой шахматист.
Не пираты, не злодеи,
не сектанты-адвентисты,
на успех и одобренье
мы имеем верный шанс.
Мы споем и потанцуем,
как и свойственно артистам,
а потом объединимся
и сыграем в преферанс!

БОРИС ЮДИН
НА СТАДИОНЕ

Александр Твардовскому

Бабка с дедом, сделав круг,
два билета взяли с рук.
Дед никак не вникнет в разум
(даром дожил до седин):
— Почему бегут все разом?
Хлопцев много — мяч один.

А какой он прок в футболе?
Мяч гоняют. Ерунда!
Кабы этакое поле
под картошку — это да!

А ребята мяч толкают...
А народ судью ругает:
дескать, он судить мастак,
только судит он не так.

Тут и бабка завопила,
опершись на посошок:
— Бога нет! Судью на мыло!
На стиральный порошок!

НЕЛЬЗЯ!

Новелле Матвеевой

Стисну руки до хруста, до боли я...
Вспыхну я, как пунцовый пион...
Есть на свете страна Футболия,
И столица ее — Стадион.

Потрудились лопатки и грабельки,
На траве — изумрудом роса...
Ветер мальчикам, как корабликам,
Надувает труссы-паруса...

Мчатся красные... синие... красные...
Мчитесь, милые. Я вас люблю.
Как снежинки надежды напрасные
Тихо тают... А счет — по нулю.

Не пинайте его! Не пинайте!
И рукой зачем по мячу?
Трель свистка... Неужели пенальти?
Ах, зачем? Не хочу! Не хочу!

Не смешаюсь с кликушами-дамами,
Тихо, скромно пойду прямоком
Не с «Торпедами», не с «Динамами» —
Только с ним, дорогим «Спартаком».

И не менее... и не более...
Вот моя дорожка-стезя...
Есть на свете страна Футболия.
Можно ль мне без нее?
Нельзя!

МЕЖДУНАРВСТРЕЧА

Роберту Рождественскому

Тыщи
заботами
забитых голов

Ждут
по субботам
забитых голов.

Спаяны
зрелищем,
мускулами,
музыкой,

Играют наши
с гостями—
французами.

Словно
при виде пугала,
вой:

— Угловой!
— Судью
вон!

На трибуне
живые волны
плещутся,

В волнах
снуют
мальчишки-подлещики...

— Мо-
лод-
цы!—
визжат болельщицы...

— Стер-
ве-
цы!—
вопят болельщики.

Мяч
с полуполя
в ворота влечен.

— Тре-
бьен!
— Вели-
коленно!

— Широка-а-а
страна-а
родная...

— Аллон, з
анафн
де ля-а-а патри...

Подбили кого-то,
кого—не знаю.

Скорее «скорую»!
«03»!

Дрожу...
волнуюсь...
Я же не робот—
Наоборот—
Рождественский
Роберт.

У ВОВЫ ПРАЗДНИК

Агнии Барто

Вова счастлив! Вова рад!
Это лучше всех наград!
Он загнал в приемник гвоздик...
Он покрасил Мурке хвостик...

На обоях у окна
Он нарисовал слона...
Съел конфеты, мед, печенье
И залил компотом пол...

Потому что мама с папой,
Дядя Петя с тетей Капой,
Старший брат студент Никита
И его невеста Рита
Вместе с дедушкой Касьяном,
Вместе с бабушкой Татьяной
Все уши смотреть футбол.

ЯКОВ КОСТЮКОВСКИЙ

НЕОКОНЧЕННАЯ СКАЗКА

Корнею Чуковскому

За морями, за горами,
За дремучими лесами,
Где расцвел зеленый дол,
В королевстве был футбол.

И, как водится, футбол
Ералаш там произвел:

С короля снял паж камзол
И помчался на футбол.
А король забыл, что гол,
И помчался на футбол.

Вслед премьер закрыл свой стол
И помчался на футбол.
Ждать не стал его посол
И помчался на футбол.

Бросил принц спрягать глагол
И помчался на футбол.
Мэтр ему поставил кол
И помчался на футбол.

Парикмахер дам подвел
И помчался на футбол.

Огорчился слабый пол
И помчался на футбол.

Врач к больному не зашел
И помчался на футбол.
Тот воскликнул: «Производ!» —
И помчался на футбол.

А звонарь закрыл костел
И помчался на футбол.
Мэр составил протокол
И помчался на футбол.

Спрятал меч палач в чехол
И помчался на футбол.
Смертник вмиг в себя пришел
И помчался на футбол.

* * *

Я бы до конца довел
Эту сказку про футбол,
Я б еще сто рифм нашел
К слову чудному «футбол»,
Но за мной сосед зашел...

Я помчался на футбол.

СПОРТИВНЫЕ НОВОСТИ
ИЗ СТЕНГАЗЕТЫ «КЛУБА 12 СТУЛЬЕВ»
«ЛИТГАЗЕТЫ» «РОГА И КОПЫТА»,
ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»,
ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКИЙ СПОРТ» И ДР.

НОВЫЕ ПРИЗЫ

Умельцы Заборской фарфоровой фабрики изготовили новый суперкубок для вручения абсолютному чемпиону. От

стандартных кубков художественно оформленная емкость выгодно отличается тем, что вмещает на полведра больше.

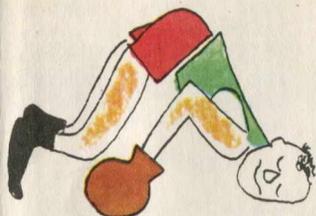
КОПИЛКА КУРЬЗОВ

Какие только рекорды не регистрируются ради падкой на сенсацию рекламы! Недавно парикмахер Лифтнаремонтв из гор. Пимы побрил за один час двести сорок человек. Однако так называемый «рекорд» не был засчитан: дело в том, что во время бритья ему в спину дул попутный ветер...

БОКС

Выходя на ринг сражаться с Алексеем Потаповым, Сергей Семенов отлично понимал, что сегодняшний бой он обязан закончить нокаутом. Так и случилось: на второй минуте третьего раунда соперник послал Сергея в нокаут.

РЕГБИ

В напряженной борьбе проходил матч между «Мотором» и «Светом», хотя обе команды по силе игры оказались равными: всю игру игроки «Мотора» вырывали мяч буквально из рук своих соперников, в то время как игроки «Света» ограничились лишь тем, что вырывали из рук «Мотора» только победу.

БЫВАЕТ И ТАК...

Чемпион Зареченского края по бегу с препятствиями Козюлин сразу взял первый попавшийся барьер, таким образом оставив своих соперников позади. На финише спортсмен был задержан судьями, которые, с трудом отобрав барьер у Козюлина, установили его на прежнее место.

ФУТБОЛ

Восемь безответных мячей пропустила команда «Кристалл» во вчерашней игре против «Металла». Первый мяч пропущен по вине вратаря, второй —

вине защитников, остальные шесть — по вине тренера.

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Всегда снимает перчатки, когда здоровается с дамами, боксер Т. Кукуев.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ФОРВАРД

Хорошо играет без мяча футболист команды «Гудок» Сугробов. Особенно хорошо он играет в шашки и преферанс.

НЕДООЦЕНИЛ

После окончания матча тренер собрал своих футболистов и сказал:

— Я недооценил вас, ребята, когда на прошлой неделе утверждал, что хуже играть вы уже не сможете...

ШАХМАТЫ

Не приступая к доигрыванию, гроссмейстер Бессонов в отложенной партии пятого тура признал себя победителем.

НА ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ

Единая система наказания действует на заводе «Резец». Если футболисты заводской команды играют без огонька или нарушают спортивный режим, их сроком на два месяца снимают с должностей заместителей директора и переводят в слесари 6-го разряда.

ИЗ ХОККЕЙНОГО РЕПОРТАЖА

«При счете 2:3 за 12 секунд до конца матча был заменен вратарь, а за 3 секунды — тренер».

УШЕЛ В ПРОФЕССИОНАЛЫ

Футболист заводской команды Федор Дуганов на днях ушел в профессионалы. Теперь он работает слесарем 4-го разряда.

О СПОРТЕ

С группой молодых перспективных фигуристов начал заниматься прославленный тренер И. С. Мотыльков.

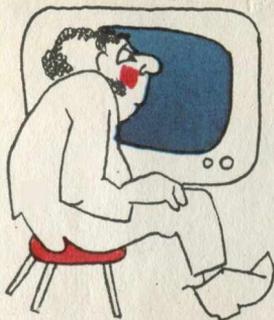
— Уже в этом году вся группа примет участие в международных соревнованиях, — заявил И. С. Мотыльков.

Сейчас молодые спортсмены 1982 года рождения под руководством замечательного тренера учатся ходить.

ВСЕ РЕШИЛ ПЕНАЛЬТИ

Шла последняя минута матча, а счет все не был открыт. За несколько секунд до финального свистка судья назначил в ворота хозяев поля одиннадцатиметровый штрафной удар. Гости поручили этот удар своему капитану. Свисток, короткий разбег, удар — мимо!.. Горисполком присвоил капитану команды гостей звание почетного гражданина города.

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ...

...Ответил юный полузащитник на вопрос центра нападения: «А на что тебе «Анна Каренина» Льва Толстого?»

ЕСТЬ РЕКОРД!

Ни одного мяча за весь сезон не пропустил вратарь москвичей В. Ладин. Интересно отметить, что Ладин в течение всего футбольного чемпионата просидел на скамейке запасных.

ОБЫГРАЛ ВРАТАРЯ

И вновь форвард Лампасов уверенно обыграл вратаря Гудилина. Тот сдался на 41-м ходу, потеряв ферзя.

РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ ИГРА

Смело и результативно сыграл центрфорвард команды города Бутузовска Альберт Бойцов в очередном розыгрыше «Спортлото».

ПРОПУЩЕННЫЕ УДАРЫ

Три опасных штрафных удара пропустил в первом тайме Сергей Филонов. Поэтому телерепортаж о втором тайме он смотрел гораздо более внимательно.

ТОЛЬКО ПЕРВЫМИ!

Всегда финишировать только первыми решили велосипедисты Бубукинского спортклуба. Теперь даже в гонке за лидером они сразу вырываются вперед и мчатся впереди мотоциклиста до самого финиша.

КОГДА ЕСТЬ ЕЩЕ СИЛА...

Судья с большим трудом отодвинул «стенку» на положенные девять метров. Вот почему арбитрам разрешается судить матчи только до пятидесяти лет, когда есть еще силы.

НОВОСТИ ХОККЕЯ

Нарушив правила, хоккеист сам отправляется на скамейку штрафников, но судьи этого не замечают.

ОБЪЯВЛЕНИЕ НА СТАДИОНЕ

«Прослушайте объявление об изменениях в составе команд: защитника команды «Труд» Мюфанова Николая, забившего в первом тайме три гола в собственные ворота, во

втором тайме считать нападающим команды «Отдых».

БОКС

24 боя провел на ринге Игорь Степанов, в девяти из них одержал победу, в остальных победила дружба.

СПОРТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

Штангист Никитюк, заняв первое место, не уступил его никому — даже женщине с грудным ребенком, которая стояла в автобусе рядом.

